

АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

**110-летию архивной службы
Курской области посвящается**

Сборник статей
Выпуск XI

КУРСК
2013

УДК 908

ББК 63.3 (2 Рус – 4 Курск)

С 55

С 55 События и люди в документах курских архивов. 110-летию архивной службы Курской области посвящается [Текст] / под ред. В.Л. Богданова. Курск: ООО «Центр рекламы «Лоцман», 2013. 173 с.

Редакционная коллегия: Богданов В.Л. (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской обл., Елагина Н.А. – директор ОКУ «Госархив Курской области», Карманова Л.Б. (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской обл., Пешехонова О.В. – зам. директора ОКУ «Госархив Курской области», Раков В.В. – зам. директора-начальник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук, доц.

Научный редактор: Раков В.В., канд. ист. наук, доц.

В сборник вошли исследования ученых-историков, преподавателей, аспирантов и студентов курских вузов, работников музеев и учреждений культуры, сотрудников архивов, посвященные различным проблемам истории края XVIII-XX в.в. Опубликованные в сборнике работы будут интересны и полезны широкому кругу читателей, интересующихся нашей историей. Все материалы размещены в авторской редакции.

© Архивное управление Курской области, 2013

© ОКУ «Госархив Курской области», 2013

© Авторы статей, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ	4
-----------------------------------	---

ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА И АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ

<i>Левина Е.В.</i> История архивного дела и архивной службы Глушковского района Курской области	5
<i>Епишева Л.М.</i> Из истории развития архивного дела в Коньшевском районе Курской области	11
<i>Шишлова М.В.</i> О роли муниципальных архивов в деле сохранения и пополнения Архивного фонда Курской области: история создания и перспективы развития.....	16

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

<i>Ласочко Л.С., Потаскаева Т.Н.</i> Школьный учитель Якуб Колос	24
<i>Щавелёв С.П.</i> «Под немецкой сворой...»: дневник оккупации города Курска в 1941-1942 гг.	33

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Дмитриева В.В.</i> Дневник И.П. Анненкова как исторический источник	43
<i>Рянский Л.М.</i> Дореволюционная отечественная историография о ситуации в русской крепостной деревне перед реформой 1861 г.	47
<i>Токарева С.Н.</i> Источники по истории полиции в Курской губернии начала XX столетия	52
<i>Данильченко А.Г.</i> Историография революции 1905 г. в Курской губернии	58
<i>Петраков Ю.С.</i> Источниковый комплекс крестьянской переписи 1911 г. в фонде Курского губернского статистического комитета	61
<i>Курцев А.Н.</i> Столыпинская аграрная реформа как фермеризация русской деревни: наше переосмысление историографии темы	66
<i>Жигулин Е.П.</i> Источники по истории региональной электрификации в фондах ГАКО ...	73

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

<i>Рянский Р.Л.</i> К вопросу о развитии скотоводства в помещичьих хозяйствах Курской губернии в первой половине XIX в.	77
<i>Терещенко А.А.</i> Финансовое положение городов Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX веков	83
<i>Салтык Г.А.</i> Из истории прудового рыбоводства в курском крае: 1913-1940-е гг.	89
<i>Чубаров А.И.</i> Социальная помощь солдатским семьям в Курской губернии во время Первой мировой войны	96
<i>Раков В.В.</i> Революция в провинции: к вопросу об установлении советской власти в Курской губернии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.).....	100
<i>Симоненков А.В.</i> Корниловские части в летне-осенних боях 1919 г. на территории Курской губернии	106
<i>Емельянов С.Н.</i> Воплощение политики большевиков по ликвидации православных монастырей в первые годы советской власти (на примере Курской губернии)	111
<i>Кононов Н.Г.</i> Эвакуация и реэвакуция общественного скота Курской области: проблемы, трудности, итоги. 1941-1943 гг.	116

Пилишвили Г.Д. Воссоздание и боевая деятельность истребительных батальонов Курской области в год коренного перелома в Великой Отечественной войне.....125

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КУРСКОГО КРАЯ

<i>Озеров Ю.В.</i> Дом преподобного Серафима Саровского в г. Курске: определение наиболее вероятного местонахождения	129
<i>Ласочко Л.С.</i> Из истории организации курской губернской почты	135
<i>Купреева Л.И.</i> Курские страницы Ивана Сергеевича Аксакова	138
<i>Атреева Е.Г.</i> Морской офицер и мемуарист В.И. Барятинский	144
<i>Пинаева И.В.</i> Участие курских монастырей в поисках культурно-исторических ценностей	147
<i>Шуклина Л.А.</i> Епархиальный училищный совет и церковно-приходские школы в конце XIX – начале XX вв.	150
<i>Кравцова Е.С.</i> Судьба человека в архивной единице хранения (о деле учителя Петра Ивановича Полякова)	154
<i>Палий Л.В.</i> Курский городской сад (сквер) в начале XX века	156
<i>Бирюков А. Ю.</i> История дома-музея Г.В. Свиридова	162
<i>Каменова В. Г.</i> История Фатежской народной библиотеки-читальни в 1899-1913 годах ...	165
<i>Друговская А.Ю.</i> Академик Н.М. Дружинин и курский край (к проблеме сохранения культурно-исторического наследия)	168
Сведения об авторах	172

Обращение к читателю

Уважаемые друзья! Вашему вниманию предлагается XI выпуск сборника «События и люди в документах курских архивов», посвященный 110-й годовщине создания архивной службы Курской области.

Первой попыткой централизации архивного дела на местах, в провинциальных городах России, стало создание губернских ученых архивных комиссий на основе «Положения о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях» от 13 апреля 1884 г. Главными задачами губернских ученых архивных комиссий являлись разбор ведомственных архивов и создание исторических архивов. Курская губернская ученая архивная комиссия была организована 23 апреля 1903 г. (по новому стилю – 6 мая) на учредительном собрании, состоявшемся в доме губернатора, на ул. Херсонской (сейчас ул. Дзержинского, 70). Первым председателем комиссии стал губернатор Н.Н. Гордеев.

За более чем вековой период проделана масштабная работа по формированию, сохранению и всестороннему использованию Архивного фонда. Пройдя непростой путь развития, совершенствования, архивная служба претерпела серьезные изменения. Сегодня это самостоятельная отрасль, состоящая из Архивного управления Курской области, трех государственных архивов – ОКУ «Госархив Курской области», ОКУ «Государственный архив общественно-политической истории Курской области», ОКУ «Государственный архив документов по личному составу Курской области» и 32 муниципальных архивов Курской области.

Архивный фонд Курской области – исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность архивных документов, являющихся неотъемлемой частью историко-культурного наследия и составной частью Архивного фонда Российской Федерации. Архивный фонд региона, насчитывающий сегодня около 3 млн. ед. хр., содержит богатейшую информацию о состоянии экономики и культуры курского края, социально-правовом и экономическом положении населения, начиная с XVII в.

Основными исследовательскими проблемами сборника выпуска 2013 г. стали: история архивного дела и архивной службы; архивные документы в системе культурных ценностей; историография и источниковедение истории Курского края; военно-политическая и социально-экономическая история региона; культурно-историческое наследие курского края.

Редколлегия

ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА И АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ

Е.В. Левина

ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА И АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ ГЛУШКОВСКОГО РАЙОНА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Та жизнь, которой мы живем, те события, которые волнуют нас сегодня, постепенно уходят в прошлое, становятся нашей историей. Но ничего не исчезает бесследно. В документах, письмах и фотографиях, в деловой и хозяйственной переписке, в решениях и постановлениях органов законодательной и исполнительной власти, в делопроизводстве учреждений и предприятий, учебных заведений, сельскохозяйственных предприятий остаются запечатленные на бумаге сведения, которые, без сомнения, представляют интерес для следующих поколений, являются ценностью государства.

С целью охраны, собирания и использования архивных материалов низового советского аппарата, колхозов, совхозов, МТС в 30-х годах 20 столетия началась организация районных архивов. Документальные материалы, подтверждающие дату образования архивного дела на территории Глушковского района, не сохранились. Но доподлинно известно, что на момент начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг архивное дело в Глушковском районе велось, документальные материалы находились на хранении как в организациях, так и в самом архиве.

Из Акта о нанесении ущерба, нанесенного немецко-фашистскими войсками, действующим учреждениям Глушковского района следует: «В архивах действующих учреждений, предприятий, организаций сельсоветов и колхозов Глушковского района Курской области к началу войны на хранении находились документальные материалы с 1936 г. по 1941 г. с общим количеством 175 фондов, 12 836 единиц хранения. В результате воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов немецко-фашистскими войсками были уничтожены материалы с 1936 г. по 1941 г. в количестве 116 фондов, 8 580 единиц хранения. Во время оккупации немецко-фашистскими войсками уничтожены (разграблены) документальные материалы с 1936 г. по 1941 г. в количестве 59 фондов, 4 276 единиц хранения» [1, л.7].

Та же участь постигла и документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Глушковского РО НКВД (название архивного отдела в тот период времени). Из Акта комиссии по выявлению ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками, следует, что на хранении в Государственном архиве Глушковского района Курской области находились документальные материалы с 1919 г. по 1937 г. общим количеством 25 фондов, 1 710 единиц хранения. В результате воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов немецко-фашистскими войсками были уничтожены материалы в количестве 15 фондов, 950 единиц хранения. Во время оккупации немецко-фашистскими войсками уничтожены (разграблены) документальные материалы в количестве 10 фондов, 760 единиц хранения [1, л.9].

В сентябре 1943 года Государственный архив Глушковского РО НКВД возобновил свою деятельность. Из годового отчета заведующего районным государственным архивом о работе райархива за 1947 год следует: «Здание для Райархива Райсовет выделил еще в 1945 г., которое до сего времени не дооборудовано, что не дает возможности заврайархивом нормально работать и производить сбор документальных материалов в райархив на дальнейшее хранение» [2, л.2].

Эта информация, подтверждающая жалкое существование архивного дела в Глушковском районе в то тяжелое послевоенное время, будет не единственной. Из письма начальника архивного отдела УМВД КО майора Сысоева начальнику Глушковского РО МВД капитану Белых от 12 июля 1948 года: «По имеющимся у нас сведениям, постановкой архивного дела, Вы, как начальник РО МВД, совершенно не занимаетесь, относитесь к этому участку работы безразлично, в результате чего помещение под Райархив приходит все в большую негодность, а находящиеся в нем документальные материалы подвергаются порче. ... Вам надлежит официально поставить вопрос перед Исполкомом Райсовета Д/Т о ремонте помещения...» [3, л.3].

Ремонтом помещения под районный архив занялись, но только, как следует из докладной записки заведующего архивом, в 1953 г., выделив новые комнаты по архивохранилища и под рабочий кабинет [4, л.5]. Где располагалось здание районного архива в 1945 году не известно, известно только, что оно располагалось рядом с Глушковским РО НКВД, и выходило окнами на улицу М.Горького. С 1953 г. районный архив расположился в здании исполкома Глушковского районного Совета депутатов трудящихся.

Из докладной записки заведующего райархивом Перепеличного к начальнику Архивного отдела УВД по Курской области от 16 мая 1958 г. следует: «В районе до настоящего времени нет архивохранилища, которое удовлетворяло бы вместимость документальных материалов сельских Советов и колхозов района. Документальные материалы с 1943 г. в учреждениях, организациях, а также в ряде сельских Советов и колхозов хранятся в самих фондообразователях, притом помещений у большинства специально отведенных под архив не имеется» [5, л.21].

Вопрос о предоставлении районному архиву помещения большей площади был решен только в 1972 г. Государственный архив Глушковского района переехал в отдельно стоящее здание по ул. Ленина, 12. В связи с чем площадь архивохранилища с 30 м² была увеличена до 50,76 м²., а рабочая комната с 8 м² до 11,62 м²[6, л.3; 7, л.1].

Сегодня мы привыкли к благам цивилизации. Но так было не всегда. Как следует из отчетов архива, в здании, в котором располагался районный архив в 40-50-х годах, освещение было естественное [8, л.1], и лишь в отчетах за 1965 год имеется информация о том, что в архивном отделе кроме естественного освещения было и электрическое [9, л.10]. Более 30 лет располагался архивный отдел Глушковского района в здании по ул. Ленина. Здание перестало удовлетворять потребность архивного отдела в свободных площадях архивохранилищ. В 2000-х годах документы, принимаемые от организаций района, располагать стало некуда. Последние годы здание находилось в аварийном состоянии. Старое здание архива не соответствовало требованиям пожарной и охранной безопасности. Главой Глушковского района П.М.Золотаревым было принято решение о переезде архивного отдела района в новое здание. С декабря 2009 года архивный отдел Администрации Глушковского района располагается в светлом, просторном здании по ул. М. Горького, 29 Б.

За прошедшие годы, неоднократно изменялось не только месторасположение архивного отдела, но и поменялось большое количество работников. Как удалось выяснить по ведомостям на выдачу заработной платы и по лицевым счетам работников исполкома Глушковского районного Совета заведующими архивного отдела с 1946 г. были: с 1946 г. по 03 января 1949 г. – Бугаева Александра Михайловна, с 03 января 1949 г. по декабрь 1950 г. – Тесленко Раиса Владимировна, с декабря 1950 г. по 22 февраля 1951 г. – Билибенко

Виктор Петрович, с 2 февраля 1951 г. по 14 июля 1952 г. – Капральская Лидия Федоровна, с 14 июля 1952 г. по июль 1954 г. – Еременко Анна Степановна, с июля 1954 г. по февраль 1956 г. – Зубарева (по одним данным Антонина Ал., по другим Нина Антоновна), с февраля 1956 г. по декабрь 1959 г. – Перепеличный Борис (отчество не указано), с января 1960 г. по январь 1963 г. – Бутенко Нина Ивановна, с 28 июня 1965 г. по 19 января 1967 г. – Щербатых Клавдия Ивановна, с 20 января 1967 г. по 12 апреля 1970 г. – Соломатина Полина Филипповна, с 13 апреля 1970 г. по апрель 1974 г. – Крыщенко Полина Ивановна, в августе 1974 г. – Аторин Павел Михайлович, с мая 1974 г. по апрель 1981 г. и с января по июль 1987 г. – Ленивкина Нина Семеновна, с 21 сентября 1981 г. по сентябрь 1984 г. – Луценко Клавдия Ивановна, с октября 1984 г. по ноябрь 1986 г. – Мозговая Любовь Николаевна, с февраля 1987 по 12 августа 1993 г. – Коробкина (Гудкова) Александра Ивановна, с 11 марта 1992 г. по 31 декабря 2005 г. – Левина Надежда Ивановна [10], с 01 января 2006 года по настоящее время – Левина Елена Валериевна.

Более сорока лет в архивном отделе работал только один работник- заведующий архивом. С 01 июля 1988 г. в архивный отдел был принят еще один работник на должность специалиста хозрасчетной группы Филатова Галина Ивановна.

Постановлением Главы администрации Глушковского района от 10 апреля 1992 г. № 104 был образован Объединенный межведомственный архив документов по личному составу, который, согласно постановлению Главы Администрации Глушковского района № 268 от 14 декабря 1992 г., был переименован в архивный отдел документов по личному составу при администрации Глушковского района. В одном помещении одновременно стало располагаться два архива: государственный архив Глушковского района и архив документов по личному составу при администрации Глушковского района.

Согласно распоряжению Главы администрации Глушковского района от 24 августа 1993 г. № 318-р Государственный архив Администрации Глушковского района был преобразован в архивный отдел Администрации Глушковского района с передачей ему штатной единицы документов по личному составу. Хозрасчетная группа архивного отдела была ликвидирована.

С 14 августа 1998 г., с момента ухода Филатовой Галины Ивановны на пенсию, начальник архивного отдела, Левина Надежда Ивановна, по 21 декабря 2000 г. работает одна. 22 декабря 2000 г. на должность специалиста архивного отдела была принята Авраменко Лариса Павловна, которая проработала в архивном отделе по 02 июля 2004 г.. В июле 2004 г. на работу главным специалистом в архивный отдел был принят Литвиненко Владимир Владимирович, который проработал в данной должности по 5 марта 2008 г.. С 22 апреля 2008 г. в должности главного специалиста-эксперта архивного отдела работает Арапова Светлана Викторовна.

Сложно было восстанавливать разрушенное войной архивное дело в районе. Из информации, представляемых заведующими архива видно, что первое, что было сделано после начала функционирования, это составлен список организаций, возобновивших после оккупации свою деятельность, и была налажена работа с данными организациями по восстановлению делопроизводственного процесса.

В отчете заведующего райархивом Тесленко о работе Райархива за 1948 г. значитсся «В течение 1948 года, на хранение принято фондов общим количеством 481 единица, ...»

(так в тексте) [13, л.5]. Из квартальных отчетов за 1950 г. имеются сведения, о том, что количество принятых фондов составляло 11, количество единиц хранения 1 145. [14, л.4]. В отчете заведующего архивного отдела о работе за 1958 г. имеются сведения о том, что количество архивных фондов, находящихся на хранении в архивном отделе составляло 70 фондов и 5 656 ед.хр. [15, л.21]. По паспорту архивного отдела на 01.01.1962 г. на хранении в архивном отделе значилось 58 фондов, 6 089 ед.хр. [16, л. 1об.]. Из отчета заведующей архивом за 1981 г. имеется информация о том, что на хранении в архивном отделе находилось 108 фондов, 17 554 ед.хр, из них 17 283 постоянного хранения и 271 ед.хр. по личному составу [7, л.1].

Прошло почти 70 лет, с момента возобновления деятельности архивного отдела после оккупации района. На 01 января 2013 г. на хранении в архивном отделе находится 100 фондов, общим количеством 37 937 ед.хр., в том числе: 18 074 ед.хр. – постоянного хранения, 19 031 ед. хр. – по личному составу, 533 ед.хр. – документов личного происхождения, 299 ед.хр. – фотодокументов.

За прошедшие годы существенно изменился и в количественном и в качественном составе список организаций – источников комплектования архивного отдела. Из отчета о работе райархива за 1948 г. следует: «Общее количество учреждений, предприятий и организаций включая избы читальни в районе по состоянию на 1-е января 1949 года, имеется 158» [13, л.5]. В отчете о работе райархива за 1974 г. имеются сведения о том, что в список источников комплектования архивного отдела входило 57 организаций, из них: 10 – отделы райисполкома и райинспектура госстатистики, 16 – сельсоветов, 15 – колхозы, 1 – учреждения сельского и лесного хозяйства, 3 – промышленные предприятия, 2 – судебно-правовые учреждения, 6 – райкомы профсоюзов, 4 – другие учреждения [17, л.14об.]. Согласно списку учреждений, организаций и предприятий –источников комплектования архивного отдела на 01 апреля 1996 г. имеются сведения о том, что источниками комплектования архивного отдела являлось 65 организаций района [18, л.8]. На сегодняшний день в список организаций- источников комплектования архивного отдела Администрации Глушковского района включена 41 организация.

В ходе анализа документов архивного отдела за 1940-50-е годы стало интересно, какое количество справок и по каким запросам выдавал архивный отдел в то время. В отчете заведующей райархивом Тесленко о работе Райархива за 1948 г. значится «... что же касается выдачи справок Райархивом по принятым материалам в течение года место не имело, так же не имело место использование архивных документальных материалов в оперативно чекистских и народно хозяйственных целях» [13, л. 5]. В докладной о работе архива за 1953 г. имеются сведения о том, что в течение 1953 г. было «наведено по похозяйственным книгам» 15 справок о наличии скота в хозяйстве [4, л.5]. Из отчета за 1958 г. следует, что выдано 18 справок, из них положительных 14, отрицательных – 4 [15, л.23].

Далее в годовых отчетах и информациях о работе не содержится информация об исполнении запросов, выдаче справок, лишь в текстовом отчете за 1967 г. значится следующее: «На запросы и заявления трудящихся о выдаче архивных справок ответ дается своевременно» [19, л.25]. Анализ выдаваемых справок за 1960-1969 гг. показал, что вопросы, по которым граждане чаще всего обращались в архив 40 лет назад, и на сегодняшний день остаются самыми актуальными: подтверждение заработной платы и трудового стажа.

По настоящему большой объем поступающих в архив запросов граждан начался с образованием архивного отдела по личному составу. В справке о результатах проверки архива по личному составу и райгосархива от 23 апреля 1993 г.а значится: «За 1 квартал 1993 года исполнено 1 134 запроса граждан социально-правового характера. 119 из них с положительным результатом» [20, л.2]. Из отчета о работе архива за 1996 г. имеется информация о том, что в течение года был исполнен 731 социально-правовой запрос, в том числе 370 положительных, 2 тематических. На сегодняшний день среднее количество запросов, исполняемых в архивном отделе за год, составляет более 1 000. Сравнивая качество исполняемых запросов, можно сделать вывод, что на сегодняшний день архивным отделом выдается отрицательных справок социально-правового характера значительно меньше, чем 15-20 лет назад.

За время своего существования с 1943 г. архивный отдел приостанавливал свою деятельность на два года в связи с объединением районов. На основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 01 февраля 1963 г. вместо 33 сельских районов в Курской области было образовано 12 районов. Глушковский район вошел в состав Рыльского района. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 года в Курской области было дополнительно образовано 5 районов, в том числе Глушковский. В отчете за 1965 год значится «Принимала документы Глушковского района от Рыльского райгосархива» [9, л.11об.].

После образования Глушковского района в январе 1965 г. к Глушковскому району был присоединен Кореневский район. В отчете за 2 квартал 1966 года в разъяснительной записке значится «От Рыльского райгосархива приняла документы Кореневской зоны» [11, л.12]. Из акта приема-передачи документальных материалов Кореневского архива известно, что это были документальные материалы за 1943-1965 гг. в количестве 80 фондов, 5 581 ед.хр. [12, л.л.15-19]. В 1967 г. в связи с образованием Кореневского района документальные материалы были возвращены государственному архиву Кореневского районного Совета депутатов трудящихся.

Анализируя работу архивного дела практически за 70-ти летнюю историю, убеждаешься, что основные виды работ архивного дела: упорядочение, прием, обеспечение сохранности и использование документов, были и остаются главными в нашей работе.

На сегодняшний день архивный отдел Администрации Глушковского района имеет возможность идти в ногу со временем: рабочие места оборудованы компьютерной техникой, производится оцифровка документов, осуществляется ввод информации в базу данных «Архивный фонд», прием граждан ведется в должных условиях, по документам личного происхождения и фотодокументам проводятся открытые уроки в школах района, оформляются выставки.

Источники и литература

1. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 1. Д. 1.
2. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 2. Д. 2.
3. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 3. Д. 1.
4. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 8. Д. 2.
5. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 11. Д. 37.

6. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 12. Д. 34.
7. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 12. Д. 57.
8. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 12. Д. 8.
9. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 12. Д. 12.
10. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-18.
Оп. 2. ведомости по начислению и выдаче заработной платы и лицевые счета работников исполкома Глушковского районного Совета народных депутатов за 1946-1992 годы.
11. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 12. Д.15.
12. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 12. Д.14.
13. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 3. Д. 3.
14. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 5. Д. 3.
15. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 11. Д.40.
16. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 12. Д. 9.
17. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 12. Д.44.
18. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 1. Д. 28.
19. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 12. Д.17.
20. Архивный отдел Администрации Глушковского района. Ф.Р-22. Оп. 1. Д. 18.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА В КОНЫШЕВСКОМ РАЙОНЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Важнейшие вехи развития Коньшевского района отражены в документах архивного фонда Курской области, часть которого хранится в районном муниципальном архиве. Коньшевский районный государственный архив возобновил свою деятельность, прерванную войной, в 1945 г. В докладной записке начальнику архивного отдела Управления Министерства Внутренних дел по Курской области ст. лейтенанту т. Чистякову о работе районного архива за 1949 г. отражено: «Помещения под архив нет, осуществлял архив деятельность сначала в здании райисполкома по совместительству в одной комнате с отделом ЗАГС; в 1949 г. был переведен в здание отдела внутренних дел по совместительству в одной комнате с райпожинспектором. Прием документов не производился. На хранении имелось 387 единиц хранения 21 организации, ранее принятые Макеевой К.Ф. (часть из которых временного срока хранения), которые размещались в запирающемся шкафу. Шкаф стоит на учете у райпожинспектора. Канцтоваров нет, мебели нет, пользуется мебелью и канцтоварами райпожинспектора».[2, л.6]

С вопросом о помещении для архива заведующая неоднократно обращалась в райисполком Коньшевского района. Из-за трудного положения вопрос решался с трудом. В 1955 г. выделяют под архив комнату в здании отдела милиции в 9 кв.м., где были установлены три деревянных стеллажа общей протяженностью полок – 8 погонных метров. Рабочей комнаты не было, и два года прием документов осуществлялся в дежурной комнате райотдела милиции.[3, л.12]

Работа архива заключалась в обследовании учреждений и организаций района (на учете состояло 165 организаций, 129 из которых учреждения сельскохозяйственного значения), проведении «архивно-технической обработки и составление отборочных списков на выделение к уничтожению документов».[2, л.7] В 1950-х годах произошло укрупнение колхозов и объединение сельских Советов. В связи с этим Исполкомом Коньшевского Райсовета депутатов трудящихся от 5 сентября 1961 года принято решение о проведении общественного смотра сохранности документов архивов учреждений, организаций, предприятий, колхозов, сельсоветов района. В результате только в 1961 году было принято в архив более 2 тысяч единиц хранения и на конец года в архиве насчитывалось 97 фондов, 9026 единиц хранения.[5, л.29]

В конце 1960 г. архиву было выделено помещение в здании исполкома. Райархив занимал 1 комнату в 24 кв. метра, но рабочей комнаты по прежнему не имел.[4, л. 24] Во время реорганизации районов Курской области (1963-1965 гг.) Коньшевский районный архив прекратил свое действие, документы находившиеся на хранении в Коньшевском архиве были переданы в Львовский райгосархив, а в августе 1965 года документы по акту были снова возвращены в Коньшевский райгосархив.[7, л.1]

Основными направлениями деятельности архива в эти годы были комплектование, обеспечение сохранности, проверка наличия документов фондов, составление тематических каталогов, усовершенствование описей. В 1980-е гг. активно проводилась передача на хранение в Госархив Курской области фондов сельхозартелей, райисполкома (по 1970 г.), сельсоветов, учреждений образования, здравоохранения, культуры, народного контроля, профсоюзных организаций (по 1980 г.).

Для обеспечения сохранности документов по личному составу и их использования в целях социально-правовой защиты граждан, постановлением Главы администрации Коньшевского района от 6 июля 1992 г. № 300 при администрации Коньшевского района был организован архив по личному составу, финансируемый из районного бюджета. [19, л.11] В соответствии с возложенными на него задачами архив по личному составу обеспечивал сохранность документов по личному составу, прием документов от ликвидированных, приватизированных, реорганизованных организаций, а так же действующих организаций, являющихся источниками комплектования архива. [20, л.99]

В целях усиления межотраслевой координации работы государственного архива и ведомственных архивов организаций постановлением Главы администрации Коньшевского района от 29 июня 1993 г. № 202 районный государственный архив был преобразован в архивный отдел администрации Коньшевского района. Архив документов по личному составу вместе с фондами и штатом перешел в его подчинение. [21, л.95] По состоянию на 1 января 2005 г. в архивный отдел было принято 8235 дел по личному составу. [6, л.32]

В 2002 году, на основании распоряжения главы администрации исполнительной государственной власти Коньшевского района от 4 декабря 2001 г. № 81-р среди источников комплектования архивного отдела был проведен смотр сохранности документов Архивного фонда Курской области. Специальной комиссией, в которую вошли руководители и специалисты отделов администрации района, всесторонне изучено хранение документов в архивах организаций, подготовлены предложения по созданию условий для их сохранности. В результате смотра в районе улучшились материально-техническое оснащение архивов организаций, хранение текущей документации, ликвидированы задолженности по упорядочению и передаче в архив документов. Заметно возросли авторитет архивной службы, ответственность руководителей за сохранность документов. По итогам смотра и в связи с празднованием 100-летия образования архивной службы Курской области работники лучших ведомственных архивов были награждены почетными грамотами администрации Коньшевского района. [22, л.24]

В 2007 году из-за массового поступления документов по личному составу ликвидированных предприятий архивохранилища практически полностью были загружены. В связи с этим районная администрация выделила архивному отделу дополнительное помещение площадью 32 кв. м. [10, л.16] По состоянию на 1 января 2008 года архивный отдел находился в здании бывшего исполкома изанимал 4 архивохранилища общей площадью 96 кв.м., которые были оборудованы железными стеллажами. Кроме того в архиве имелась рабочая комната. [10, л.9]

В списке источников комплектования архивного отдела была 41 организация – муниципальные органы власти и управления Коньшевского района, п. Коньшевка, 10 сельских поселений, а также районные суд и прокуратура, судебный участок Коньшевского района, финансовые органы, учреждения образования, культуры, здравоохранения, редакция районной газеты «Трибуна» и др. [4, лл.1-6] Архивные фонды отражают все спектры социально-экономической и культурной жизни Коньшевского района. Все фонды архива имеют описи и исторические справки.

Большой вклад в организацию архивного дела в Коньшевском районе и формирование фондов муниципального архива внесли работавшие здесь в разные годы люди. При этом до 1992 года в штате был всего один сотрудник. О бывших сотрудниках коньшевского ар-

хива известно немного. Заведующей архива с 1945 г. являлась Макеева Клавдия Федоровна, которая проработала до апреля 1949 г.[1, л.1], с апреля 1949 г. по 1957 г. архивом заведовала Лапкина Мария Парфеновна, с 1958 г. по 1963 г. – Мирошниченко Марфа Павловна. В августе 1965 г. от Львовского архива по акту приняла документы З.Чиркова. В 1970 г. заведующей архивом работала Андросова Алла Ивановна, которую в 1971 г. сменила Надежда Ивановна Бобкова. С 1974 г. архивом заведовала Соковая Е.К.[11, л.15]

Почти 26 лет с 1980 г. по 2006 г. возглавляла архив Фалалева Альбина Григорьевна. За этот период был налажен плановый прием документов от организаций, проведена их систематизация и описание, подготовлен научно-справочный аппарат к фондам архива. Благодаря ее профессионализму и коммуникабельности возросли авторитет архивной службы, ответственность руководителей за сохранность документов. В 2001 году Альбина Григорьевна приняла участие в областном конкурсе профессионального мастерства, где заняла 2 место.[14, л.6] Сейчас в штате архивного отдела 2 человека: Епишева Людмила Михайловна – начальник отдела (с февраля 2007 года) и Алфимова Ирина Сергеевна – ведущий специалист-эксперт (работает с августа 2006 года).

Событием особой значимости для коньшевских архивистов стало принятие 8 декабря 2005 г. Курской областной Думой законов Курской области «Об архивном деле в Курской области» и «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Курской области государственными полномочиями Курской области в сфере архивного дела». Эти нормативные правовые акты определили полномочия органов государственной власти Курской области и органов местного самоуправления муниципальных образований в сфере архивного дела, установили порядок финансирования архивных учреждений муниципальных районов.

Используя возросшее финансовое обеспечение, удалось значительно укрепить материально-техническую базу архива, что способствовало развитию и совершенствованию архивного дела в районе. Приобретены современная оргтехника, мебель, стеллажи, бытовая техника, необходимая в работе архивного отдела.[14, л.8]

Перед архивом стоит непростая задача: не только сохранить культурное наследие района, как возможно полнее наполнить фонды новыми документами, но и донести до населения историю малой родины. Для обеспечения необходимых условий по организации хранения архивных документов, комплектования архива и оперативности исполнения запросов была разработаны районные целевые программы «Сохранение и развитие архивного дела в Коньшевском районе Курской области на 2009-2010 годы» и «Сохранение и развитие архивного дела в Коньшевском районе Курской области на 2013-2015 годы».[14, лл.1-7;23, лл.1-12]

В целях обеспечения социальной и правовой защиты граждан, сохранения и предотвращения утраты документов по личному составу особое внимание уделяется решению вопросов отбора, упорядочения и передачи на хранение документов организаций, учреждений и предприятий всех форм собственности, находящихся в процедуре банкротства. Только за 2009-2010 годы в архивный отдел было принято 3138 дел 12 организаций и предприятий Коньшевского района, находящихся в процедуре банкротства. Из-за значительного поступления документов хранилища были полностью загружены.[13, л.7; 15, л.10]

В рамках исполнения районной программы «Сохранение и развитие архивного дела в

Коньшевском районе Курской области на 2009-2010 годы» для улучшения условий хранения документов и повышения качества обслуживания населения в 2010 г. Главой Коньшевского района В.Н. Шетининым было принято решение переместить архивные документы в здание МОУ «Коньшевская средняя общеобразовательная школа».[15, л.6]

Архивным отделом была проведена большая организационная работа по подготовке выделенных помещений для хранения архивных документов. В соответствии со «Специальными правилами пожарной безопасности государственных и муниципальных архивов Российской Федерации» проведен ремонт, заменена электропроводка, установлена пожарная сигнализация. Теперь два новых архивохранилища общей площадью 126,3 м² (ранее было 64 м²) расположены в просторных, уютных помещениях, но самое главное – соответствуют нормативам хранения документов. Благополучно перевезены и расставлены на стеллажах 35 тысяч дел архивного фонда Курской области.[15, л.6] В марте 2011 года на совещании с председателями экспертных комиссий проведена обзорная экскурсия по архивному отделу.[18, л.3]

В связи с преобразованием путем объединения муниципальных образований в 2010 году проведена организационная работа по упорядочению и сдачи на хранение в архивный отдел документов постоянного срока хранения и личному составу по октябрь 2010 года включительно; по упорядочению и передаче во вновь образованное муниципальное образование нотариальные дела и похозяйственные книги.[15, лл.11-13]

Одной из основных задач архивного отдела является координация архивного дела в районе, а для этого необходимо, чтобы архивное дело знали и строго выполняли работники ведомственных архивов организаций, являющихся источниками комплектования архивного отдела. В этих целях ежегодно проводятся районные семинары председателей экспертных комиссий и лиц, ответственных за делопроизводство и обеспечение сохранности документов по вопросам организации документов в делопроизводстве.

В настоящее время, в эпоху информационных технологий, сложно осуществлять деятельность, да и практически не возможно, без информатизации отрасли, создание качественно новой системы информационно-архивного обслуживания населения. В целях совершенствования учета архивных документов и быстроты поиска информации введены данные в программный комплекс «Архивный фонд», куда внесены все цифровые показатели фондов, исторические справки, заголовки дел с соответствующими шифрами.[24, л.5] Для внесения достоверной информации в базу данных в 2010 году проведена большая работа по проверке наличия и состояния 114 фондов.

За последние 15 лет объем принятых документов увеличился вдвое, и по состоянию на 1 января 2013 года на учете в муниципальном архиве состоит 121 фонд объемом 36418 единиц хранения, в том числе 14349 дел по личному составу за 1943-2006 гг.[24, л.17] Для более удобного использования пользователями архивной информации проведена работа по описанию и систематизации архивных фондов и составлен краткий справочник (путеводитель) по фондам архивного отдела Администрации Коньшевского района.[13, л.7]

Профессионализм работников отдела, это непрерывная работа самообразовательного процесса, желание шагать в ногу со своим временем, быть нужной своей профессии, выполняя задачи архивного дела.

Источники и литература

1. Архивный отдел Администрации Коньшевского района Курской области. Ф.Р-83. Оп.1. Д.1.
2. Там же. Ф.Р-83. Оп.1. Д.3.
3. Там же. Ф.Р-83. Оп.1. Д.9.
4. Там же. Ф.Р-83. Оп.1. Д.20.
5. Там же. Ф.Р-83. Оп.1. Д.25.
6. Там же. Ф.Р-83. Оп.1. Д.30.
7. Там же. Ф.Р-83. Оп.1. Д.33.
8. Там же. Ф.Р-83. Оп.2. Д.18.
9. Там же. Ф.Р-83. Оп.3. Д.4.
10. Там же. Ф.Р-83. Оп.3. Д.7.
11. Там же. Ф.Р-83. Оп.3. Д.8.
12. Там же. Ф.Р-83. Оп.3. Д.12.
13. Там же. Ф.Р-83. Оп.3. Д.17.
14. Там же. Ф.Р-83. Оп.3. Д.18.
15. Там же. Ф.Р-83. Оп.3. Д.24.
16. Там же. Ф.Р-83. Оп.3. Д.25.
17. Там же. Ф.Р-83. Оп.3. Д.26.
18. Там же. Ф.Р-83. Оп.3. Д.29.
19. Там же. Ф.Р-137. Оп.1. Д.10.
20. Там же. Ф.Р-137. Оп.1. Д.54.
21. Там же. Ф.Р-137. Оп.1. Д.56.
22. Там же. Ф.Р-137. Оп.1. Д.764.
23. Там же. Текущий архив. Д. «Целевая районная программа «Сохранение и развитие архивного дела в Коньшевском районе Курской области на 2013-2015 годы».
24. Там же. Текущий архив. Д. «Годовой отчет архивного отдела Администрации Коньшевского района Курской области по основной деятельности за 2012 год».
25. Там же. Текущий архив. Д. «Годовой план работы архивного отдела Администрации Коньшевского района Курской области по основным направлениям деятельности на 2013 год».

О РОЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ АРХИВОВ В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ И ПОПОЛНЕНИЯ АРХИВНОГО ФОНДА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Живя в настоящем, редко задумываешься о будущем в том плане, что наше сегодня станет прошлым, историей. Именно архивы являются главным звеном преемственности исторического времени, а от архивистов зависит насколько полно будет сформирована документальная память своего времени. Сегодня самым многочисленным звеном в деле формирования документов Архивного фонда Курской области являются местные архивы в районах и городских округах.

Прообразом районных архивов были уездные архивные бюро, создание которых началось с середины 1920-х гг. XX в. в уездах Курской губернии. К концу 1926 г. уездные архивные бюро были созданы в 7-ми уездах со штатной численностью 1 человек (Белгородском, Грайворонском, Курском, Львовском, Рыльском, Старо-Оскольском, Щигровском) [1, л.31]. Для организации их работы разосланы Положение об уездном архиве. С 1928 г. начался прием архивных документов в уездные бюро и обследование ведомственных учреждений по сохранности документов.

С образованием Курской области в 1934 г. XX в. архивы были организованы при райисполкомах. К концу 1935 г. их насчитывалось 42 из 92 существовавших районов со штатной единицей заведующего райархивом и окладом в 120 руб. [2, л.3]. Основными задачами архивистов в то время были: обследование ведомственных архивов на предмет удовлетворительного хранения документов; учет документов колхозов, совхозов, МТС, фабрик и заводов, их качественное упорядочение, налаживание процесса равномерного пополнения ими районных государственных хранилищ для вечного хранения; отбор документов в макулатуру [3, л.9]. Для заведующих райархивами проводились семинары по описанию архивных документов и их отбору в макулатуру. В течение недели архивисты изучали архивное дело в областном центре. Проживание, питание, проезд обеспечивались за счет денежных средств, выделяемых райисполкомом [4, л.8].

К 1936 г. в Курской области было организовано 64 райархива, в 60 из них были штатные работники, в 4 архивах – совмещенные должности; 42 работника прошли краткосрочные курсы при Курском облархиве. Вместе с тем, опыт архивной работы в районах оставался низким. Об этом свидетельствуют следующие цифры: свыше 3 лет в райархиве работало 5 человек, от 2 до 3 лет – 8 человек, от 1 года до 2 лет – 15 человек; до 1 года – 32 работника [5, л.2].

С 1938 г., когда архивная служба Курской области была передана в ведение УНКВД, большое внимание стало уделяться обеспечению сохранности документов в районных и ведомственных архивах, документальной части делопроизводства и регулированию сроков хранения документов в зависимости от их практического и научно-исторического значения. Инспекторами архивного отдела УНКВД осуществлялись систематические проверки по обследованию ведомственных и районных архивов с целью выявления нарушений в создании документопотоков и условиях их хранения. По результатам проверок составлялись донесения, рапорты, акты, предписания и, в случае выявления утраты документов, акты направлялись прокурору. Сохранившиеся в архивном фонде «Архивного управления Курской области» акты проверок свидетельствуют о том, что в образцовом состоянии на-

ходился архив в Рыльском районе, а работа архивистов с ведомствами в Касторенском, Старооскольском, Чернянском и Черемисиновском районах была признана неудовлетворительной [6, л.11].

К началу Великой Отечественной войны райархивы были образованы еще в 2-х районах, а штатные единицы заведующих введены в 3 районных архивах, причем в 20-ти из них эти должности занимали мужчины [7, л.7 об.]. Военный период 1941-1945гг. был непростым для курских архивов. С приближением фронта к Курской области встал вопрос об эвакуации не только предприятий, учреждений, но и документов. УНКВД были подготовлены и направлены в районы письма о категории документов, которые подлежали эвакуации. Уничтожение документов должно было быть осуществлено по описям и актам, которые необходимо было выслать в УНКВД. Сохранившаяся в госархиве Курской области переписка Курского облсовета депутатов трудящихся с районными архивными отделами, свидетельствует о том, что на местах каждый действовал так, как понимал свой патриотический долг. Одни – боялись уничтожать документы и писали письма в облисполком с просьбой о разъяснении по уничтожению тех или иных документов. В письме из Прохоровского райисполкома от 2 сентября 1941 г. запрашивалось, как поступить с документами секретного делопроизводства за 1927-1940 гг.; из Воловского райисполкома просили разъяснить можно ли уничтожать архивные документы 1928-1932 гг., в том числе списки репрессированных хозяйств, документы по изъятию и реализации кулацкого имущества; из Рыльска спрашивали, что делать с протоколами сессий райсовета, горсовета, сельсоветов, актами на вечное пользование землей, земельными шнуровыми книгами [8, лл.4-5].

Другие, наоборот, ударившись в панику, без каких-либо разрешений уничтожали все документы без разбора. Мантуровский райисполком в письме от 27 августа 1941 г. сообщал, что «анкеты, личные листки по учету кадров, протоколы исполкома облсовета за 1936-1940 гг. уничтожены, оставлены одни описи». В Медвенском райархиве самими работниками путем сожжения уничтожены все документы с 1927 по 1940 год общим количеством 428 фондов и 372 кг документов [9, л.8.]. В Рыльском архиве уничтожены документы свыше 8 тыс. дел 152 фондов; в Суджанском архиве – 3 370 дел; в Большесолдатском архиве – 3 000 дел; в Золотухинском архиве – 26 фондов 21000 дел; в Льговском архиве – 79 фондов 24 351 дело [9, лл.39 об, 55,88,150]; в Старооскольском архиве уничтожены документы 37 фондов в количестве свыше 5 000 дел и так по каждому из 66 районов [10, л.7]. Таким образом, документы районных архивов за 1927-1937 гг. были полностью уничтожены в 40 из 66 районных архивов, что составило 60,6% от общего количества документов, хранящихся в райархивах. Ущерб, нанесенный всей сети архивных учреждений Курской области, составил 65,9% довоенного количества фондов и свыше 80% документов и дел. Наибольший урон был нанесен районным и ведомственным архивам, которые практически полностью утратили документы довоенного времени [11, с.13].

Послевоенный период характеризуется восстановлением архивного дела на местах, контролем со стороны заведующих архивов за хранением документов в ведомствах и их упорядочением. Впервые в 1954 г. заведующими райархивов были составлены списки организаций-источников комплектования и согласованы с ЭПК архивного отдела Курского

облесполкома. На 1 июля 1958 г. в Курской области насчитывалось 33 райархива, в которых хранилось 17 207 документов Архивного фонда [12, л.26].

В течение 60-х годов несколько раз менялось административно-территориальное деление Курской области, в результате которого несколько раз объединялись и разъединялись районы, а вместе с ними и районные архивы. К февралю 1963 г. вместо 66 осталось 12 архивов, которые были в Горшеченском, Дмитриевском, Золотухинском, Курском, Льговском, Обоянском, Рыльском, Солнцевском, Советском, Суджанском, Фатежском, Шигровском районах. Началась работа по комплектованию райархивов документами по истории учреждений и организаций, проверке наличия документов в них. С этой целью были организованы на базе облгосархива семинары и практические занятия небольшими группами [13, л.5].

Начиная с 1964 г. в Курской области вновь начинают образовываться прежние районы, а вместе с ними возвращаются прежние архивы: с 1964 по 1966 гг. восстановлено 10 районов; с 1967 по 1977 г. - образовано еще шесть районов. К концу 1980 гг. в Курской области насчитывалось 28 районов, и соответственно столько же архивов, которые к этому времени стали называться государственными районными архивами. Несмотря на такое многократное административное деление, архивисты районного звена смогли не только сохранить историко-документальное и культурное наследие, но и создать крепкую материальную и документальную базу для хранения документов по истории местных органов власти, организаций сельского хозяйства, учреждений здравоохранения и культуры, а также для изучения будущими поколениями своей малой Родины.

В этот период времени заведующими райгосархивов проводится огромная работа по передаче на хранение в госархив Курской области хранящихся еще с 1943 г. архивных фондов районных и сельских Советов депутатов трудящихся и их исполкомов; райпланов, учреждений культуры и здравоохранения; райсельхозуправлений, колхозов и совхозов. Основное внимание уделялось проведению экспертизы ценности документов в ведомствах, в результате чего в макулатуру было выделено до 38% дублетной документации. Кроме того, госрайархивы начали работу по приему на хранение фотодокументов и документов личного происхождения от граждан района. Таким образом, к концу 1980-х годов в государственных районных архивах сложилась система, позволяющая включить в состав Архивного фонда весь спектр информации по истории государственного строительства СССР.

Начавшиеся в 90-х годов XX в. демократические преобразования в стране, вызвавшие необходимость реформирования архивной отрасли, направленной на реконструкцию всего Архивного фонда России, не могли не отразиться на архивном деле Курской области. Однако демонтаж командно-административного управления во многом оказал разрушительное воздействие на систему ведомственного хранения документов. Массовые явления, связанные с ликвидацией, реорганизацией и изменением форм собственности учреждений поставили перед правительством решение задач обеспечения сохранности и использования документов по личному составу.

Именно эти документы, отражающие трудовую деятельность рабочих и служащих, оказались наименее «защищены» от всяческого произвола при ликвидациих и реоргани-

зациях учреждений, так как они в большинстве своем не относились к составу Архивного фонда России, а районные государственные архивы не в состоянии были принять на хранение значительные объемы документов по причине отсутствия свободных площадей и значительного объема работ по исполнению запросов. Поэтому на основании распоряжения облисполкома от 11 декабря 1987 г. № 489-р и письма облисполкома от 18 марта 1988 г. № 2 в районах области для приема документов по личному составу от ликвидированных в массовом порядке учреждений и организаций в структуре райисполкомов на правах самостоятельного подразделения были созданы объединенные межведомственные архивы в Беловском, Дмитриевском, Железнодорожном, Кореневском, Мантуровском, Обоянском, Поныровском, Тимском, Хомутовском, Черемисиновском районах [14, л.46-47].

Главными задачами таких архивов были: упорядочение документов ведомств, принятие их на хранение и выдача справок социально-правового характера. С июня 1992 г. 10 объединенных межведомственных архивов по личному составу были переведены на финансирование за счет средств местного бюджета, а в 18 районах области были созданы архивы документов по личному составу при администрациях районов [15, л.2]. Однако здесь уже существовали государственные архивы, которые формировались архивными фондами учреждений. Такая ситуация в районах приводила к нарушению единых Российских принципов организации архивного дела и создавала определенный дисбаланс в сфере контроля за организацией делопроизводства и архивного дела на местах, так как архивы документов по личному составу, комплектуясь документами только долговременного срока хранения (75 лет) и находясь в структуре администрации районов должны были выполнять роль органа управления архивным делом в районе, тогда как государственные архивы, существуя при администрациях, принимали от организаций документы постоянного хранения и лишены были такой функции. Для урегулирования сложившегося положения согласно записке архивного отдела администрации области от 01 июня 1993 г. № 2-7-1 все 28 районных государственных архивов и архивов документов по личному составу были объединены и вошли в структуру администраций каждого из районов, став архивными отделами администраций со штатной численностью двух человек. Также в 1993 г. в архивной отрасли Курской области появились еще два новых городских архива – архивный отдел администрации г. Курчатова и архивный отдел по личному составу администрации г. Курска [16, л.35]. К середине 90-х годов в системе архивных учреждений Курской области стало 30 районных архивных отделов - архивные отделы в 28 районах и 2 городах Курске и Курчатове. В течение 1993-1994 гг. архивными отделами разрабатывались и утверждались Положения об архивных отделах, которые явились основными нормативными документами в работе по обеспечению сохранности, укреплению материально-технической базы архивов, научно-технической обработке документов ведомств, проведению экспертизы ценности дел организаций, их хранению и использованию.

Конец 90-х годов XX в. – это время критического состояния, которое приходилось испытывать архивным учреждениям Курской области из-за систематического недофинансирования архивной отрасли, что было связано с общим кризисом экономической системы страны. Вследствие приватизации, банкротства многих государственных структур, частой смены собственников документов и невозможности найти ответственных работников за их сохранность, невосполнимо утрачен целый пласт истории многих фондообра-

зователей районного уровня – документов сахарных заводов Беловского, Дмитриевского, Льговского районов (1970-1980 гг.). Однако именно в такой трудный период архивисты со всей преданностью архивному делу осуществляли огромную кропотливую работу по проверке наличия и состояния документов Архивного фонда, безопасности архивных фондов, в результате чего не был украден или похищен ни один архивный документ, тогда как в федеральных архивах такие факты имели место быть.

В начале 2000 г. имелись случаи отключения охранно-пожарной сигнализации от пульта управления за неуплату в архивном отделе администрации Обоянского района, а в 17 архивных отделах она вообще отсутствовала. В течение нескольких месяцев в 1997- 1998 гг. не выплачивалась заработная плата сотрудникам архивных отделов районов области. В этот период в 18 архивных отделах администраций районов (Глушковском, Дмитриевском, Железнодорожном, Золотухинском, Касторенском, Кореневском, Курчатковском, Льговском, Мантуровском, Медвенском, Октябрьском, Поныровском, Рыльском, Советском, Тимском, Фатежском, Хомутовском, Черемисиновском) была сокращена одна штатная единица. Однако к концу 1999 г. она была восстановлена в 15 районах, в 2000 году – в Глушковском и Советском районах, а в 2002 г. – в Медвенском районе [17, л.75].

Вместе с тем, не все архивные отделы испытывали в это время определенные трудности. Главами администраций Горшеченского, Золотухинского, Касторенского, Коньшевского, Октябрьского, Пристенского, Суджанского, Рыльского, Щигровского районов были выделены средства на проведение текущих ремонтных работ в хранилищах и рабочих помещениях; новые здания получили архивные отделы Медвенского, Суджанского районов, дополнительные хранилища – архивные отделы Золотухинского, Коньшевского районов. Не испытывали больших финансовых проблем, став с 1997 г. муниципальными, городские архивы Курска и Курчатова, где наоборот наблюдалось укрепление их материально-технической базы, оснащение архивов информационными технологиями [18, л.2].

Значимым событием этого периода, способствующим повышению роли архивистов районного звена, на наш взгляд, стал принятый Курской областной Думой Закон от 14 декабря 1995 года № 101-12 «О государственной службе Курской области», согласно которому впервые на законодательном уровне был решен вопрос о руководителях структурных подразделений администраций районов. Вместо заведующих архивными отделами введены должности начальников архивных отделов с обязательным высшим образованием и согласованием кандидатуры в архивном управлении Курской области. Это значительно подняло статус архивистов на местах.

В течение 1990-2000 гг. архивными отделами несколько раз пересматривались списки организаций-источников комплектования архивных отделов, учитывались изменения форм собственности предприятий, организаций и учреждений, наличие негосударственных структур и продолжалось плановое комплектование Архивного фонда Курской области по сокращению объема неупорядоченных документов в ведомствах. Всего за 2000-2006 гг. на хранение в районные архивы Курской области было принято свыше 340 тыс. дел, характеризующих экономическое, социальное и культурное развитие области. Начиная с 2001 г., значительно увеличивается количество документов по личному составу, принятых в архивные отделы сверх плана, в основном за счет ликвидированных и обанкротившихся организаций. Если до 2001 г. количество принятых на государственное хранение докумен-

тов от ликвидированных организаций было незначительным и не учитывалось в учетных документах, то к 2004 г. их количество увеличилось до 36 тыс., что свидетельствовало об усилении социальной функции архивов на местных. Сегодня работники районных архивов Курской области помимо основной работы в большей степени заняты исполнением запросов социально-правового характера. Если в 2000 г. количество таких запросов по области составляло около 16,5 тыс., то к 2012 г. их исполнение возросло до 30 тыс. [19, л.12].

С 2007 г. основное внимание в работе архивных отделов уделяется популяризации документов Архивного фонда посредством организации выставок, публикаций статей в районных СМИ, выступлений на местном радио по архивной тематике. В течение года организуется более 60 выставок документов, в том числе документов личного происхождения, и фотодокументов, посвященным историческим и юбилейным датам, например такие, как: «Памятники воинской славы», «Солдаты Победы» (Дмитриевский район), «Герои войны 1812 года», «300 лет слободе Михайловка», «Моя родословная» (Железнодорожский район) и др.

Появились новые формы работы с ведомствами. Это конкурсы профессионального мастерства среди администраций муниципальных образований сельсоветов под названием «Лучший по профессии» и «Деловая женщина», которые были организованы и проведены начальниками архивных отделов Мантуровского, Обоянского, Советского, Суджанского, Хомутовского, Черемисиновского районов. На базе архивных отделов Обоянского и Рыльского районов осуществлялась практика студентов. Учащиеся Обоянского библиотечного и Рыльского авиатехнического колледжей на базе архивных отделов изучали основные требования делопроизводства и архивного дела, знакомились с процессом приема документов ведомств на хранение [20, л.7-12].

Постановлением Губернатора Курской области от 31 января 2000 г. архивные отделы администраций районов области были изменены на архивные отделы администраций исполнительной государственной власти районов области, а с 1 января 2006 г. согласно 131-му Федеральному закону преобразованы в муниципальные архивы в виде структурных подразделений администраций. В 2005 г. архивный отдел по личному составу г. Курска стал полноценным архивом по комплектованию документами учреждений, фотодокументами и документами личного происхождения. В течение 2008-2009 гг. были созданы еще два городских архива в Железнодорожске и Льгове. В 2010 г. архивный отдел администрации г. Льгова реорганизован в самостоятельное муниципальное казенное учреждение «Архив города Льгова Курской области» при администрации города. В архивном отделе Администрации Щигровского района в связи с отсутствием городского архива создан межмуниципальный архив, со штатной численностью три человека, [20, л.10]. Таким образом, к 1 января 2013 г. в систему архивных учреждений Курской области вошли 32 муниципальных архива, среди которых архивные отделы при Администрациях в 28 районах Курской области и в 4 городских округах Железнодорожске, Льгове, Курске, Курчатове.

На 1 января 2007 г. в муниципальных архивах Курской области было сосредоточено свыше 905 тыс. документов, из которых 700 тыс. составляли документы, относящиеся к государственной собственности Курской области. Поэтому законом Курской области от 21 декабря 2005 г. № 98-ЗКО «О наделении органов местного самоуправления муници-

пальных образований Курской области отдельными государственными полномочиями Курской области в сфере архивного дела» органам местного самоуправления районов области делегированы полномочия по хранению, комплектованию, учету и использованию документов, относящихся к государственной собственности в виде финансовых ассигнований (субвенций). Анализ имеющихся в архивном фонде архивного управления Курской области отчетов архивных отделов свидетельствует о значительном обновлении материальной базы за счет областных средств. В течение 2006-2012 гг. в 10 архивных отделах установлена охранная и пожарная сигнализация (Железногорском, Золотухинском, Кореневском, Суджанском, Пристенском, Щигровском районах, г. Железногорске, г. Курске, г. Льгове, г. Курчатове); во всех муниципальных архивах приобретены компьютеры, ксероксы, установлена сеть Интернет и электронная почта [21, л.7]. С 2010 г. муниципальные служащие архивных отделов Глушковского, Золотухинского, Коньшевского, Кореневского, Рьльского, Обоянского в районах приступили к работе по оцифровке документов Архивного фонда Курской области, которая сегодня проводится. Постановлениями глав и администраций муниципальных образований районов Курской области утверждены районные целевые программы «Сохранение и развитие архивного дела на 2013-2015 годы» в Глушковском, Курчатовском, Коньшевском, Медвенском и Суджанском районах в целях обеспечения сохранности документов Архивного фонда Курской области [21, л.8].

Сегодня архивные отделы муниципальных районов и городских округов Курской области проводят большую работу по повышению патриотического сознания у подрастающего поколения, принимая активное участие в мероприятиях, проводимых архивным управлением Курской области (историко-архивная экспедиция, конкурсы на лучшую архивно-краеведческую лекцию и газетную статью), Администраций районов и городов, и организуя обзорные и тематические лекции, выставки, экскурсии для студентов и школьников по документам архива, «круглые столы» и конференции. Архивисты осознают свою ответственность за то, чтобы жизнь районов оставила след в истории и готовы и дальше продолжать и развиваться в принципиально новых условиях.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф.Р-2968. Оп.1. Д.52.
2. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.1. Д.2.
3. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.1. Д.2.
4. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.1. Д.3.
5. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.2. Д.20.
6. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.2. Д.265.
7. ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.9. Д.83.
8. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.1. Д.122.
9. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.1. Д.232.
10. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.1. Д.208,238.
11. Архивная служба Курской области. История и современность. Курск. 2003.
12. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.2. Д.629.
13. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.2. Д.876.
14. ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.44. Д.3754.

15. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп. 1. Д. 2056.

16. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп. 1. Д.2056; *Курская Правда*. 1994. 7 декабря.

17. ГАКО. Ф.Р- 2969. Оп. 1. Д. 2147.

18. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.1. Д.2262.

19. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.1. Д.2424.

20. ГАКО. Ф.Р-2969. Оп.1. Д.2620; *Архивное управление Курской области. Текущий архив архивного управления Курской области. Дело «Отчет о выполнении Основных направлений развития архивного дела в Курской области за 2008, 2009, 2010, 2012 годы».*

21. *Архивное управление Курской области. Текущий архив архивного управления Курской области. Дело «Сводный паспорт муниципальных архивов Курской области по состоянию на 1 января 2013 года».*

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Л. С Ласочко., Т. Н. Потаскаева

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ ЯКУБ КОЛАС

Константин Михайлович Мицкевич (Якуб Колас), белорусский советский писатель, поэт, один из классиков и основоположников белорусской литературы, родился 3 ноября (22 октября по старому стилю) 1882 года в деревне Акинчицы Минской губернии (в настоящее время – с. Столбцы Столбцовского района Минской области) в семье лесника Михайлы Казимировича Мицкевича. Окончив начальную школу, обучался в Несвижской учительской семинарии (1898-1902 гг.), затем до 1906 г. работал учителем на Полесье и Минщине.

За участие в нелегальном съезде учителей в 1906 г. был уволен с должности, находился под следствием. Позднее был осужден на 3 года и отбывал наказание в Минской тюрьме. Потеря работы стала стимулом для творчества. Мицкевич становится сотрудником газеты «Наша доля», где впервые помещает стихотворение под псевдонимом Якуб Колас. Псевдоним Якуб Колас был выбран не случайно. Увлечшись творчеством русского писателя Якубовича – Мельшина, Мицкевич взял именем часть фамилии писателя, а фамилией (Колас) стало понравившееся стихотворение о колосе.

С началом Первой мировой войны писатель вместе с семьей эвакуировался в Дмитровский уезд Московской губернии. В сентябре 1915 года Мицкевич был призван на военную службу. Служил в пехоте. В 1916 году закончил в Москве Александровское военное училище. Летом 1917 г. был направлен на Румынский фронт, но тяжело заболел и эвакуировался по болезни в чине подпоручика в город Обоянь, где жила его семья: жена и двое детей.

С 1917 по 1921 год белорусский поэт жил и работал в Обоянском уезде. Первым местом его работы была школа в деревне Малые Крюки. С конца 1918 по февраль 1920 года имя Константина Михайловича связано со 2-й Липовецкой школой Вышне-Реутчанской волости Обоянского уезда, куда он был определен учителем, а с 12 февраля 1921 г. Мицкевич был утвержден в должность инструктора Обоянского уездного отдела образования.

В 1921 году К.М. Мицкевич возвратился в родную Белоруссию. Вся дальнейшая его биография связана с творчеством, литературной, культурной жизнью республики. С этого времени он больше известен как Якуб Колас. В 1926 году ему было присвоено звание Народного поэта БССР. В 1928 году Якуб Колас становится академиком, а в 1929 – вице-президентом АН БССР. В 1934 г. его принимают членом Союза Писателей СССР. В 1946 г. за цикл стихотворений военного времени, посвященных подвигу советских воинов и партизан, Якубу Коласу была присуждена Сталинская (Государственная) премия. А в 1949 году за поэму «Хата рыбака», в основе которой – тема воссоединения Западной Белоруссии и БССР, Якуб Колас удостоился второй Сталинской премии. В списке его наград – 5 орденов Ленина, орден Красного Знамени, медаль «Партизану Отечественной войны» I степени.

Произведения Якуба Коласа переведены на многие языки мира, по мотивам его рассказов, повестей, поэм, сняты художественные фильмы, поставлены спектакли, оперы, сам он является автором перевода на белорусский язык поэмы А.С. Пушкина «Полтава», отдельных произведений Т.Г.Шевченко, П. Тычины, Адама Мицкевича, Рабиндраната Тагора. Надо сказать, что последние главы своих поэм «Новая земля» и «Симон – музыкант» Якуб Колас дописывал в пору работы на курской земле. Якуб Колас – один из редакторов акаде-

мического «Русско-белорусского словаря» (1953 г.).

Умер поэт 13 августа 1956 года. Похоронен на Военном кладбище города Минска. Одна из центральных площадей белорусской столицы и улица носят имя Якуба Коласа, на площади ему установлен памятник. Имя Якуба Коласа присвоено Национальному академическому драматическому театру.

В данной публикации представлены документы с автографом К.М. Мицкевича, хранящиеся в фонде Вышне-Реутчанского волисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Обоянского уезда Курской губернии. Наибольший интерес среди документов представляет автобиография поэта и сведения об открытии школы в Липовце. В 50-х годах прошлого столетия копии всех выявленных в архиве документов с автографом К. Мицкевича были направлены в музей-архив Якуба Коласа в Минске. Публикуемые документы размещены в хронологической последовательности, текст воспроизводится с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинников.

Публикацию документов подготовили зам. начальника отдела использования и публикации документов Л.С. Ласочко и научный сотрудник отдела Т.Н. Потаскаева.

№1

Сообщение учителя Липовецкой школы К.Мицкевича отделу народного просвещения Вышне - Реутчанской волости о дате приема учеников и начале занятий в школе

с. Липовец, 30 ноября 1918г.

Доношу отделу народного просвещения, что прием учеников во вторую Липовецкую школу открыт был 23 октября, занятия же нормально начались с 1-го ноября. Перерывов в занятиях до сих пор не было.

Учитель второй Липовецкой школы

К. Мицкевич

Ф. Р-511. Оп. 1. Д.4. Л.23. Подлинник. Рукопись.

№2

Письмо учителя Липовецкой школы В-Реутчанской волости К. Мицкевича в отдел народного просвещения Вышне - Реутчанской волостина замечание о задержке переписки

с. Липовец, 5 декабря 1918г.

В предложении отдела народного просвещения от 5 декабря с.г. за №23 мне было поставлено на вид более серьезное отношение к переписке, которая имеет спешный характер. Не имея обыкновения задерживать хоть лишний день всякого рода деловую переписку, а тем более переписку, имеющую спешный характер, позволю себе заявить, что задержки в переписке происходят сплошь и рядом не по вине тех лиц, к которым она, переписка, адресуется, так как бывают часты случаи, когда бумаги вовсе не доходят или доходят с

большим опозданием. С другой стороны нет установленных дней, в которые можно было бы отсылать всякого рода бумаги, а приходится пользоваться случайными случаями.

Обращая внимание отдела на вышеизложенное, прошу волостной отдел народного просвещения указать мне наиболее целесообразные способы для более аккуратного и правильного сношения с таковыми.

Учитель К. Мицкевич
Ф. Р - 511. Оп. 1. Д.4. Л.18,18об. Подлинник. Рукопись.

№3
Автобиография Константина Михайловича Мицкевича
8 декабря 1918 г.

Константин Михайлович Мицкевич. Учитель 2-й Липовецкой школы В.-Реутчанской волости. Родился в 1882 году 22 октября. Призыва 1904 года. На военную службу призван в 1915 году по мобилизации. Служил в пехоте. Окончил военное училище. Эвакуировался по болезни в чине подпоручика. Образование получил в Несвижской1 учительской семинарии, которую окончил в 1902 году. Кроме учительского дела других специальностей не имеет.

К. Мицкевич
Ф. Р - 511. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 5. Подлинник. Рукопись.

№4
Сообщение учителя К.М. Мицкевича,
направленное в отдел народного просвещения Вышне-Реутчанской
волости о наличии и состоянии сада при школе

8 декабря 1918 г.

Согласно предложению отдела народного просвещения В- Реутчанской волости от 2 декабря с.г. за № 21 доношу, что при второй Липовецкой школе сад имеется, причем сад вполне оборудованный, и мест для посадки новых деревьев не имеется.

Учитель К. Мицкевич
Ф. Р - 511. Оп. 1. Д.4. Л.37. Подлинник. Рукопись.

№ 5
Из протокола Вышне-Реутчанского волостного учительского собрания
об избрании членов совета народного образования

15 декабря 1918 г.

...*Предварительно перед собранием были произведены выборы временного президиума для ведения настоящего собрания. В президиум были выбраны открытым

голос[ованием]: председателем собрания – Н.А. Крюков, тов[оварищем] предс[едателя] – Ефим Иванович Косинов и секретарем – т. Соколов.

Предварительно перед началом собрания т[оварищем] предс[едателя] были прочитаны собравшимся на собрание основания декрета, руководствуясь которыми нужно было бы произвести выборы. Затем собрание по предложению т[оварища] председателя фактически приступило к самим выборам 2-х членов совета народ[ного] образ[вания]. Были на-мечены кандидаты: Мицкевич, Косинов, Смирницкий, Еремина. При голосовании закрытой балатировкой т[оварищ] Мицкевич получил 5 голосов (и оказался выбранным), Косинов получил 6 голосов, Смирницкий – 2 голоса, Еремина – 2 голоса. Выбранными по итогам голосования оказались тов[арищи]: Мицкевич, Косинов...

Председатель собрания
Н.А. Крюков
Товарищ председателя
Е.И. Косинов
Секретарь
Соколов**

Ф. Р - 511. Оп. 1. Д. 3. Л. 4. Подлинник. Рукопись.

Опущены повестка дня и информация об обмене мнениями о дефектах школьного оборудования
Инициалы имени, отчества не указаны*

№6

Выписка из списка учителей школ* Вышне-Реутчанской волости Обоянского уезда по состоянию на 15 декабря 1918 г., направленного в Обоянский уездный отдел народного просвещения

16 декабря 1918 г.

№ п/п Должность, имя, отчество, фамилия Год рождения Отношение к отбытию воинской повинности Образовательный ценз и оседлость

... 8. Учитель 2-й однокомп [лектной] Липовецкой школы Константин Михайлович Мицкевич 1882 Призыва 1904 г. На военную службу был взят по мобилизации в 1915 г. Служил в пехоте и эвакуировался по болезни в чине подпоручика. Окончил Несвижскую учительскую семинарию. Учитель

Председатель В - Реутчанского волостного
отдела народного просвещения Н. Крюков
Ф. Р - 511. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 2-2 об. Подлинник. Рукопись.

№7

Сопроводительное письмо учителя 2-й Липовецкой трудовой школы К.М. Мицкевича в Вышне – Реутчанский волостной отдел народного просвещения к списку учащихся

с. Липовец 27 декабря 1918г.

При сем представляю список* учащихся 2-й Липовской** трудовой школы, нуждающихся в обуви и мануфактуре.

Учитель К. Мицкевич
Ф. Р - 511. Оп. 1. Д.4. Л.66. Подлинник. Рукопись.

* Список в деле отсутствует

** Так в тексте

№8

Заявление учителя 2-й Липовецкой трудовой школы К.М. Мицкевича в Вышне–Реутчанский волостной отдел народного просвещения о его замещении на время прохождения комиссии

29 января 1919 г.

31-го сего января, по постановлению Обоянской медицинской комиссии, я назначен на комиссию в г. Курск на предмет определения моей годности к военной службе.

Не зная, как долго я буду в отсутствии, прошу волостной отдел назначить и прислать мне заместителя в школу.

Учитель К. Мицкевич
Ф.Р-511. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 12. Рукопись. Подлинник.

№ 9

Сообщение учителя 2-й Липовецкой школы К. Мицкевича в Вышне–Реутчанский волостной отдел народного просвещения о кадровом составе школы

21 февраля 1919 г.

Инструктором физического труда при 2-й Липовской* школе состоит с 1 октября 1918 г. Федор Кондратьевич Аверков, а при 1-й – с 1 сентября 1917 г. Иван Яковлевич Бакшеев.

Учитель К. Мицкевич
Ф. Р-511. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 24. Рукопись. Подлинник

* Так в тексте

№10

**Заявление учителя 2-й Липовецкой школы К.М.Мицкевича в Вышне - Реутчанской
отдел народного просвещения о наличии бумаги и исписанных тетрадей**

21 февраля 1919 г.

Вследствие предложения Реутчанского отдела нар[одного] просв[ещения] от 17 февраля с.г. за № 39 честь имею сообщить, что кроме писчей бумаги, полученной из уездного отдела нар[одного] просв[ещения] в количестве 2 ½ стоп, никакой другой негодной бумаги у меня не имеется. Исписанные же тетрадки мною хранятся.

Учитель К. Мицкевич
Ф.Р-511. Оп. 1. Д.4. Л.110. Подлинник. Рукопись.

№11

**Заявление учителя 2-й Липовецкой школы К.Мицкевича
в Вышне-Реутчанской отдел народного просвещения
о наличии ненужной бумаги**

1 марта 1919 г.

Всего негодной бумаги всякого рода, имеющейся при 1-м Липовецком училище* имеется не свыше одного пуда.

Учитель К. Мицкевич
Ф.Р-511. Оп. 1. Д.4. Л.123.

*Так в тексте

№12

Из протокола* съезда учителей Вышне-Реутчанской волости об организации учительских школьных советов, об отправке учеников в школы, о культурно-просветительных театральных кружках

18 мая 1919 г.

Председатель – Николай Федорович Крюков
Секретарь – К[онстантин] Мицкевич

Присутствовали: 13 учителей с приглашенными (за отсутствием Переверзевой и Соколовой Нижне-Реутчанской 1-й школы и 1-й Липовецкой).

Открывая съезд учителей, председатель знакомит с положением о Единой трудовой

школе, прочитав полностью доклад Познера о Единой трудовой школе.

По вопросу об организации школьных советов собрание единогласно постановило: школьный совет состоит на лиц учительского персонала, от общества же избирать от 3 до 5 человек.

Ввиду наблюдающегося непосещения учениками школ после пасхальных каникул съезд учителей постановил: обратиться к родителям учащихся через школьные советы с призывом посылать обязательно детей в школы, в крайнем случае, тех детей, которые не отвлечены хозяйственными работами.

По третьему вопросу собрание учителей единогласно постановило: образовать при волости, пользуясь наличностью живых сил, культурно-просветительный театральный кружок, который бы помимо общей своей культурно-просветительной работы, давал время от времени, представления в тех селах волости, где не имеется наличных театральных сил, что же касается просветительной работы в селах волости, то там образовать культурно-просветительные кружки для устройства собеседований, чтений газет и брошюр, а также, лекций и т.п.

Председатель Е. Крюков

Секретарь К. Мицкевич

Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 3. Л. 6. Ручка. Подлинник.

**Опущена повестка дня*

№13

Сообщение Вышне-Реутчанского волостного отдела народного образования Обоянскому отделу народного образования о представлении списков учителей, призванных по мобилизации как бывших офицеров

19 мая 1919 г.

Согласно циркулярному предписанию Обоянского уездного отдела народного образования от 7 мая с.г. за № 1855 волостной отдел народного образования сообщает: 1) учителей, не явившихся в школы, явка которых обязательна 28 апреля, не было; 2) вакансий же в школах в связи с призывом учителей – коммунистов и сочувствующих тоже нет, т.к. во всей волости имеется только один коммунист – учитель Нижне-Реутчанской 2-й школы Ефим* Иванович Косинов, в возрасте около 40 лет; 3) призванных же по мобилизации, как бывших офицеров – два, а именно: учитель 1-й Липовецкой школы Мулеван и 2-й Липовецкой школы учитель Мицкевич Константин Михайлович, которого по болезни отпустили до особого распоряжения, а следовательно, [он]значится при школе.

Председатель Н. Крюков

Секретарь **

Ф. Р-511. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 30-30об. Ручка, заверенная копия.

** В тексте Ефимий*

*** Подпись отсутствует*

№14

**Предписание подотдела единой школы Обоянского УОНО
заведующему отделом народного образования Вышне-Реутчанской волости
о представлении сведений о размере месячного содержания школьных работников**

4 февраля 1921 г.

Вследствие предложения тарифно–нормировочной комиссии сообщить ей необходимые и точные сведения о размере месячного содержания школьных работников, подотдел Единой школы предлагает Вам сообщить по прилагаемым формам №№ 1 и 2* все требуемые сведения.

Заполнение этих вопросных листов должно быть сделано самими учителями**, и листы сданы Вам с их расписками своевременно, т.е. в первых числах каждого месяца, следующего за отчетным месяцем.

Вы же, со своей стороны, должны приложить старания к точному исполнению сего предписания, без замедления представлять полученные сведения в отдел ежемесячно, без особого о том напоминания.

Копии форм №№ 1 и 2 должны оставляться при делах школы.***

За заведующего п/о Единой школы К. Мицкевич
Секретарь Е. Сотникова
Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 61. Л. 21. Машинопись. Подлинник.

*Формы №1,2 в деле отсутствуют

**В тексте – «учащими»

***Дописано чернилами после текста документа

№15

Выписка из постановления коллегии Обоянского уездного отдела народного образования об установлении тесной и регулярной связи со школами уезда*

4 февраля 1921 г.

Слушали:

1. Доклад заведующего подотдела Единой школы тов. Васильева об установлении тесной и регулярной связи со школами уезда.

Обсудив доклад, коллегия постановила:

1. Создать институт школьных волостных инструкторов, мобилизовав для этого следующих учителей, по одному на волость**:

... Бобрышевская – Мицкевич.

2. Для установления регулярной, тесной связи отдела с уездом, а также контроля и инструктирования постановки и состояния школьного дела в уезде, каждое 20-е число

устраивать в г. Обояни съезд заведующих волнаробразами и школьных волостных инструкторов, считая первый съезд 20 февраля с/г. Явка обязательна, не явившиеся будут привлечены к суду.

*Подлинный за надлежащими подписями
С подлинным верно: Секретарь Унаробраза*

Секр[етарь]- заво[д]делом
[подпись]
Дело[произ]водитель
[подпись]

*Помета на документе: «Для исполнения заведующему В-Реутчанским
волна[родо]образом и инструктору Си[гино]ву»*

**Заголовок документа*

***Опущены фамилии инструкторов по 12 волостям*

Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 61. Л. 26. Машинопись. Заверенная копия.

С.П. Щавелёв

«ПОД НЕМЕЦКОЙ СВОРОЙ...»
ДНЕВНИК ОККУПАЦИИ ГОРОДА КУРСКА
В 1941–1942 ГГ.

I.

Археографическая справка

Публикуемая рукопись хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в обширном фонде 369 – В.Д. Бонч-Бруевича. Картон 414, дело 21. Архивисты озаглавили это дело:

«Воспоминания о Великой Отечественной войне и оккупации Курска немецко-фашистскими войсками. [1940-е гг.]. Рукою неустановленного лица». 6 листов.

На эти листки, похоже по их не совсем ровным краям, был разорван большой лист плохой (рыхлой текстуры, вроде обёрточной) бумаги. Записи велись одними и теми же чёрными чернилами. Нумерация у этих страниц двойная – теми же чернилами в верхнем правом углу и в центре каждого листа. Отсюда явствует, что автор этой рукописи желал быть понятым возможными читателями, он надеялся на какую-то аудиторию. Ведь, судя по двойной нумерации страниц, автор записей пересматривал свою рукопись и выверял порядок листов. Сверх того, страницы рукописи пронумерованы карандашом, явно архивистами.

Уверенный, устоявшийся почерк, каким сделаны записи, контрастирует с многочисленными грамматическими ошибками, допущенными автором. Перед нами женщина, явно не получившая достаточного образования, но, должно быть, по долгу службы помногу писавшая. В послереволюционные годы почти полной смены кадров государственных, партийных, хозяйственных учреждений, где она, судя по содержанию воспоминаний, служила до войны, такое было не редкость.

Хотя в архивной описи рукопись названа воспоминаниями, скорее это дневник. Ведь большая часть сообщений, вплоть до ареста автора гестапо, представляет собой подневные записи. Не исключено, что их переписали с какого-то протографа именно дневникового характера. Хотя вряд ли, ведь некоторые записи в рукописи передатированы явно по горячим следам зафиксированных событий. Во всяком случае, воспроизвести по памяти по дням, неделям и месяцам подробные свидетельства о происходящих событиях спустя почти год, а скорее всего и дольше, было практически невозможно.

Можно предполагать, что престарелый фондообразователь – известный советский партийный и государственный деятель Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873-1955) решил собрать по горячим следам войны воспоминания её очевидцев. Или же к нему с той же целью обратились знакомые куряне. Скорее первое, чем второе. Ведь кроме этой, в его архиве отложилась ещё одна рукопись схожего содержания, только посвященная почти полностью аналогичным событиям в Воронеже. Бонч-Бруевич-то по своим научным интересам был, как известно, завзятым этнографом (на досуге от революционной борьбы, а затем советской и партийной службы), доктором исторических наук. Понимал толк в архивном деле – еще до революции стал одним из создателей архива Центрального комитета РСДРП.

То обстоятельство, что обе этих рукописи происходят из Курска, тоже объяснимо. С этим городом Бонч-Бруевич был связан несколькими эпизодами своей биографии в молодости. А именно, будучи студентом Московского землемерного института в

1884– 1889 гг., он участвовал в организации студенческих протестов, за что и был выслан в Курск под надзор полиции. Здесь он прожил почти три года, закончил землемерное училище, после чего вернулся в Москву (1892).

По всей видимости, кто-то из знакомых курян и выполнил его просьбу поискать очевидцев военных событий и предоставить ему их воспоминания о зверствах немецких оккупантов именно в Курске.

Первая из названных рукописей не имеет заглавия. Точнее, вместо него по центру первого листа стоит «№ 324». Возможно, эта нумерация как-то связана с упорядочением архива либо самим Владимиром Дмитриевичем, либо его душеприказчиком.

Публикуем эту рукопись, сохраняя большинство особенностей оригинала. Отдельные поясняющие дополнения публикатора заключены в квадратные скобки: []. В таких же скобках обозначены окончания листов.

[Дневник оккупации города Курска]

«26 / X 41 г. Первый пожар, горели склады.

28 [«8» зачёркнуто той же рукой, приписано] 7 / X. Базар работает, мясо в той же цене. В магазине дают кур нещипаных, кофе в пачках подешевел, в коммерческих магазинах материалы подешевели не очень много, примерно тик для матрацев стал 6 руб. метр, игрушки почти даром, очень много ёлочных украшений.

29 [«9» зачёркнуто той же рукой, приписано] 8 / X. Горит Горсовет, в горящем помещении книжного магазина и игрушечного копошатся подростки, выбирая игрушки и книги.

Народ тащит мебель из закрытых помещений.

31 / X. Горит конфетная фабрика, 1 / XI народ катит бочки ведёрка [на] шесть с чем неизвестно. Тащит антрацит. Горит путь Курской железной дороги, тащат рожь полугорелую, просо. Ночью видно кругом одни только зарева, электричества нет первый вечер.

1 / XI. Очень много идёт мужчин с винтовками кругом увешенные патронами, одиночки по направлению в Казацкое1. Раздаётся канонада.

С 1 / XI по 2 / XI всю ночь канонада, с утра на улице народу нет, все попрятавши в подвалы и погреба. Воскресенье 2 / XI часов в одиннадцать пришли молочницы из Казацкой, сказали что вчера у них появилась разведка немецкая. В 2 часа появились немцы идущие гуськом по тротуару увешанные пулемётами, автоматическими винтовками, патронами, заходя в каждый дом, рылись в шкапах, каморах одним словом везде, говоря «брот цукер» брали хлеб папиросы, но главное ценные вещи. Одеты очень чисто не голодные [Л. 1/1 об.]. Вечером приходили квартирмейстеры и занимали всё что им подходяще, а нас выгнали на кухню. 2 [зачёркнуто, написано] 3 / XI часов в 4 дня — поставили так называемого «Шефа» грубый немец надменный, денщик мальчик 16 лет (сын начальника почты города Берлина, получал посылки печенья каждый день 200 гр. и воскресенье на 1 килограмм, всё это шло в котёл «Шеф»).

В 7 часов пришла почта на конверте поставлено Курск. 4 / XI пошла лавина немецкая фронтная, грязные вшивые с отморозенными носами и руками заходили всюду, но дальше кухни не шли ибо там стоял немецкий «Шеф» Хузвельд. Народ всё ещё продолжал бесстрашно тащить из учреждений вплоть до шкапов кушеток, доски, вёдрами ликёр наливки с винного завода, частично немцы отбирали вёдра с наливками. Дома же не закрывались и ночью ходили вестовые с пакетами и разные офицеры с папками.

Стали гонять мужчин на уборку города, по очистке от заграждений, не прошло двух недель стали гонять женщин всех возрастов утрамбовывать аэродром начали, кто не очень отстукивал ногами, того Обер-лейтенант бил ногами, что при мне получила хозяйка нашего дома Павлова. Большой взрыв в доме НКВД на Добролюбовой2 на 37 день их власти погибло много немцев.

17 / XI Наш «Шеф» лепечет «зер гут даз инженер, я ничего не могу понять почему немецкий инженер гут, а потом оказалось что они пустили ЦЭС вечером зажглось электричество. Вывесили на немецком и украинском языке, где описывали по пунктам [Л. 1 об.-2] что будет делать немецкий солдат, что освободил, будет кормить и разные блага.

Еда была не очень уж важная у них да и не такая чтобы он мог уделить населению. Выдавалось им хлеб грамм 500 колбаски грамм 50 или сыру, хлеб он должен был разделить на 7 порций, вернее сделать 7 бутербродов. 3 бутерброда съедал утром с кофе или немецким чаем (нечто иное как мята) 4 бутерброда вечером тоже с чаем, в 12 часов хотелось супа бурды или горохового. Вечером приносили гуся или куру конечно украденного у крестьян или горожан, заставляли чистить и приготовить, потроха отдавали за работу. Бельё приносили в стирку много грязного, мыла размером с спичечный коробок конечно не оплачивая объясняя что они фронт.

27 / XI С утра беготня, построение на улице и отход фронта. Квартирмейстеры с биноклями обходят квартиры заглядывая в шкафы, под постели, во все углы не осталось чего их.

В тот же день постой нового оберлейтенанта лет 53-трёх увешанный крестом еще с 14 года и последней войны 1939 года.

Гусей ели уже целыми днями яички не выводились пошли балы приёмы часами сидели пили вина из громадных бутылок размером с ведро. [Л. 2/2 об.] Стали сапожникам заказывать сапоги на русский манер из хрома, валенки из кожи. Скупать меха, ковры где за деньги а где и так. Деньщик не успевал таскать тюки.

17 декабря немцы в панике, всех солдат переместили в отдельные дома откуда выкидывали семьями на улицу и так оказались все дома 2–3-этажные заняты солдатами.

Стали гонять на Тимское шоссе3 разгребать снег, с восьми часов, пока идешь до места работы проходит два–три часа, до 12 часов немецкие руководители работ строго следят за нами, потом перерыв, и опять работа до прихода их инженера (который придумал расчищенное шоссе залить водой) покричит на нас покажет как нужно работать и уйдёт, вскоре уходят немецкий патруль, расходимся и мы, давали хлеб за работу по талончикам. Хлеб население которое не работало в их организациях не получало, а работали только те, кто знал немецкий язык или [за] красоту, да и учреждений было мало. [Зачеркнуто: только те, которые чем-то страдали от нашей власти].

Пришлось идти в поликлинику для освобождения от работ. В поликлинике принимали за плату, совет врача оценивался 3 руб., комиссия 6 руб.

Освободили меня миокардит.

Наступало Рождество. Навозились ёлки справляли праздник, открылся магазин на Дзержинского4 [,] 13 украшений для ёлок [Л. 2 об.-3] посуда сервизами разные вещи, на дверях надпись «для немцев».

Новый год, в 12 часов на улице поднялась такая стрельба, что мы жители не знали что

это могло значить это бесновались немцы.

Открылись чайные где продавался самогон венегрет, чай, подозрительное варенье.

20 / I перерегистрация всех жителей по специальностям.

24 / II меня вызвали куда-то по адресу Главная улица 5 24, куда я пришла около 4 часов мне объявили что я арестована, всё отобрали и свели в подвал, куда вели 28 ступеней. Когда я очутилась в подвале где были человек 30 женщин всех возрастов, некоторые с синяками, другие с опухшими лицами, мой первый вопрос был «за что вы сидите». Ответ «за драку». Ну думаю я не с кем не дралась. Вечером проверка наш русский, перечёл все фамилии мы должны отвечать слово «есть» после чего я просила что бы мне сказали за что я взята. Утром узнаешь был ответ.

25 / II. Утром в 8 часов проверка, опять запоры [?]. Часов в 10 меня вызвали, повели на верх очутилась в комнате довольно грязной 5 немцев разных чинов и один русский. [Л. 3-3 об.] Русский задаёт вопрос «Немецкий офицер спрашивает с каким партизаном вы встречались на Красной площади». Я отвечаю, что на Красной площади я не какого партизана не встречала и не говорила, ходила на старую службу и узнала что произошло с имуществом. Немец стал кричать на немецком языке которых для меня ничего не говорил.

Переводчик принуждал меня припомнить а то мне будет хуже, но я придумывать не могла, потому что догадалась, что речь наверно идёт о моём муже так как он был начальник Истребительного батальона. Переводчик как раз перевёл на мужа, где он и я конечно сказала что его призвали в армию и он выбыл в распоряжение Тамбовского округа, немец стал орать сжимая кулаки переводчик сказал что мой муж уже стар для армии, но я спокойно сказала что в Курске много осталось юристов, которые помнят приказ о мобилизации высшие чины до 60 лет а муж был в чине полковника. Немец орёт я тоже повысила голос, переводчик остановил меня, что мне будет хуже, но я уже была взбешена, получила в ухо. [Л. 3 об.-4]. Когда меня провожали из комнаты, то переводчик сказал «Немецкий офицер меня отправляет в подвал на месяц и хорошенько подумать, какого партизана я видела на Красной площади».

Есть давали 250 гр. Хлеба, но не в одно время иногда в 2 дня, а то 4 дня воды не давали совсем. Только в дежурство одного охранника вечером после ухода всей немецкой своры Гестапо приходил и приносил кофейничек воды да иногда брал на верх под видом уборки помещения больных женщин погреча. Сидели разные. Дочь Уфимцева Надежда за то что заразила офицеров своей болезнью [За что она после была расстреляна. –Вписано синим карандашом]. Сидели две комсомолки перешедшие фронт и молодая женщина и все трое попались. Одну комсомолку из Белгорода звали Вера Петрова, вторая Вера из Суджи а третью женщину с высшим образованием не помню фамилию она приходила каждый день и на лице её появлялось всё больше синяков и меньше зубов. Из трамвайного парка две коммунистки одна Пахомова и вторая Ненашева, главхлеб Верютина тоже партийная. Остальные фамилии я не помню. Верютиной были богатые передачи, которыми она делилась между всеми, да ещё с 17 женщин. Осипенко коммунистка которая просидела месяца два и не разу не допрашивалась. Каждый день вводили, приводили, были истерики. Подвал перегорожен фанерой, не каких нар, спали вповалку. [Л. 4-4 об.] Четверг погнало прибирать камеру рядом, где до 20 / II чисел сидели евреи, было навалено одежды всякой посуду, всё сносили в каморку там же. Внизу, среди хлама, были и серебряные вещи, всякие

кувшины, даже ларьчики 7. Того же числа раздалися шаги, нескольких человек, и до нас донеслись звуки пленных и стоны мужчин, голос немца «НКВД, НКВД», человек терял память, давали передохнуть и опять повторялось снова. Одного уносили, принимались за другого и так в течение трёх часов.

Пятницы, которую все сидевшие давно очень боялись, потому что, кого уводили в этот день, уже больше не возвращался. В 9 часов открывается дверь конечно это после проверки. Вызываются Вера Петрова, Вера из Суджи приготовиться 15 минут. Вера из Суджи взяла мел на стене написала неприличные слова, а Вера Петрова прощаясь сказала: «Не обидно быть расстрелянной, но обидно задание не выполнила». Эту ночь не кто не спал, но не кто не произнёс ни одного слова. Суббота вечером опять вызывают тов. которая была вся в синяках и так же увили, которая не вернулась обратно. Прошло несколько дней меня вызвали для вторичного допроса. Спросили вспомнила ли я, но мне нечего было вспоминать, допрос велся тихо. Прошло несколько дней [Л. 4об.-5] опять вызывают, опять допрашивают и переводчик говорит меня [зачёркнуто: вас] отпускают, но вы на подозрении. Я вышла но не пошла домой, а пошла в мастерскую по пошиву одежды куда я до ареста устроилась только работать. И там узнала что закройщица Анна Петровна Парахина и владелец Дубровский хлопотали обо мне у переводчика коменданта тов. Рапа, он поляк старый лет 60. Да я забыла были такие случаи что из подвала освобождали много женщин немцы, квартировавшие в тех домах, где жили забранные женщины. Мужчины курские все ходить стали в пальто на хорьковом меху в шляпах. Переменила квартиру чтобы не попадаться на глаза Гестапо.

Были дни июля когда зенитки с бешеной скоростью носились через город, но у них было не очень много. В июне появились унгары, началась скупка полотенец с вышивками, открылся комиссионный магазин по продаже икон драгоценностей, хрустала, появились гражданские немцы, на рынках ходили с фотоаппаратами, снимали группы, типы, даже в церквях шли съёмки во время богослужения, что видела сама в Сергиевском соборе8. Церквей открыли много, поминали «избавителя Адольфа» во время обедни. [Л. 5-5об.] Журналов у них было много, где были снимки города Киева, Москвы, разных карикатур. Однажды я увидела большую карту до Волги; она была разделена на три части. От Ленинграда до Москвы написано Прибалтика, середина до Ростова Украина, а весь Кавказ, Крым [-] Туркмения, что означали эти карты так мне не удалось узнать.

В Курске был городской голова [пропуск в рукописи] разъезжал в экипаже.

Иногда в саду играла музыка. Конечно не кто не ходил кроме ребят. Ребята от 10–13 лет спекулировали, немцам было запрещено с гражданами [?]. В Курске на ул. М. Горького9 № 40 открылся дом терпимости, наблюдала очередь немцев, дом был одноэтажный видно маленький для солдат. А второй дом терпимости открылся в бывшем доме Колхозника, угол Колхозной10 и Херсонской. Куда приезжали обеспеченные немцы на машинах. Улицы были все переименованы. Дзержинского – Херсонская, им. Димитрова – Лазаретная, 11. Ленина – Главная. Пожары были каждый день дымоходы ветхие а они топили жарко, вырубали даже фруктовые деревья. [Л.5об.-6] С июля месяца стали наблюдать такую картину часов в 8 немецкие аэропланы шли на южный аэродром на посадку, и когда улетали последние их машины на горизонте из за туч появлялись наши и громили бомбами очень удачно.

Унтеры трусы все уходили в подвалы большого дома угол Чеховской12 и Херсонской якобы в клуб, куда их денщики несли стулья и были до тех пор пока не кончалась бомбардировка. Весь комсостав унгар все люди старые за 60 лет много в очках, а солдаты все серенькие. С приездом унгар появилось много людей в гражданском платье не то пленные, которых немцы выводили на работы, где частенько били плёткой во время работ что я видела угол Чеховской и ул. Большевиков, а то заставляли делать гимнастику, ложили на землю животом в низ и заставляли под счёт приподниматься на руках и плавно ложиться, после чего гнали на прежнее место работы. Были и наши пленные но неумехи над которыми всё время издевались немцы бив их резиновой плёткой.

В один день все немцы появились на улице с повязкой крепа и ходили дней шесть по городу. Оказывается, траур по Сталинграду. Заметно их растерянность [Л.6-6 об.]. По городу запрещалось ходить после 5 часов зимой а летом после 8 вечера. Но немцы ходили с фрауами всю ночь. Дома вернее двери не кто не закрывал.

Появились бельгийцы ещё подлейшие. Стали снимать заборы у больших домов якобы на парты, а делали гробы так как умирало их много, хоронили прямо у больницы Садовой, хоронили в саду на Мясницкой, 13 рядами кресты ставили на каждой могиле.

[Черта фиолетовыми чернилами] Организовалась биржа труда, но работы дать она не могла кроме как отправки в Германию молодёжи. У всех работающих в учреждениях, а также и частных были отобраны паспорта и они находились на бирже, чтобы не могли уйти от хозяев».

II

[Из оккупированного Воронежа в оккупированный Курск] Археографическая справка

Вторая рукопись аналогичного содержания в том же самом 369 фонде В.Д. Бонч-Бруевича НИОР РГБ принадлежит Маргарите Николаевне Куберской (1883-1950). Картон 414, дело 22. Согласно справке архивистов и содержанию документа, перед нами учительница русского языка и литературы, редактор общественно-политического вещания Курского областного радиокомитета. Рукопись ею озаглавлена «Из воспоминаний (1942-1943)». В ней 18 листов. Датирована февралём 1946 г., когда мемуаристка уже проживала в Нижнем Тагиле.

Воспоминания записаны на отдельных листах тетрадного формата, фиолетовыми чернилами, на обеих сторонах каждого листа.

В силу профессии автора воспоминаний, они написаны грамотно, практически без грамматических ошибок, литературным слогом.

Приводим здесь фрагменты текста, относящиеся к пребыванию М.Н. Куберской в прифронтовом Воронеже и полностью концовку текста о пребывании её же в Курске. Пропуски обозначены отточием – ... Связующие моменты кратко пересказаны нами в квадратных скобках.

«г. Воронеж был взят немцами в ночь с 7-го на 8-е июля 1942 г. ... [Бомбёжки города

немецкая авиация вела с октября 1941 по лето 1942]. Я работала преподавательницей русского языка в механико-технологическом техникуме при Маслозаводе. ... Об эвакуации не было и речи. Все, кто мог, уходили пешком в сторону Острожек, Гридасовой, Новой Усмани [Л. 1-1 об.]. Учреждения предложили коллективам служащих взять чемоданчики полегче и уходить через железнодорожные мосты по московской дороге. Все заводы с «Левого берега» [р. Воронежа] были эвакуированы. Управление Юго-Восточной [железной] дороги, располагавшее железно-дорожным транспортом, спешно вывезло своих служащих и их семьи. Лошадь нельзя было достать ни за какие деньги, телеги тоже. Спешно эвакуировали раненых из госпиталей. Пединститут ушёл пешком. ... [Л.2]. Профессоры Мединститута уезжали с эвакуированными госпиталями. Студенты шли пешком. ...

Немцы являлись группами в три, четыре человека, перерывали все вещи и брали всё, что им нравилось [Л. 4]. [24 июля немцы приказали всему оставшемуся населению покинуть город. Автор воспоминаний, похоронив тяжело болевшую мать, ушла из города 31 июля с одной из последних колонн беженцев, которые немцы направляли к себе в тыл. На станции Касторной их погрузили, набив битком в вагоны и привезли] в наполовину разрушенный Курск [Л. 16 об.]. [10 февраля 1943 г. Красная Армия взяла Курск].

Мы жили на окраине Курска и сильно голодали. Надо сказать, что когда немцы уходили, они бросили раскрытые склады с мукой, пшеном, сахаром, ячменём, рожью и т.д. И курыне тащили всё, что попадалось им под руку. Весь Курск был усыпан просом в те дни.

Со мной жила ... преподавательницы средней школы, Тюменева. Мы с ней оказались люди одинакового склада, и утащить ничего не могли.

Хозяева же наши попользовались как следует. Восьмого февраля Красные войска вступили в Курск. Десятого утром мы ещё лежали в постелях. Есть нам было нечего, и мы предпочитали меньше двигаться, да и холод в комнате был ужасный, так как дров у нас не было.

Вдруг раздался сильный стук в наружную дверь, потом по коридору простучали крепко сапоги, и в средней комнате мы услышали громкий разговор. Вскоре нам стало ясно, что идёт обыск награбленных продуктов. Минут через 30 в нашу дверь постучали. Дверь была заперта. Вошёл невысокий красноармеец, с рыжеватым чубом, выбивавшимся из-под фуражки. Он вошёл и зорким взглядом окинул комнату. В ней не было ничего, кроме двух кроватей (причём одна, на которой я спала, была детской). Все углы были пусты. Он подошёл к моей кровати, на которой я лежала под шубой, спросил, кто мы. Не поднимаясь, я кратко рассказала ему наши грустные биографии. Я видела, как в продолжение моего рассказа, менялось его лицо: [Л. 17-17 об.] из настороженного и зоркого оно постепенно делалось внимательным и мягким. Когда он услышал, что обе мы преподавательницы, что в Воронеже я работала в Пединституте и в техникуме, он вдруг оживился и сказал, что, вот, кончится война и он пойдёт продолжать учёбу, что уже недалеко то время...

Потом вдруг решительным жестом надвинул на лоб фуражку и уверенно и твёрдо сказал: «Через 6 месяцев мы будем в Берлине...». Когда он уходил, я спросила, как его фамилия. «Песков», сказал он, закрывая дверь. Это было 10 февраля 1943 года. ...

18 февраля опять раздался стук в нашу дверь. Я болела и это время и опять лежала на своей маленькой смешной кровати.

Когда открылась дверь, на пороге стоял Песков. За ним вошёл другой, постарше, с каким-то значком в петлице. Поздоровавшись, они втащили два мешка. «Это вот вам», сказал тот, что был [Л. 17 об.-18] постарше. «Тут два пуда ржи и пуд муки».

Мы были изумлены и растерянно благодарили. «Вы жен нужные люди, учителя...» сказал Песков, уходя. Эта рожь и эта мука дали нам возможность просуществовать до половины апреля, когда я стала работать в открывшемся в Курске институте усовершенствования учителей научным сотрудником по кафедре русского языка, а Тюменева несколько позже получила уроки в железнодорожном техникуме.

Жив ли Песков сейчас? Благополучно ли прошёл он тяжкий, боевой, победоносный путь до Берлина? Удалось ли ему продолжить учёбу?

М.Н. Куберская.
г. Нижний Тагил.
1946 г. февраль».

Послесловие составителя

С началом Великой Отечественной войны советская власть бросила массу своих граждан на произвол судьбы, оставила их в рабство оккупантам. Та канонада, которую фиксирует наша мемуаристка-курянка, – это не только залпы фронтовых орудий, но ещё и взрывы тех объектов, которые были уничтожены нашими военными и партийно-государственными кадрами перед уходом. Электростанция, водопровод, канализация, заводы и фабрики, железнодорожные коммуникации и другие жизненно важные объекты городской инфраструктуры. Обрекая жителей на голод, холод и тьму предстоящей зимой. Но жалоб на эту вопиющую несправедливость в публикуемом дневнике нет. Есть непоколебимая вера в то, что немцы да «унгары» (мадьяры, венгры) – явление временное.

Что подвигло эту женщину изготовить самодельную тетрадку и изо дня в день записывать происходящее в оккупированном городе?

Как сочетаются ее вопиющая безграмотность и сознательное, зоркое отношение ко всему происходящему в оккупированном врагом городе? Голод, холод, сущий апокалипсис вокруг – и почти ежедневные, в крайнем случае, еженедельные записи о своих и чужих, разных событиях. Что заставляло её вести дневник? Этот феномен ответственности перед будущим известен и по блокадным запискам, и по рукописям из концлагерей.

Как же москвич В.Д. Бонч-Бруевич нашёл эту рукопись? Просто запросил Курск по какой-то инстанции? Или обратился к лично ему знакомым гражданам? Может, наоборот, они сами нашли заслуженного земляка в столице, надеясь, что он опубликует их записки? Как бы там ни было, этим бумагам феноменально повезло: они оказались архивированы в одном из национальных хранилищ документов. Можно представить, сколько похожих записей пропало, утратилось для потомков.

Она сама вроде бы беспартийная, но не факт (отмечает партийность сокамерниц – то ли в противовес себе, то в единение). Жена довольно важного курского чиновника. Её работа помещалась на Красной площади, где располагались обл- и горсоветы, обком и горком партии. Муж в чине «полковника» (три, а то и четыре «шпалы» в тогдашней таблице военных чинов). Действительно, курская партийная верхушка отступила в Тамбов,

свора», как она их тогда же называла. Побывав в гестапо и чудом уцелев, «оставшись на подозрении» в связи с партизанами, она сохранила свой дневник с откровенно неприязненными отзывами об оккупантах. Ответ должен быть ясен: она сильнее их. Ни тени так называемого «стокгольмского синдрома». Все дни и часы оккупации женщина сохраняла сознание: «мы» – «они». «Наши» да «наши» у неё. Это наши-то, которые бросили и её, их всех — тысячи земляков на произвол судьбы, отступили, сдали город без приказа. Ушли на глазах женщин, стариков и детей через Казацкую слободу, увешанные автоматами и патронными лентами... А эта женщина идейно осталась на их, советской стороне: даже на грани гибели от голода, холода, немецкой пули, она злорадно отмечает моменты трусости у немцев, все прочие их отрицательные качества, и восторгается успехами наших партизан и регулярной армии (удачным для партизан взрывом в немецком штабе, героическим поведением взятыми гестапо партизанок, результативными бомбардировками немецкого аэродрома, победой под Сталинградом).

В публикуемых записках незаметно идеологической ангажированности *postfactum*. Отмечается переход на сторону оккупантов лиц, обиженных советской властью. Или взять хотя бы психологическую кульминацию записок: когда уведут из подвала гестапо на расстрел двух наших разведчиц. Одна из них берёт мел и пишет ругательства в адрес фрицев, а другая... Перечитайте выше. Сцена поистине шекспировская: никто в тюремном подвале не сказал ни слова, никто из узниц не уснул в ту ночь...

Символично, что воспоминания оборваны на полуслове. Рассказ не доведён до освобождения города. Но эта женщина явно дождалась этого дня, она приветствовала освобождение – ясно по тексту того, что она успела рассказать. Очевидно, мы никогда не узнаем её имя, не узнаем, встретились ли они с мужем, как она жила после войны. Но главное мы с ее, в том числе, помощью знаем: так выжил советский народ «под немецкой сворой».

Курский фрагмент из аналогичных воспоминаний учительницы М.Н. Куберской активно подтверждают рассказ ее анонимной землячки.

Публикация этих документов особенно уместна в 2013 году, когда отмечается 70-летие освобождения города Курска от немецко-фашистской оккупации и Курской битвы, победы Советской армии на Курской дуге.

Примечания

1. Слобода Казацкая в Курске на северо-западной его тогдашней окраине.
2. На улице Добролюбова в Курске и сейчас располагается областное управления ФСБ (в здании, некогда построенном для правления курской железной дороги).
3. Ныне улица Ильича, переходящая в шоссе Курск – Щигры – Тим – Воронеж.
4. Ул. Дзержинского — вторая половина главной улицы Курска, до революции Херсонская. Первая половина – улица Ленина, бывшая Московская.
5. До и после оккупации – главная в Курске улица Ленина.
6. Анатолий Георгиевич Уфимцев (1880–1936) – известная в Курске личность, механик, изобретатель. По отцу, землемеру, мог знать В.Д. Бонч-Бруевича. Реалистом изготовил динамит, взрывное устройство с часовым механизмом и взорвал Курскую Коренную икону

Богоматери в Знаменском соборе (1898). За это преступление после разоблачения отбыл пятилетнюю ссылку в Акмолинске. По возвращении в Курск держал мастерскую по ремонту бытовой техники, запатентовал много усовершенствований в области авиастроения, теплотехники и т.д.

7. Предметы богослужения из синагоги?

8. Кафедральный (до сих пор) собор Курской епархии (1752-1778 гг. постройки), освящен во имя преподобного Сергия Радонежского, проектирован представителями архитектурной школы В. Растрелли.

9. Улица Горького, параллельная улице Ленина, сохранила свое название.

10. С недавних пор улица Колхозная переименована в ул. Александра Невского.

11. Советская ул. Димитрова в XIX в. именовалась Верхней (Первой) Лазаретной. Там располагалась городская больница.

12. Ул. Чеховская (Чехова), до 1914 г. 3-я Мещанская.

13. Ныне улица Радищева, параллельная ул. Ленина. Там расположен теперь Бородинский парк, на территории которого летом 2012 г. представителями ФРГ велись раскопки немецких могил — с целью перезахоронения на недавно созданном сводном немецком военном кладбище под Курском, в с. Беседине, на трассе Курск – Воронеж, куда свозятся обнаруженные останки немецких военнослужащих со всего Центрального административного округа.

В.В. Дмитриева

ДНЕВНИК И.П. АННЕНКОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Теперь, проходя мимо заросших руин, мало кому придет в голову, что некогда в этом тихом и уютном местечке деревни Жеребцово располагалась роскошная усадьба с прилегающим садом и парком. В безвозвратном прошлом недавно крепкие строения, а сад и парковый массив представляют собой поросли молодняка, хотя кое-где пока еще встречаются единичные экземпляры многолетних лип, раkit и дубов. Остается только надежда, что, возможно, когда-то придет время возрождения да память об истории возникновения этого памятника архитектуры и садово-паркового искусства XVIII-XIX вв. и их владельцев.

Первый из них Иван Петрович Анненков оставил уникальный дневник, который он вел на протяжении 16 лет и по которому теперь мы можем судить о развитии усадеб Курского края, являющихся экономическими, социальными и культурными центрами. Дневник И.П. Анненкова – это источник, проливающий свет на многие явления в жизни России середины XVIII в. Примером можно взять экономическую деятельность. Многочисленные записи хозяйственного порядка отражают момент перехода помещичьего хозяйства от натуральных к товарным отношениям. Оно, несомненно, было связано с рынком. В дневнике упоминается продажа хлеба в Москве, Калуге, на Гжатской пристани. Значительные партии хлеба отпускались из вотчины через Орел по водному пути в Москву. Из записей дневника видно, что поставка хлеба на московский рынок носила систематический характер. Анненковым продавался также скот. Так, в мае 1752 г. в Петербурге им было продано 70 баранов по 1 рублю [1, с.696].

О связи вотчины Анненкова с рынком говорят и поставки вина в казну. В октябре 1751 г. с этой целью им был «учинен договор в Мценске о поставке на кружечный двор 600 ведер вина по 44,5 коп. за ведро. В 1753 году поставлено было в город Чернь 312 ведер вина по 43 коп. на 177 руб. 16 коп., в 1754 году в Мценск и Чернь было поставлено 800 ведер на 330 руб. 50 коп. [1, с. 693,699,703]. Это вино ставилось из сельца Мишкова, Мценского уезда, где, по-видимому, был винокуренный завод. Однако значительная часть продукции сельского хозяйства потреблялась все еще внутри вотчины. Это можно сказать как в отношении хлеба, так и в отношении вина, изготавливающегося в небольших винницах и Курском уезде, и сукна, производившегося в вотчине.

О том, что вотчина Анненкова находилась на стадии перехода от натурального хозяйства к денежному, можно судить по контрактам, заключенным с подрядчиками на строительство церкви. По условиям этих договоров строительные и отделочные работы оплачивались как деньгами, так и продуктами. По контракту 1747 г. подрядчику Никифору Переверзеву полагалось уплатить деньгами за укладку 1000 кирпичей по 1 руб. За укладку 1000 белых камней по 3 руб., а остальное должно быть оплачено мукой, крупами, ветчиной, баранами, маслом коровым и растительным, рыбой. Причем рыбу (самовина, чебаки) покупали для этого расхода на Коренной ярмарке, все прочие продукты поступали из вотчины. Такой же характер носил контракт с резчиком Федором Подорожкиным в 1751 г. и маляром Герасимом Стародубцевым. Но уже в 1754 г. иконописцу Тимофею Мезеновскому платят больше деньгами (400 р.), чем припасами [1, с. 680,686,703].

Мы не встречаем в дневнике Анненкова никаких указаний на применение им наемно-

го труда в основной отрасли его хозяйства – земледелия. Имеются лишь данные о найме мельников, пасечников, певчих, а также упоминается наемная рабочая сила, используемая помещиком в строительстве. Причем и здесь главную роль играет все тот же труд крепостных: изготовление кирпича, подвоз белого камня, земляные работы, словом, все трудоемкие работы, несомненно, проводились крепостными. Ими же обслуживались суконное производство и винокурение.

Чрезвычайно интересны подробные записи о покупках Анненкова. Его расходы на хозяйственные нужды еще не велики. Приобретается то, что нельзя достать в вотчине: оборудование для винниц, суконного производства, мельниц. Так, для винокуренного производства покупались казаны, трубы и отжигальницы медные, скребачки; для суконного дела: котлы на суковальню, «бедро девятисотное железное, 2 челнока роговых», «ниты», «скреблы», «корды», веретена. Для мельниц покупаются жернова: «сады» и «вершняки».

Весьма ясно прослеживается связь между усилением товарности хозяйства Анненкова и увеличением затрат на приобретение предметов роскоши. А в те годы, когда сбывается хлеб стругами в Москву, когда увеличивается поступление от Мишковского винокуренного завода – производятся покупки новой одежды, предметов украшения, париков, карет. В ноябре 1758 года Анненков «для хождения во дворец сделал себе бархатной черной камзол, ценою в 14 р. 70 к., чулки шелковые, черные в 3 р. 50 к., башмаки в 1 р. 80 к., прыжки башмачные и шлифные стальные, сверху посеребренные в 4 р.». В декабре того же года приобретаются «столовые часы... 22 р., зеркало в серебряных рамках 10 р.» В 1762 году куплена «пятистекольная карета». В 1763 году помещик покупает много «серебра в деле» [1, с. 741,743,798].

В связи с этим расширением потребностей помещика следует упомянуть и постройку каменных палат в Кармановой, покупку строений в Петербурге и Москве, устройство «регулярного» сада в с. Карманове «с плодovitыми деревьями яблонovыми, дулевыми, грушевыми, сливовыми, вишневыми, бонбаростом (барбарисом?), крыжовником, черною и красною смородиною». Плоды с этого сада «употребляются про домашние обиходы».

Гораздо слабее в дневнике описываются крепостные отношения. Анненков не считал нужным писать о явлениях, которые ему казались обыденными или недостойными внимания. О формах эксплуатации, применявшихся в его вотчине, мы узнаем только из «Экономических примечаний к генеральному межеванию». Здесь говорится, что в с. Карманове «крестьяне состоят на издельи, земли на господ пашут 520 десятин, а достальную (491 дес.) на себя. В сельце Городковке «крестьяне состоят на издельи, земли на господ пашут 200 десятин». В сельце Петровке крестьяне на помещика пашут 390 десятин, на себя 320 десятин [1, с. 72]. То же мы видим и в других селениях, принадлежащих Анненкову. Ни одного упоминания об оброке в экономических примечаниях, относящихся к его владениям, нет. В земельном центре оброк вообще распространен был слабо из-за слабого развития промышленности.

Также молчаливо автор дневника обходит и вопрос о крестьянском хозяйстве. И лишь изредка попадаются записи о наделении крестьян рабочим скотом или деньгами «на обзаведение». Но по другим источникам мы можем констатировать, что хозяйство крестьян Анненкова было обременено весьма тяжелыми повинностями. Барская запашка, как мы видим по экономическим примечаниям, была больше крестьянских наделов. Крестьяне

должны были работать не только в сельском хозяйстве, но и на строительстве церкви, господского дома, на винокуренном заводе; они ткали сукна, работали на суковальнях, отправляли подводную повинность. Тяжело было крестьянам в неурожайные годы. Не говоря уж о 1748-1749 гг., когда «воспоследовал великий голод», и в другие годы, когда был нерод и Анненков вынужден был писать, что «на людей было тягостно».

Автор не мог скрыть также факты о сопротивлении крестьян. В 1751 году он записывает: «проехав Серпухов, в деревне Городне сказывали, что той деревни помещик отставной маор Иван Семенов сын Пушин с женою своею, которая была непраздна, по поводу людей своих под Троицын день умерщвлены» [1, с. 696].

О подобных событиях в белгородской провинции Анненков умалчивает, хотя ему должны были быть известны факты открытых выступлений крестьян этой местности. Например, 17 августа 1760 года вооруженный отряд беглых крестьян разгромил дом обоянского помещика Леонтия Лутовина в селе Любостани [2, л.681]. В том же году крестьяне деревни Гущиной, Старооскольского уезда оказали сопротивление представителям вотчинных и коронных властей, пытавшихся взять в рекруты дворового человека [3, л. 277].

Систематически автор дневника отмечает случаи бегства своих крестьян. Особенно часто бежали от него дворовые. Иногда Иван Петрович записывал мотивы бегства, хотя о главной причине – усилении эксплуатации и жестоком обращении помещиков со своими крепостными – Анненков, конечно, умалчивает. Он подробно фиксирует только место где проживал беглый, и фамилии «продержателей», видимо, для использования на суде.

Однако далеко не все факты бегства отмечались Анненковым. Между второй и третьей ревизиями из его вотчины бежало 29 мужчин и 13 женщин [4 л. 25,32,85].

В дневнике отразились и типичные для земледельческого района столкновения между землевладельцами из-за земли и крестьян. В сентябре 1747 года, когда по приказу Анненкова «зачали огораживать» его сад, в Курсе «впоследовала великая ссора и несколько человек было зашиблено... и по многим от того монастыря препятствием едва усилились оной у них отобрать». В марте 1750 года помещик Щербачев «напал ночным временем озорнически на слободку Светскую», принадлежащую семье Анненкова [5, л. 432].

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что хозяйство велось традиционным способом, хотя при этом не исключались нововведения и имелись достижения в отдельных отраслях, на долю этих крупных землевладельцев приходилось огромное количество крепостных, с которыми у хозяев складывались непростые отношения.

И обо всем это мы можем судить, прочитав дневник курского помещика Ивана Петровича Анненкова, который, безусловно, своими записями внес огромный вклад в изучение развития Курского края.

Источники и литература

1. Анненков И.П. Журнал курского помещика Володимерского драгунского полку капитана Ивана Петрова сына Аненкова с 1745 году. [Предисл. Ф. И. Лаппо, подгот. текста В. И. Самсонова] // *Материалы по истории СССР. Т. 5. Документы по истории XVIII в. М., 1957. С. 661-823*
2. ГАКО. Ф. 40. Оп.3. Д.14.
3. ГАКО. Ф. 40. Оп.3. Д.2.
4. ГАКО. Ф. 184. Оп.2. д.25.
5. ГАКО. Ф. 184. Оп.2. д.25.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СИТУАЦИИ В РУССКОЙ КРЕПОСТНОЙ ДЕРЕВНЕ ПЕРЕД РЕФОРМОЙ 1861 г.

История российской крепостной деревни первой половины XIX в. находилась в центре внимания отечественных историков на протяжении почти всего XX столетия. В советской историографии доминировал тезис о неуклонном и закономерном ухудшении положения крепостного населения, достигшем своего апогея перед отменой крепостного права. На наш взгляд, это объясняется не только существовавшими в СССР политическими и идеологическими условиями, но и влиянием трактовок данного вопроса, выработанных дореволюционными историками либерального и народнического направлений.

В начале XX в. на позиции историков, несомненно, накладывали свой отпечаток сложившиеся в России социально-политические условия и обострившаяся до предела политическая борьба, захватившая и историческое сообщество. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют редакторские пассажи во введении к многотомному юбилейному изданию «Великая реформа. Русское общество в прошлом и настоящем» [2, с. V-VI].

Наверное, сложно было ожидать чего-либо иного в стране, еще не остывшей от революции, которая дала обществу демократические свободы, но не решила актуальнейшей для него аграрной проблемы. Тем более, что грядущий юбилей отмены крепостного права только усиливал поляризацию и противостояние общественных и политических сил, закономерно (так как историки, естественно, не могли остаться в стороне от этого события), втянувшее в свою орбиту и историческое сообщество. Видимо, слишком силен оказался соблазн использовать историю как оружие политической борьбы, необычайно мощно довлела над историками «злоба дня», в конце концов, речь шла пусть и в историческом аспекте об обострившемся до предела судьбоносном для страны крестьянском вопросе, который так заманчиво, легко и естественно можно было тогда перевести в политическую плоскость.

Не следует также сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что историки, работавшие на рубеже веков, были продолжателями традиции исключительно отрицательного изображения крепостнической действительности, зародившейся в пореформенный период, о которой так писал в своих мемуарах не без доли сарказма и горечи В.А. Сологуб: «много есть теперь людей, воображающих что во времена крепостного права, когда помещики встречались с своими крестьянами, то они тотчас начинали сечь крестьян» [6, с.16].

На рубеже XIX – XX столетий издается сравнительно небольшое количество специальных исследований о положении крепостного населения в предреформенной России.

Среди изданных в конце XIX – начале XX в. исследований безусловно выделяется вышедшая в 1910 г. третьим изданием работа И.И. Игнатович «Помещичьи крестьяне накануне освобождения». Характерной, по нашему мнению, чертой этой книги является противоречие между «правдой текста и правдой подтекста». Тон всей книге задала первая глава, посвященная анализу крепостнического законодательства и правового положения крестьян. Издаваемые правительством законы и распоряжения автор объявляет «мертвой буквой»: «Правительство могло издавать благоприятные для крестьян указы и т.п., но при существовавшей организации местного правительственного механизма, при взяточничестве чиновников, эти благие намерения должны были оставаться мертвой буквой... При беспорядочности помещичьих крестьян, при недостаточности мер, которыми правительство

стремилось урегулировать власть помещиков над крепостными, можно смело сказать, что положение помещичьих крестьян *de jure* не есть еще положение их *de facto*» [5, с.41, 45]. После такой «увертюры» более или менее благоприятные оговорки автора о положении крестьян и его выводы по частным вопросам уже мало что значили. Они не принимались или почти не принимались во внимание ни современниками, ни большинством советских историков-аграрников. Между тем именно в таких оговорках и выводах отражалась «вторая сторона медали». Большим достоинством работы Игнатович является то, что автор сформулировала и отчасти раскрыла ряд факторов, которые ограничивали произвол помещиков и смягчали крепостнический режим.

Вот как, к примеру, оценивала Игнатович роль и значение общины-мира: «При существовании «мира»... помещик не мог эксплуатировать отдельного крестьянина, вымогать от него непосильные подати, отнимать земли, вообще насиловать личность в той мере, как в том случае, если бы мира не было» [5, с.149]. Большое влияние на помещиков и власти оказывало и сопротивление крестьянства или даже его потенциальная угроза: «Устрашающее влияние имело противодействие крестьян и на дворян... При волнениях и побегах помещичье хозяйство терпело большие убытки, так как лишалось работников иногда в горячее время...» [5, с.261-262]. Игнатович также указывала на понимание помещиками вреда и опасности для них самих чрезмерной эксплуатации крепостного крестьянства.

Однако все это нисколько не повлияло на общую негативную оценку экономического положения крепостных, которую, впрочем, автор четко не сформулировала. При всем при том она отдает предпочтение тем сведениям, которые акцентируют внимание на теневых сторонах жизни крепостной деревни. Так, анализируя вопрос о степени достаточности крестьянского надела, она берет в качестве критерия оценки расчеты Янсона, хотя в литературе приводились и другие данные. Янсон же приводил наиболее высокие значения необходимого для жизни крестьян надела – 8 дес. (из них 6 дес. пашни) на ревизскую душу для нечерноземной полосы и 5 дес. (в том числе 4 дес. пашни) для черноземных регионов. Затем Игнатович сопоставляет эти цифры с заниженными, по ее собственному признанию, сведениями Редакционных комиссий и заключает: «Сравнительная ничтожность надела говорит сама за себя» [5, с.72, 74-75].

В работе также встречаются факты, не только не подтверждающие выводы автора, но даже противоречащие им. Но это скорее достоинство, чем недостаток книги: проигрывая в доказательности, автор выигрывает в объективности.

В целом монография И.И. Игнатович, несмотря на все ее недостатки, была наиболее глубоким исследованием по истории крепостной деревни первой половины XIX в., сохранившим свою научную ценность до настоящего времени.

Другие историки начала XX в., особенно авторы «Великой реформы», формулировали свои выводы с гораздо большей определенностью, чем И.И. Игнатович. Например, С.П. Мельгунов в статье «Дворянин и раб на рубеже XIX века» описывает ряд случаев жестокого обращения дворян со своими крепостными, после чего ставит уместный вопрос: «Было ли, однако, это большинство или меньшинство?». Ответ дается таков: «Наивно, конечно, все дворянское общество на рубеже XIX века характеризовать в столь мрачных красках. Бесспорно Салтычихи и Шеншины всегда были некоторым исключением, однако же, как мы видели, вовсе не столь редким» [6, с.17]. Чисто внешне объективность как будто бы соблюдена, но поскольку Мельгунов не приводит ни одного, так сказать, позитивного

примера, то даже у искушенного читателя остается как минимум однобокое и неточное представление о дворянстве и положении крепостных (срабатывает «правда подтекста»). К тому же автор пишет не об исключении вообще, а лишь о «некотором», т.е. незначительном, нетипичном.

Примерно по такой же схеме выстроена статья другого автора «Великой реформы» В.Н. Бочкарева «Быт помещичьих крестьян». Автор приводит большое количество примеров произвола и злодеяний помещиков, а затем делает мало что значащую оговорку: «Бывали... случаи гуманного отношения помещиков к крепостным, но они попадались настолько редко, что тонули почти бесследно в безбрежном море того бесправия, которое царило в крепостной деревне» [1, с.37]. Резюмирующий вывод автора исключительно категоричен: «картина получается настолько темная, что можно прямо удивляться, как еще крепостное население могло существовать (выделено нами – Л.Р.) в той удушливой атмосфере, которая сгущалась в барских усадьбах и помещичьих деревнях» [1, с.37-38]. Как это ни удивительно, но пристрастие Бочкарева к риторике позволило ему сформулировать в своем выводе этот чрезвычайно важный вопрос, естественно оставшийся без ответа, что само по себе резко повышает научную ценность его компилятивной, доктринерской и, на наш взгляд, одиозной статьи.

Положение помещичьих крестьян затрагивалось и в историко-экономическом труде Н. Огановского «Закономерность аграрной эволюции». По мнению автора, перед отменой крепостного права оно неуклонно ухудшалось в связи с сокращением земельного обеспечения крестьян при ухудшении его качества и возрастанием «натуральных повинностей, главным образом, земледельческой барщины и извозной повинности». Подводя итоги рассмотрения данного вопроса, Огановский писал: «Помещики высасывали все соки из трудовой массы: они не давали крестьянину мало-мальски стать на ноги, не давали ему «обрости», по фигуральному выражению Посошкова, но «стригли его яко овцу, до гола»...» [7, с.378, 384].

Среди других обобщающих работ по рассматриваемой теме заслуживает внимания книга М.В. Довнар-Запольского «На заре крестьянской свободы». Он привлек не только изданные исторические труды и источники, но и архивные документы, в том числе такие ценные, как помещичьи инструкции и приказы [4, с.17-18]. Оценки автором законодательства по крестьянскому вопросу и его реализации мало чем отличались от негативных оценок тогдашних историков. Правда, М.В. Довнар-Запольский не отрицал полностью значение законодательства как фактора, ограничивающего произвол помещиков, и признавал, что законы «иногда были полезны для самих крестьян» [4, с.21-24, 32-33]. В отличие от других авторов, он привел довольно много фактов, свидетельствующих о хорошем положении и даже богатстве крестьян, принадлежавших сановой знати (Шереметевым, Голицыным, Уваровым, Куракиным): «Вообще надо заметить, что богатые помещики считали своей особой гордостью иметь в числе своих крепостных богатых людей, почему неохотно давали им отпускные, потому что в сущности богатство крестьян было богатством помещика...» [4, с, 192]. Но это нисколько не помешало автору дать одну из самых пессимистических характеристик положения крепостных крестьян: «положение крестьянина с течением времени ухудшалось и... накануне Раскрепощения оно достигло ужасающих размеров» [4, с, 192]. Однако приводимые им доказательства в пользу этого утверждения выглядят крайне неубедительными. Так, он сообщает «любопытный пример» недостаточной

обеспеченности крестьян собственным хлебом в оброчном имении Тевяшевых, расположенном в нечерноземной Нижегородской губернии, где были развиты неземледельческие промыслы, после чего делает неожиданный обобщающий вывод: «Таким образом, в черноземных (курсив наш – Л. Р.) губерниях при двух десятинах надела только 10% крестьян не нуждались в хлебе до нового урожая и почти $\frac{2}{3}$ голодали с марта месяца» [4, с.189-190].

В конце XIX – начале XX в. начинают также публиковаться исследования региональных историков, среди которых выделяются работы Н.С. Волконского, А.И. Повалишина, В.И. Снежневского [3, 8, 9]. Большой заслугой этих исследователей было введение в научный оборот материалов местных, в том числе семейных архивов. В целом же в их работах четко прослеживается разоблачительная тенденция.

В основе сугубо негативного изображения жизни крепостных дореволюционными историками, помимо политической ангажированности и добросовестного заблуждения, лежали также просчеты методологического и источниковедческого плана. Например, описывая случаи смерти дворовой девушки от побоев, содержания крепостного с рогаткой на шее, сексуальной эксплуатации крепостных девушек и женщин помещиками и т.п., авторы заявляют, что в архивной документации отложилась только небольшая часть таких сведений, так как их львиная доля не доходила до властей или же скрывалась ими. На это можно возразить: никто не обязывал судебные и административные инстанции собирать и фиксировать случаи хорошего обращения помещиков со своими крепостными и потому они, естественно, не отложились в официальных бумагах. Вот почему исследователи черпали из архивных источников почти исключительно негативную информацию, производившую сильнейшее эмоциональное воздействие и ввергавшую в состояние шока не только рядовых читателей, но и самих историков. К тому же в конце XIX – начале XX в. исследователям была известна и доступна лишь небольшая частица фамильных архивов помещиков, в которых как раз и была отражена повседневная жизнь частновладельческой деревни. Введение их в научный оборот – заслуга преимущественно уже советских историков и архивистов.

Итак, на рубеже XIX – XX вв. в отечественной историографии неуклонно повышался интерес к вопросу о положении крепостного населения России в предреформенный период. Наряду с определенными успехами, в разработке вопроса имели место и существенные недостатки, впрочем, естественные для начального этапа исследования любой сложной проблемы. Слабым местом исследований был источниковедческий анализ. Вследствие острой нехватки заслуживающих доверия, информативно насыщенных источников, которые станут известны позднее, за пределами изучаемого периода, изучение социально-экономического положения крестьян по существу находилось в зачаточном состоянии.

Ситуация усугублялась тем, что исследователям пришлось работать в условиях нарастания революционного кризиса и самой революции, не разрешившей аграрного вопроса и не снявшей острых социально-политических противоречий в российском обществе. К тому же во время проведения непопулярной столыпинской аграрной реформы приближалась 50-летняя годовщина отмены крепостного права в России, еще более активизировавшая и без того острую общественно-политическую борьбу. В таких условиях сложно было ожидать от историков-аграрников максимальной объективности и беспристрастности. Некоторые историки выступили в большей мере как публицисты. В результате положение крепостного населения в первой половине XIX в., по нашему мнению, изображалось

в российской историографии гораздо худшим, чем оно было на самом деле.

Таким образом, несовершенство источниковой базы, выразившееся в ее узости и преобладании негативной информации, помноженное на мировоззренческие и идеологические установки исследователей, имело своим следствием абсолютизацию в исторических работах теневых сторон крепостнической действительности и показ положения крепостного населения в гипертрофированно мрачном свете. Впрочем, часть историков, возможно, искренне верила, что, сгущая краски, им удастся более ярко и убедительно показать историческое значение отмены крепостного права в России.

Источники и литература

1. Бочкарев В. Быт помещичьих крестьян // Мельгунов С.П. Эпоха «официальной народности» и крепостное право // Великая реформа. Русское общество в прошлом и настоящем / Редакция А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. Юбилейное издание. М., 1911. Т. III.
2. Великая реформа. Русское общество в прошлом и настоящем / Редакция А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. Юбилейное издание. М., 1911. Т. I.
3. Волконский Н. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Рязань, 1898.
4. Довнар-Запольский М.В. На заре крестьянской свободы. Публичные чтения о крепостном праве накануне раскрепощения и краткий ход реформы. Киев, 1911.
5. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. СПб., 1910.
6. Мельгунов С.П. Эпоха «официальной народности» и крепостное право // Великая реформа. Русское общество в прошлом и настоящем / Редакция А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. Юбилейное издание. М., 1911. Т. I.
7. Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Ч. II. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911.
8. Повалишин А.Д. Рязанские помещики и их крепостные. Рязань, 1903.
9. Снежневский. Материалы для истории крепостного хозяйства в Нижегородском уезде // Действие Нижегородской Ученой Архивной комиссии. Нижний Новгород, 1905. Вып. VI.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОЛИЦИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

В дореволюционной России организатором большинства отделов безопасности было Министерство внутренних дел, в котором важную роль играл Департамент полиции. От деятельности его территориальных структур зависела эффективность реализации правоохранительной функции в стране.

В историографии интерес к полицейским документам как материалам по изучению дореволюционных органов правопорядка России и различных сторон жизни общества прослеживается с середины 1980-х гг. Выходят несколько статей, посвященных обзору источников истории Департамента полиции конца XIX – начала XX в. (Л.И. Тютюнник, А.А. Миролюбов) [31; 26]. Вопросы документации центральных и местных полицейских органов освещены в работах автора [4; 29].

Существуют краеведческие сборники документов, в которых опубликованы телеграммы и рапорты приставов, уездных исправников о ситуации на подведомственной территории в революционное время [30; 28; 20]. В них частично отражены полномочия и обязанности низших полицейских чинов. Однако для изучения проблемного пространства необходим и научный анализ представленных источников. Воспроизведение оригинальных документов также встречается и в периодике, где можно найти сведения о деятельности курской полиции [21].

Первоначально ученые исследовали работу центральных органов Департамента полиции, жандармерии, функции полиции и общественное движение через полицейскую документацию. На современном этапе внимание обращено к фондам региональных архивов, которые в основном формируются по датам создания и упразднения учреждений.

Всю источниковую базу исследования вопроса организации и функционирования полицейских органов Российской империи составляют рукописные и печатные архивные документы. В зависимости от юридической силы (а не по значимости для региональных исследований) мы определяем следующую иерархию фактологических документов.

1. На общегосударственном уровне:

- действующие законы и иные нормативно-правовые акты;
- внутриведомственная документация (циркуляры, предписания и т.д.);
- непринятые проекты и предложения преобразований административно-полицейской системы.

Первый блок документов представлен Полным собранием законов и Сводом законов Российской империи, а также Собранием узаконений и распоряжений Правительства. Эти акты формировали нормативную базу на общероссийском уровне (и потому были общепринятыми и обязательными для всех), а также предусматривали специфику и особые положения для отдельных местностей. В данных документах, например, содержатся закон от 5 мая 1903 г. «Об учреждении уездной полицейской стражи в 46-ти губерниях Европейской России», закон от 6 июля 1908 г. «Об организации сыскной части», постановление от 23 октября 1916 г. «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». О результатах введения в действие данных нормативно-правовых актов можно узнать из региональных фондов. Важное значение имели и высочайше утвержденные мнения Государственного совета, санкционированные императором, которые зачастую были организационно-распорядительного и финансового

порядка (например, сметы доходов и расходов МВД). Сюда же входят принятые на уровне Российской империи различные положения, инструкции, рекомендации, словари [27; 23; 24; 22], содержащие информацию о компетенции и круге обязанностей полицейских служащих. Они перепечатывались под руководством того или иного автора (чаще служащего по полицейской части), и выпускались руководства, буквари и другие методические пособия для чинов полиции.

К этой же категории отнесены внутриведомственные акты МВД, в частности Департамента полиции, которые по вопросам полицейской службы конкретизировали общегосударственные законоположения. Они не противоречили первым, а устраняли недостатки и разъясняли возникающие коллизии. Эти документы позволяли наиболее своевременно реагировать на изменения общественной жизни, регулировать функционирование правоохранительных структур и влиять на деятельность учреждений, организаций и конкретных лиц. Данный круг документов носит различный характер: это списки лиц, подлежащих розыску по политическим делам; списки лиц, по которым прекращен розыск; сведения о запрещениях проживания и о розыске на территории России отдельных иностранных подданных; о «подчинении» лиц под надзор полиции и об их высылке; о наблюдении за рабочими; о принятии мер в отношении крестьянских волнений [8;10; 12–14] и пр. Сюда же можно включить переписку с Министерством юстиции, Военным министерством, Министерством финансов, Министерством народного просвещения, Медицинским департаментом, Ветеринарным управлением и др. Данные документы были обязательны для исполнения губернаторами и полицейскими чинами на местах.

Здесь мы также выделяем предложения и рекомендации, содержащиеся в проектах совещательных и законодательных комиссий, которые позволяют составить наиболее полную картину существовавших недостатков полицейского аппарата и путей его преобразования в начале XX века [19; 32]. Стоит отметить, что иногда реформаторские идеи выдвигались отдельными государственными служащими из регионов [17].

2. На местном уровне:

- приказы и распоряжения губернатора и губернского правления;
- муниципальные документы (постановления и решения городских дум, земств).

Эту группу составляют два класса документов, которые мы относим (пользуясь современной терминологией) к региональному и муниципальному уровням. Первые включают нормативные акты начальника губернии и губернского правления (циркуляры, распоряжения, постановления и т.д.), регулирующие деятельность этой административно-территориальной единицы в целом и вопросы, касающиеся функционирования провинциальных подразделений полиции. Вторая часть источников представлена чаще всего финансовыми документами (сметами) городов и земств, в которых прописаны статьи расходов на содержание, разъезды, квартирное довольствие, обмундирование, вооружение и снаряжение полицейских.

Принцип взаимодействия на одном уровне прослеживается в переписке между губернаторами, полицмейстерами, в которой зачастую устанавливались сведения «о поведении, нравственных качествах, судимости и политической благонадежности», о подчинении надзору полиции и высылке различных лиц, о передвижении поднадзорных и наблюдении за ними, об их розыске [6; 7; 15]. Начальником губернии и местными полицейскими структурами решались вопросы о розыске утерянных паспортов и других документов [11].

3. На локальном уровне (или делопроизводство полицейских управлений):

- приказы и распоряжения начальников полиции;
- рабочие материалы (протоколы, донесения о расследованиях, рапорты и т.д.);
- учетная документация (регистрационные карты, книги по внесению налогов и сборов, ведомости, журналы, метрические книги и проч.);
- формулярные списки, представлявшие собой личные дела служащих, и аттестационные документы.

Третий блок источников содержит широкий спектр делопроизводственных материалов полицейских управлений, которые позволяют проследить на уровне отдельного учреждения вопросы кадрового состава, денежного обеспечения, организации деятельности, то есть в целом провести ретроспективный анализ повседневной работы органа полиции и его служащих. Сюда входит множество суточных рапортов, данных по проведению различных мероприятий (например, учебных стрельбищ), а также включены документы о проверках начальниками полиции или инспекторами полицейской стражи своих подчиненных, ревизиях губернским правлением полицейских управлений и проведении контрольными палатами финансового надзора над ними. По данному вопросу можно найти документы о мздоимстве полицейских, о неправильном расходовании средств [5; 18].

4. Отчетно-статистические материалы (как общероссийского, так и местного характера).

Четвертая группа представлена, в первую очередь, отчетными материалами различного уровня, начиная от сведений исправников о состоянии уездов и заканчивая сводными отчетами начальников губерний по всем вопросам, в том числе о полиции, уровне преступности, количестве арестантов, развитии политических и общественных организаций, противоправительственной деятельности, революционной пропаганде и многом другом [9]. На основе этих данных составлялись статистические документы, публиковались обзоры, памятные книжки, адрес-календари Курской губернии и прочие подобные издания. В этот же блок можно отнести и картографические источники, содержащие материал об административно-полицейском делении губерний, уездов и городов, по которому можно наглядно проследить расположение полицейских частей и станových квартир, границы участков и станов, распределение урядников и стражников, а также проанализировать предложения по их изменению.

Конечно, нельзя говорить, что центральные и местные полицейские документы были абсолютно разграничены. Наоборот, они имели свою вертикаль, и полицейская информация проходила через все уровни. А связующим звеном между ними была переписка губернатора (рапорты, отчеты, прошения) и Департамента полиции [6]. Поэтому ту или иную информацию мы можем почерпнуть из различных видов источников на всех перечисленных уровнях.

5. Периодическая печать.

Пятый блок включает центральную и местную периодическую продукцию. Столичная пресса представлена специализированными изданиями: журналами «Право» и «Вестник полиции», где публиковалась информация о предполагавшихся реформах, о ходе заседаний комиссий, высказывались предложения и порой даже критические оценки, сведения о служебной деятельности наиболее выдающихся полицейских, громких расследованиях с целью содействия оперативно-розыскной деятельности и демонстрации неотвратимости

наказания для преступников. Благодаря таким статьям стала известна деятельность льговского уездного исправника П.Г. Шугурова и урядника А. Горяинова [2, с. 565], ветеранов Белгородской городской полиции К.Б. Щерблыкина (30 лет службы) и М.И. Алтынникова (40 лет) [3, с. 926].

В региональных газетах («Курские губернские ведомости», «Курская быль») издавались не только официальные законы и нормативно-правовые акты, но и сведения о повседневной деятельности полицейских. Газеты являлись публичной трибуной оглашения приказов губернатора и начальников полиции, выражения благодарности стражам правопорядка, в них освещались кадровые перестановки, печатались заметки о розыске различных вещей и их хозяев.

6. Воспоминания и мемуары.

Последняя группа источников содержит мемуары современников – служащих Департамента полиции, губернаторов и высших должностных лиц об отдельных личностях, служащих по полицейской части, о криминогенной обстановке. К сожалению, воспоминания о службе среднего и низшего звена практически отсутствуют. Многие труды не публиковались в советское время, но сейчас они приобретают вторую жизнь, например, воспоминания курского вице-губернатора П.Г. Курлова [25], ставшего впоследствии заведующим Департамента полиции и командующим Отдельным корпусом жандармов.

Документы столичных архивов позволяют изучить особенности развития и провинциальных полицейских структур, но наиболее полный и ценнейший материал для региональных исследований содержится на местах.

В Государственном архиве Курской области содержатся фонды органов жандармерии и полиции: Курского губернского жандармского управления (Ф. 1642) и полицейских учреждений Курской губернии (Ф. 1643). Источниками сведений о функционировании полиции служат также материалы Канцелярии курского губернатора (Ф. 1), Курского губернского статистического комитета (Ф. 4), Курского губернского правления (Ф. 33), Курского губернского по земским и городским делам присутствия (Ф. 54), Курского губернского по воинской повинности присутствия (Ф. 141), Курского губернского по делам об обществах и союзах присутствия (Ф. 148), Рыльского уездного по воинской повинности присутствия (Ф. 310).

Все указанные архивные фонды дают информацию о полиции Курской губернии в предреволюционный период. Отметим, что регион исследуется до начала административно-территориальных изменений первой трети XX столетия, поэтому в архиве встречаются документы о деятельности полиции на территориях, которые позже войдут в состав Белгородской области и Украины.

Материалы исполнительной полиции сохранились в достаточном количестве, но изначально в большей степени исследователи изучали данные «охранки». В первое десятилетие после революции были опубликованы жандармские архивы. Тем не менее, документация общей полиции обширно представлена: она имела многочисленные связи и переписку с различными дореволюционными учреждениями и обществами, через которую прослеживается компетенция данного органа. Дела губернских жандармских управлений и сыскных отделений после революции уничтожались в первую очередь (особенно материалы регистрационных бюро), сохранившиеся из них объединены в отдельные фонды. Материалы уездных полицейских управлений тоже немногочисленны, отдельных фондов и единиц

хранения в них немного. В фондах государственной власти и управления сосредоточено не мало сведений о работе полиции.

Важной проблемой является объективная внутренняя критика первоисточника. Тщательный анализ архивного документа позволяет выяснить, каково истинное его содержание и предназначение, кем он создан, в каких условиях, что повлияло на ту или иную оценочную характеристику. Задумываться над обстоятельствами, в которых создан документ, в частности материалы Департамента полиции, в своей статье призывал А.Я. Аврех [1, С. 32–49]. Автор отмечал, что необходимо критически подходить к полицейской информации, которая «преувеличивает» или «преуменьшает» оценку событий или явлений. Возможность правильного разбора зависит от умения видеть подлинный характер этого учреждения, его места и роли в системе государственной власти, самодержавного режима, обусловивших философию и психологию полицейского ведомства, стиль и характер его деятельности, начиная от директора департамента и кончая последним канцеляристом.

До нас дошло немало интереснейших архивных материалов, относящихся к Департаменту полиции и его подразделениям на местах с момента основания и до упразднения Временным правительством 11 марта 1917 г. Совокупность всех групп источников, их анализ и критическая оценка позволяют составить целостную картину понимания проблемы и подготовить историко-правовые работы по организации и деятельности полиции Курского края начала прошлого века. Однако систематическое уничтожение «малозначимого» в то время полицейского делопроизводства, разгром полицейских архивов во время Февральской революции, «сортировка» фондов в годы советской власти, исчезновение материалов в годы оккупации территорий региона фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны сильно обеднили круг этих источников.

Источники и литература

1. Аврех А.Я. *Документы Департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы Первой мировой войны // История СССР. 1987. № 6. С. 32–49.*
2. *Вестник полиции. 1910, № 23.*
3. *Вестник полиции. 1910, № 38.*
4. Главинская С.Н. *Документы Департамента полиции начала XX века // Архивные документы как источник формирования представлений об истории Отечества: материалы 37-й всеросс. заочной науч. конф. / под ред. С.Н. Полторака. СПб., 2005. С. 140–143.*
5. *Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8012.*
6. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9656.
7. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671.
8. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9672.
9. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9677.
10. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9678.
11. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9680.
12. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9681.
13. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9808.
14. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9893.

15. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 472.
16. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 476.
17. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 899.
18. ГАКО. Р-322. Оп. 1. Д. 56.
19. Законопроект о преобразовании полиции в Империи. СПб., 1913. [2], II, 268 с.
20. Из истории Курского края: сб. док. и материалов. Воронеж, 1965. 406 с.
21. «Имею честь доложить, что взятки получены...»
/ публ. подгот. А.Т. Стрелков // Отечественные архивы. 2005. № 3. С. 93–98.
22. Инструкция для стражников уездной полиции. СПб., 1913.
23. Инструкция полицейским урядникам, утвержденная Министерством внутренних дел по согласованию с Министерством юстиции 28 июля 1887 г. СПб., 1908.
24. Инструкция чинам сыскных отделений. СПб., 1910.
25. Курлов П.Г. Гибель Императорской России. Берлин, 1923. 225 с.
26. Миролюбов А.А. Документы по истории Департамента полиции периода первой мировой войны // Советские архивы. 1988. № 3. С. 80–84.
27. Правящая Россия: Полный сборник сведений о правах и обязанностях административных учреждений и должностных лиц Российской империи (от Государственного Совета до Сельского старосты). Ч. 1. СПб., 1904.
28. Революционные события 1905–1907 годов в Курской губернии: сб. док. и материалов. Курск, 1955. 268 с.
29. Токарева С.Н. Источники по исследованию деятельности полиции Российской империи начала XX в. По материалам федеральных архивов и архивов Центрального Черноземья // Вестник архивиста. 2012. № 1 (117). С. 18–37.
30. 1905 год в Курской губернии: сб. ст. Курск, 1925. 132 с.
31. Тютюнник Л.И. Источники по истории Департамента полиции (1880–1904 гг.) // Советские архивы. 1984. № 3. С. 51–54.
32. Устав Полицейский 1913 года. СПб., 1913. [2], II, 66 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В настоящее время отношение к революции и народу ее совершившему изменилось: революция из символа прогресса превратилась в кровавые драмы, срывы в ходе благополучного модернизационного развития России. Идеализация революций в советское время уступила место её очернению и теперь мы имеем в основном лишь фрагментарные исследования отдельных сюжетов из жизни правящей элиты, либеральных и консервативных партий при почти полном забвении массовых народных движений и деятельности революционных партий и организаций. [1, с. 7]

В итоге характерными чертами современной литературы на революционную тему является акцент на негативные качества революционеров, отрицательных последствиях революционных событий и прославление реформаторской деятельности властей.

В 1905 г. спектр возможных вариантов общественного развития был гораздо шире, а исторических путей, когда революция могла либо остановиться или пойти к новому подъему, гораздо больше. Она изменила ритм жизни всего российского общества, ускорила ее темп.

В советский период работ по истории Первой русской революции в Курской губернии было написано немало. К каждому юбилею выходила как минимум статья в местной печати. Одной из самых ранних работ стал сборник статей «1905 г. в Курской губернии», вышедшей в 1925 г., где представлен, в основном, фактический материал по истории революционных событий 1905 года.[2, с.35] В том же году ежемесячный журнал Курского губернского комитета РКП(б) посвятил один из выпусков 20-летию Первой русской революции. В этих и других работах, появившихся 20 лет спустя революционных событий, материал взят из архива Курского истпартотдела и архива Курского губернатора.[3, с.36] Популярная книга с одноименным названием Л. Матусевича и А. Казарина на 1941 г. представляет собой систематизацию части материалов по истории революционного движения в Курской губернии в 1905 г. Указанные материалы даны в виде двух очерков: первый очерк – Матусевича посвящен истории рабочего движения и курской социал-демократии, второй – Казарина «Борьба за землю в Курской губернии в 1905 г.» – крестьянскому движению. Отсутствие сконцентрированных источников по этому вопросу на 1941 г. затрудняло работу авторов, что отрицательно сказалось на полноте и глубине изученности проблемы. Поэтому авторы в своих очерках опирались на воспоминания очевидцев и непосредственных участников революционных событий, что придает работе некоторую долю субъективности.[4, с. 3,55]

В послевоенный период по обилию изданий о революции 1905 г. как в стране в целом, так и на местах резко выделяется 50-е гг. XX в. За 10 лет было опубликовано исследований больше, чем за все предшествующие годы. Эта тенденция связана, в том числе, и сростом количества опубликованных документов. Большой массив документов по истории революционной борьбы рабочих, крестьян в годы революции на территории Курской губернии размещен в изданном в Курске сборнике «Революционные события 1905–1907 гг. в Курской губернии» в 1955 г. Публикуемые источники в большинстве своем извлечены из фондов Канцелярии курского губернатора, Курского губернского жандармского управления, Управления Московско-Киево-Воронежской железной дороги, Курского земского училища, хранящихся в Курском областном архиве. Часть документов, характеризующих деятельность Курского комитета РСДРП и революционные выступления в воинских ча-

стях Курского гарнизона, извлечены из фондов РГИА. Большинство выявленных актов исходит из центральных, губернских и уездных правительственных органов, которые показывают картину революционных событий только с одной стороны. Однако изучение этих источников дает возможность судить о ходе и размахе революционного движения в Курской губернии. В сборник документов также включены листовки курской организации эсдеков, документы исходящие от рабочих, крестьян, учащийся молодежи, сохранившиеся в ГАКО. [5, с.5–6]

Неопубликованные источники были обнаружены А.Д. Малявским в Российском государственном историческом архиве и в Государственном архиве Курской области, в которых он работал в 1954–1956 гг. Его статья «Крестьянское движение в Курской губернии в революции 1905–1907 гг.» вышла в составе коллективного труда Краеведческие записки Курского областного краеведческого музея в 1959 г.[6, с. 5]

Среди монографий поздней советской эпохи выделяется работа В.А. Степнынина «Крестьянство Черноземного центра в революции 1905–1907 гг.», в которой на основе изданных материалов и документов, извлеченных из архивных хранилищ Воронежа, Курска, Орла, Тамбова, Москвы, Санкт -Петербурга освещаются различные стороны борьбы крестьян Черноземья, включая курщину, в период первой революции, в том числе выясняется деятельность в деревни местных организаций социал-демократов, эсеров, Всероссийского крестьянского союза и кадетов, отношение крестьян к Государственным думам.[7, с.3]

В советской историографии сильно преувеличивалась степень влияния на народ марксистской идеологии и практической работы большевиков, тогда как масштабы реформаторской деятельности правительства, степень оппозиционности либералов и истинные размеры «народной контрреволюции» в лице разного рода черносотенных элементов, наоборот, всячески преуменьшались. Конечно, не нужно сбрасывать со счетов стремление многих историков советской поры к поиску объективной истины и постепенное ослабление давления на историческую науку официальной идеологии и цензуры в последние десятилетия существования советской власти. Работы курских ученых следовали той же общей теоретической схеме. Оглядываясь сегодня назад, мы видим даже в лучших работах того времени зримые черты советской исторической мифологии.

За последние 10–15 лет ситуации в российской исторической науке резко изменилась. В последующие годы изучение Первой российской революции в Курской губернии продолжалось, но число вышедших работ значительно сократилось. Исследователи уделяют внимание в основном отдельным общественным и политическим движениям или деятельности партий.

Общероссийское издание Л. Г. Сенчаковой «Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг.» представляет собой попытку обобщенного исследования истории крестьянского движения на территории Российской Империи в 1905–1907 гг. на основе достижений советской историографии и новой информации. Учитывая многогранность, сложность и масштабность этого явления, автор основное внимание уделяла двум аспектам – формам борьбы крестьянства и формам его организаций. К сожалению, данное исследование слишком общее: при упоминании курские события, использованы только давно опубликованные и всем известные документы. [8, с.27]

Самое полное освещение роли эсеров, и их влиянии на революционные события 1905 г. дано в трудах Г.А. Салтык, например в монографии «Создание и деятельность партии социалистов–революционеров в губерниях Черноземного центра России (конец XIX века – октябрь 1917 г.)». В этой книге на основе широкого круга источников местных и центральных архивов, а также с привлечением мемуаров и других опубликованных материалов рассматривается процесс зарождения, становления и деятельности в Черноземном регионе одной из самых значительных партий начала XX века – партии социалистов–революционеров. [9, с. 78]

Определенный научный интерес в рамках изучения рабочего движения 1905 г. представляет собой статья А.А. Синяева на основе местного материала вышедшая в составе сборника научного творчества ученых кафедры истории России в 2007 г. [10, с. 83]

Проведенный анализ историографии показал, что источниковая база, на которой основаны многие труды, посвященные данной проблематике, далеко не полностью разработана. А значит остается большое количество малоизученных материалов в архивных фондах и огромное поле деятельности для новых исследований на революционную тему, требующую нового взгляда и нового подхода к изучению проявлений Первой российской революции в Курской губернии.

Источники и литература

1. Тютюкин С.В. Накануне столетия Первой российской революции (историографические заметки) // *Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России*. Сб.ст. М., 2001. С. 7 – 21.
2. 1905 год в Курской губернии: сб.ст. Курск, 1925. 123 с.
3. Соколов А. Курская социал-демократическая организация в первую русскую революцию // *Спутник большевика*. 1925. №9 С. 36 – 49.
4. Матусевич Л. Казарин А. 1905 г. в Курской губернии. Курск, 1941. 91с.
5. *Революционные события 1905–1907 гг. в Курской губернии: сб. документов и материалов*. Курск, 1955. 252 с.
6. Малявский А. Д. Крестьянское движение в Курской губернии в революции 1905–1907 гг. // *Краеведческие записки Курского областного краеведческого музея*. Курск, 1959. Вып.1. С. 5 – 27.
7. Степынин В.А. Крестьянство Черноземного центра в революции 1905–1907 гг. Воронеж, 1991. 159 с.
8. Сенчакова Л.Г. Крестьянское движение в революции 1905–1907гг. М., 1989. 491 с.
9. Салтык Г.А. Создание и деятельность партии социалистов – революционеров в губерниях Черноземного Центра России (конец XIX века – октябрь 1917 года). – Курск., 1999. 502 с.
10. Синяев А.А. Движение рабочих Курской губернии в 1905 г. // *Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России: сб. науч. ст.* Курск, 2007. Вып. 4. С. 83 – 85.

**ИСТОЧНИКОВЫЙ КОМПЛЕКС КРЕСТЬЯНСКОЙ ПЕРЕПИСИ
1911 г. В ФОНДЕ КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА**

В 1911 г. Курский губернский статистический комитет приступил к сплошному обследованию крестьянских хозяйств Курской губернии со сбором материалов в начале по пяти уездам: Курскому, Старооскольскому, Тимскому, Фатежскому, Щигровскому.

Однако обработать примерно 100 тыс. первичных карточек не успели. Работы по их обработке затянулись до начала Первой мировой войны. Поэтому другие десять уездов оказались не описаны, а обследованные – не проанализированы, хотя сами подворные карточки сохранились в фонде 4 «Курский губернский статистический комитет» Государственного архива Курской области.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. указанный массив первичных данных выборочно изучали липецкий историк Л. И. Земцов и ученый из Курска А. Н. Курцев. Первый более широко: несколько тысяч описаний бывших государственных крестьян. Второй же изучил несколько сотен подворных формуляров для выявления специфики семей с отходниками, сопоставления с хозяйствами, ведущими лишь земледелие и местные промыслы.

Рассматривая источниковый комплекс крестьянской переписи 1911 г., следует выделить его составляющие, а именно: пообщинные бланки, подворные формуляры, урожайные карточки.

В качестве типичного примера пообщинного бланка приведем формуляр Фатежского уезда Дмитриевской волости селения Позднякова. Перечень всех данных, которые содержит данный источник, можно разделить на группы:

1) Сведения об обществе: местоположение и расстояние от ближайших объектов местной инфраструктуры: так, между селением Поздняково и своим уездным городом Фатежом расстояние составляло 20 верст; до волостного правления, которое находилось в населенном пункте Нижние Холчи было 9 верст. Также давалась информация и о расстоянии до ближайшей железной дороги (Конышевка) и базара (Фатеж) - по 20 верст соответственно. Информации о величине пути до школы, находившейся в своем селе, врачебного пункта, располагавшегося в Любимовке, а также фабрики или завода и церкви в рассматриваемом нами бланке не приводится.

2) Разряд крестьян, характер общины: в данном населенном пункте проживали государственно – четвертные крестьяне. Что же касается общины, то она представляла собой часть селения, угодий общего пользования с другими общинами не было.

3) Сведения о селении и его внутренней инфраструктуре: а) на какой местности располагалось селение, нет ли при нем усадьбы, поселка, завода и пр., и если есть, то кому принадлежит: рассматриваемое нами селение стояло «по скату» в центре надела, усадьбы, завода, поселка при нем не было; б) при каком водоеме находится данный населенный пункт (река, речка, ручей), и если таковое имело место быть, вписывалось, пересыхает указанный источник воды или нет (при Поздняково протекала река Руда, которая не пересыхала); в) число прудов и колодцев в селении или в полях, качество воды: в описываемой карточке по этому вопросу значилось «колодцев 4, вода хорошая»; г) сведения о проезде на поле и прогоне для скота: в селении Поздняково было охарактеризованы как удобные, плата за право собственно прогона и проезда не взималась; д) состояние дорог, мостов и плотин, а также количество молочных и винных лавок, мельниц и толчей, рушек, маслобоен и шерстобоен, кузниц и кирпичных заводов, министерских, земских и церковно – приходских школ в

селении, что касается дорожных путей и водных переправ, то их состояние было оценено как очень плохое, а по числу заведений, перечисленных выше, приводились следующие цифры: 1 молочная и 1 винная лавка, 5 ветряков, из которых 4 мельницы и 1 толчея, 1 кузница и 1 земская школа. Водяных мельниц, рушек, маслобоен, кирпичных заводов в этом населенном пункте не было, как не было министерских и церковно – приходских школ .

4) Данные об изменении в составе землевладения: отчуждение под железные дороги, покупка и продажа четвертной земли, выдел из общины. Рассматриваемая нами карточка в соответствующей графе имела прочерк, что означает отсутствие изменений в составе конкретного владения.

5) Сводку об изменениях в угодиях: увеличение площади усадьбы, распашки, выгона, сенокоса и т.п. Изменений относительно этих критериев также не было.

6) Информацию о том, на основе чего принято: а) количество всей земли; б) распределение ее на удобную и неудобную: в данном формуляре внесено, что сведения о распределении земли на удобную и неудобную принято со слов владельцев .

7) Количество удобной земли согласно окладной книге уездной управы: в ней значилось, что в селении Поздняково Дмитриевской волости Фатежского уезда имеется 297,50 дес. удобной земли (номер окладного листа 55).

Помимо вышеперечисленных пунктов, данный пообщинный бланк включал в себя сведения о том, какой площадью участки были отведены по документам под двор, сад, огород, коноплю в усадьбе; под выгон, пашню, сенокос (заливной и сухоходольный), лес, кустарники, заросли; сколько занимали улицы и дороги, церкви и кладбища, сколько земли находилось под водой и общую площадь, которую занимали означенные объекты. Также приводилась идентичная характеристика, но уже по местному исследованию. Опираясь на цифры генерального и специального межевания, приведенные в этом бланке, мы можем узнать, что, среди дач и пустошей в селении Поздняково 2,00 дес. отводилось под двор, 0,50 дес. – под сад, 11,60 дес. – под коноплю; улицы и дороги занимали 1,20 дес., под водой была 1,00 дес. земли [1, л.1-1об.].

Дадим краткую характеристику подворного бланка на примере такого формуляра семьи крестьянина Степанова Антона Ивановича. Из выбранной нами карточки хорошо видно, что данная семья относилась к представителям однолошадных крестьян, отличавшихся малолетностью и состояла из самого хозяина (60 лет), его жены (50 лет) и дочери (20 лет).

Размер земельного надела, который обрабатывался ими, согласно окладной книге, равнялся 4,65 дес. количество земли, отведенной под усадьбу, составляло 0,15 дес., из которых 0,03 дес. занимал непосредственно двор, 0,02 дес. – овощи, а картофель и конопляник по 0,05 дес. соответственно. Под полевую пашню Степановыми было отдано 4,50 дес., но из них только на 3,25 дес. произрастали посевы следующих культур: озимая рожь (1,50 дес.), овес (0,70 дес.), греча (0,70 дес.), просо (0,35 дес.), остальное в трехпольной агрикультуре занимал << пар >> .

Из живого инвентаря данная семья имела, помимо одной рабочей лошади, 1 корову, 1 теленка и 4 овцы. Также у них были предметы мертвого инвентаря, а именно: 2 телеги на деревянном ходу, 1 сани, 1 соха и 1 деревянная борона [2, л.25-25 об.].

Из массива урожайных карточек, обратимся к типичной, относящейся к Тимскому уезду Успенской волости 1-го Выгорного селения. Приводились следующие данные:

1) Информация о домохозяйине: порядковый номер и разряд крестьян, к которым он относился. На листе 150 домохозяйин был записан как номер 210 и принадлежал к разряду бывших государственных крестьян.

2) Структура зерновых и размер урожая с разбивкой по участкам. (Как особенность такого бланка выделим то, что на одном подобном формуляре могли приводиться сведения об урожае не только за 1911 г., но для сравнения еще за 1909 и 1910 гг.). В данном случае:

а) на надельной земле: в исследуемой нами карточке указано, что в 1910 г. было высеяно 2 меры овса на площади в 0,10 дес. черноземной почвы. Число собранных копен с этого участка равнялось 3-м, характер соломы был оценен как хороший, умолот с копны составил 3 меры, характер умолата – плохой. Ни по 1909, ни по 1911 гг. данные графы по малопонятным причинам оказались незаполненными;

б) на полевой земле (приходится констатировать, что графы относящиеся к этим данным, оказались более информационно насыщенными). Согласно листу 150 домохозяйин, значившийся под 210-м номером, в 1909 г. черноземный участок площадью 3,04 дес. около Пенякиной рощи засеял рожью, причем затраты семян составили 24 меры, а число собранных копен – 27, умолот с одной равнялся 4-м мерам при среднем характере соломы и среднем характере сбора.

Также в этом году на идентичной почве в районе Выгона (название участка) был высеян овес в 35 мер. Размер земли, отведенной в данном урочище под эту сельскохозяйственную культуру – 2,00 дес. Количество полученных копен составило 25, умолот с каждой – 6 мер, солома и сбор вышли среднего качества.

Около места Щегольского произрастала греча (высажено было 3 меры), где площадь посева составила 0,35 дес. С этого участка в итоге было снято 5 копен (солома – хорошая), умолот с одной равнялся 5-ти мерам, состояние сбора также было оценено как хорошее.

Возле места Выгино выращивалось просо. Размер отведенной для него земли – 0,35 дес., количество высеянных мер – 2/3 (причем, 0,25 дес. было ранее удобрено 40 возами навоза). Урожай с данного засева имел следующие показатели: 4 копны соломы среднего характера, умолот с каждой – 2 меры, качество умолата – плохое.

Показатели за 1910 г. рисуют следующее: около Пенякиной рощи был высеян овес. Площадь этого засева составила 1,50 дес., с которых было получено 18 копен соломы среднего качества, умолот с отдельно взятой копны в среднем равнялся 7,5 мер при среднем характере сбора. Там же выращивалась и греча, но площадь, отведенная под нее, была почти в 3 раза меньше, чем под овес – 0,60 дес; 4,5 меры семян дали: число копен – 7,5 (солома была оценена как средняя), умолот в мерах с каждой копны – 45.

Около Кулешова Верха произрастало просо (2/3 меры). Здесь площадь засеянной земли составила 0,35 дес., с которой в итоге было получено 5 копен соломы хорошего качества и 3,5 меры зерна среднего сбора.

В Воскошном в 1910 г. этот домохозяйин имел участок с рожью в 2,00 дес. Особое внимание следует обратить на то, что почва здесь, в отличие от рассмотренных выше земельных участков, в которых она представляла собой чернозем, являлась суглинистой; 16 мер посеянного зерна смогли дать 24 копны, умолот с каждой составил 2,5 меры. По своему характеру солома и сбор зерна оказались среднего и плохого состояния соответственно.

По 1911 г. имеются следующие сведения: около Воскошного верху на участке в 1,25 дес. с черноземным характером почвы был посеян овес (20 мер). Число собранных копен с этого участка в информационный лист вписано не было (как, впрочем, и данные о характере соломы и сбора, умолота в мерах с копны). Помимо овса в Воскошном произрастало и просо на земле в размере 0,50 дес. Высеяна была 1 мера, причем удобренная площадь равнялась 0,30 дес. (в 1909 г. на этот участок было вывезено 60 возов удобрения). Информация о количестве собранных копен, умолоте в мерах с каждой, а также и о качестве соломы и сбора не приводится.

Около Широкой дороги была посеяна рожь. Площадь земли, занятой ею, составила 0,75 дес., из них 0,25 дес. было удобрено в этом году 50-ю телегами навоза. При затратах зерна в 6 мер, к сожалению, переписчиками вновь не были внесены сведения о полученном урожае.

В урочище возле Лугу этот двор отвел под гречу 2,50 дес., 1/5 из которых была унавожена в 1910 г. 100-ми возами удобрения. Высеянные 20 мер зерна дали 37 копен со средним характером соломы.

3) Продажа продуктов сельского хозяйства (информация приводилась за 1909–1911 гг.): а) название продукта (продуктов), который продавался; б) месяц и место сбыта того или иного товара; в) цена по которой тот или иной продукт был продан; г) стоимость доставки.

Так, рассматриваемое домохозяйство за сентябрь 1909 г. реализовал в Тиму 18 пудов гречи (за 75 коп.) и 15 пудов овса (за 43 коп.), а в апреле он сбыл 2 пуда пеньки в своем селе по цене 2 руб. за весь товар (стоимость доставки по этим торговым операциям в бланк внесена не была).

В 1910 г. этот же крестьянин за сентябрь заработал (в Щиграх и по месту жительства) 58 коп. за 4 пуда муки, 32 коп. за 2/3 гречи и 1 руб. 13 коп. за 25 пудов овса. В октябре он продал 4 пуда конопли в с. Мантурово за 32 коп.

В 1911 г. в марте он продал 10 пудов овса на 3 руб. 20 коп. (Тим), а в мае – 1 пуд пеньки за 60 коп. (в своем селе).

4) Сведения об урожае картофеля, сена и конопли.

а) Сводка по картофелю: в 1909 г. в усадьбе под рассматриваемую культуру им было отведено 0,15 дес., причем удобрена была вся эта площадь. С высеянных 15 мер картофеля был получен урожай среднего качества в 80 мер; 1910 г. имел следующие показатели: 0,15 дес. – площадь посадки, высажено – 25 мер, собрано – 150 мер, клубни хорошего качества. В 1911 г. площадь земли, занимаемой картофелем, увеличилась до 20 дес., но число мер, отведенных для посадки, наоборот уменьшилось – 20 мер (информации по собранному урожаю нет). В поле на протяжении этих трех лет картофель не выращивался.

б) Данные о сене: данная семья в 1909 г. имела в поле 1,50 дес. под сено в усадьбе на 1910 г. – 1,00 дес. и в 1911 г. – 1,50 дес. там же.

в) Информация по конопле: этот крестьянин в 1909 г. на удобренной земле в 0,20 дес. высадил 2 меры конопли, с которых собрал 10 снопов замашки данного сельскохозяйственного продукта. Из полученных десяти снопов им было надергано 3 пуда 20 фунтов пеньки хорошего состояния и намолочены семена плохого качества. В 1910 г. с 2-х мер конопли

при сохранении той же площади участка, он снял также 10 снопов. Показатели пеньки оказались ниже (2 пуда 20 фунтов), качество – среднее. Семена, напротив, оказались хорошего состояния. За 1911 г. сведения скудны: площадь земли – 0,15 дес., 9 высеянных мер.

5) Сводка об урожае ягод и фруктов и расходах на сад но она по рассматриваемому домохозяйству не заполнена [3, л.150-150 об.].

В проделанном нами исследовании источникового комплекса крестьянской переписи 1911 г., как обобщающий итог, сформулируем следующие выводы: подворный формуляр состоит из 223 пунктов и, в общем и целом, дает четкую картину экономического состояния крестьянских хозяйств; урожайная же карточка вбирает в себя совокупность данных по 82 показателям и, как уже отмечалось, имеет сведения не только за 1911 г., но также за 1909–1910 гг; пообщинный бланк, в отличие от подворных и урожайных листов, имеет большое число пронумерованных граф, но содержит ценную информацию, без которой нельзя в полной мере оценить уровень развития хозяйств курского крестьянства к 1911 г.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области. Ф.4. Оп.1. Д.389.
2. Там же. Д.882.
3. Там же. Д.1248.

**СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА
КАК ФЕРМЕРИЗАЦИЯ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ:
НАШЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ТЕМЫ**

На протяжении многих десятилетий ученые трактовали реформу российской деревни, проводимую П.А. Столыпиным, с формационных позиций развития капитализма в сельском хозяйстве.

Столыпинское реформирование в советской литературе, опирающейся на политические оценки В.И. Ленина, главным образом усилиями С.М. Дубровского (1900–1970): от «Столыпинской реформы: Капитализация сельского хозяйства в XX века» (Л., 1925. 302 с.) до «Столыпинской земельной реформы: Из истории сельского хозяйства и крестьянства в России в начале XX века» [5], отчасти П.Н. Ефремова «Столыпинская аграрная политика» (М., 1941. 144 с.) и многих других, заканчивая монографией А.Я. Авреха «П.А. Столыпин и судьбы реформ в России» с главой «Аграрная реформа» [1, с.66-94], подавалось как ликвидация общины с целями ускоренного насаждения кулаков как буржуазных союзников царизма в центре страны и массового выселения оттуда на азиатские окраины бедноты как источника бунтарства в отношении помещиков.

Достаточно сослаться на авторское предисловие к самой объемной из указанных работ: «Для борьбы против революции царизм стремился прежде всего усилить зажиточное крестьянство за счет бедняцко-средняцких масс. Для этого правительство приступило к решительной ломке общины и прочих полукрепостнических порядков деревни, чтобы приспособить их к потребностям капиталистического развития в сельском хозяйстве по прусскому пути. В этих целях проводилось укрепление наделных общинных земель в личную собственность, землеустройство с насаждением хуторов и отрубов», а также особо «переселение избыточного сельского населения в восточные районы страны» [5, с.3].

В книге Авреха вывод гласит, что «реформа не удалась. Она не достигла ни экономических, ни политических целей, которые перед ней ставились. Деревня вместе с хуторами и отрубам осталась такой же низкопроизводительной и нищей, как и до Столыпина. Да и какую более высокую производительность и агрикультуру мог создать новый владелец хутора или отруба на своих 5–7 десятинах, зачастую без пастбища, воды, дороги и, конечно, без всяких денег, нужных для интенсификации хозяйства, приобретения более совершенных орудий, сортовых семян и т.д.? Советы агронома... и прочие паллиативы не могли помочь, когда не было главного – материальных возможностей поднять хозяйство. Это смогли сделать лишь немногие», причем у автора они олицетворяют кулачество в противовес фермерству США, что уже являлось новацией, поскольку прозвучал термин «фермер»: данной реформой «вместо фермера рождался кулак с рутинным экономическим мышлением, азиатскими приемами эксплуатации своих односельчан, с минимум предпринимательской инициативы, политическим консерватизмом и т.д.» [1, с.90, 264]

Академиком И.Д. Ковальченко даже в 1991 г. теория подавалась как ленинская цитата: «Буржуазное развитие, – писал В.И. Ленин, – может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными... Оно может идти также имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма “нарост” крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа».

Далее глава Отделения истории АН СССР указал, что в России к 1906 г. «собственно капиталистическое, фермерское хозяйство, базой которого был наемный труд, играло незначительную роль», т.е. произведя подмену фигуры семейного фермера Запада на мелкого собственника – эксплуататора рабочих в русской деревне. Его заключение трафаретно, что «стольпинская аграрная реформа по сути провалилась еще до Первой мировой войны» [8, с.53-54, 58, 69].

Применительно к переселенчеству более всего вызывает интерес исследование С.М. Сидельникова, где одновременно со стереотипами, что «переселенческая политика» стольпинского кабинета являлась «составной частью новой земельной реформы», показавшей «антинародный характер переселенческой политики царизма»; сжато приводятся факты ограничений правительством переселений селян за Урал с 10 мая 1907 г. до 4 марта 1911 г., особенно «неимушим» [20, с.14, 220, 229-230].

Изучение осуществления стольпинской реформы в различных губерниях ведет отсчет с первой волны кандидатских диссертаций, охвативших и Черноземье, отличаясь характеристикой негативного опыта аграрного преобразования села при минимуме использования документации местных архивов, в т.ч. см.: Гульцев Н.Н. Стольпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах: дис. ... канд. ист. наук (Л., 1952. 361 с.); Есенина З.П. Стольпинская аграрная политика и крестьянское движение в годы ее проведения в Тамбовской губернии (1907-1914 гг.) (М., 1954. 301 с.).

В 1953 г. целиком по региону, включая и курщину, аналогичные диссертации выполнили два аспиранта: москвичка М.С. Симонова «Стольпинская аграрная реформа в Центрально-Черноземной зоне: Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская губерния». (М., 1953. 603, XXXIV с.) и курянин Ю.Л. Райский, выпускник истфака областного педуза, который с 1949 по 1953 г. учился в ленинградской аспирантуре (впоследствии зав. кафедрой Курского пединститута).

Последний давал освещение темы в пределах всех шесть губерний ЦЧР, т.е. с Тульской и Рязанской, уделив особое внимание Курской; акцентируя внимание на бедняцком контингенте большинства владельцев участковых хозяйств как основном аргументе провала реформы; одновременно отказавшись вообще рассматривать переселенчество в рамках стольпинского землеустройства [19, с.1-392].

В постсоветской историографии постепенно происходил переход от поисков позитива в аграрной реформе деревни до неумеренного ее восхваления, особенно фигуры самого премьерера.

Уже 1992 г. дал признание П.Н. Зырянова по биографии Столыпина на страницах раздела «Аграрная реформа», что «в советской литературе долгое время господствовало предствление, будто указ 9 ноября 1906 г. ставил своей задачей отдать общинные земли на разграбление кучке богатых крестьян. В действительности правительство, конечно, не хотело сосредоточения земли в руках немногих мироедов и разорения массы земледельцев». Вместо ленинского штампа о якобы крахе стольпинского землеустройства в 1907–1914 гг., ученый объективно указал, что «такое широкомасштабное мероприятие, потребовавшее столь значительной перетряски, не могло положительно сказаться в первые же годы своего проведения» [7, с.55, 63].

Ведущий историк-аграрник А.М. Анфимов (1916-1995) в посмертном издании 2002 г. (оконченное автором в 1995 г.) поставил проблему теоретического переосмысления сущности реформы как привнесения фермерства: «Исторической заслугой П.А. Столыпина было то, что он решительно встал на путь массового насаждения в России уже прижившихся в Европе и Америке и апробированного в ряде районов России крестьянских хозяйств фермерского типа». Однако далее автор сводит значение отрубов и хуторов крестьян к масштабам их создания «за 1907-1914 гг.» – только 9% дворов «в 1916 г.», поэтому дескать «фермерское хозяйство в российской деревне» не успело получить весомого успеха [3, с.263].

Самым обстоятельным стало исследование 2001 г. профессора МГПУ В.Г. Тюкавкина с полностью положительным описанием столыпинщины, буквально начиная с аннотации издания: «Автор делает вывод, что реформа была прогрессивной. Она не “потерпела крах”, как это трактовалось в советской историографии, а была прервана мировой войной и поэтому осталась незавершенной». С другой стороны, ученый умолчал о фермерской перспективе проводящейся реформации, зато внес развитие кооперации, особенно кредитной (реально ее широкое создание восходит к 1900 г.), обеспечивающей укрепление мелкого крестьянского хозяйства: «Кооперативное движение охватило миллионы крестьянских дворов, было исключительно добровольным и демократическим, без всякого насилия» [21, с. 3-299].

Однако преобладают популярные работы с апологетической персоналистикой вроде книги экс-министра (финансов) Б.Г. Федорова «Петр Столыпин...» с попутным упоминанием аграрных мероприятий и вердиктом о премьере, что ему «удалось помочь становлению целого класса сильных сельских собственников [22, т. 1, с. 81].

В наименьшей степени переоценка коснулась переселения бедноты, которое прямого отношения к столыпинскому землеустройству иметь не могло, достаточно прочесть сам царский указ от 9 ноября 1906 г. с изложением процедуры будущей (с 1 января 1907 г.) реформы, где вопрос выселений не фигурирует вообще: в частности, он приведен в специальном сборнике документации реформы [2, с.99-105].

Исключение составляют наши статьи на данную тему: в рамках России, Центрального Черноземья [11, с.305-309] и Курской губернии [12, с.77-84]. Здесь уместнее привести факты из первой работы, что развитие переселенчества крестьян в Зауралье с государственной помощью (15 дес. земли на мужскую душу и т.д.) шло еще с 1896 г., в 1906 г. открыто для бедноты в эпоху С.Ю. Витте, с 1907 по 1911 г. «лично Столыпин во главе кабинета главные усилия положил на жестко управляемую колонизацию окраин минимальным числом состоятельных хозяев и сдерживание самовольной миграции бедняков», на 1912-1914 гг. произошел возврат к исходному порядку организации переселения (13, с.25-28).

Новейший этап изучения темы характеризуется второй диссертационной волной, преимущественно имевшей узкорегionalный характер, включая поиск ее новых проблем, например, следующую: Апалькова Ю.И. История деятельности государственных и земских органов по реализации аграрной реформы П.А. Столыпина (на материалах Черноземного центра России): (Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997. 24 с.).

Особое место занимают первые труды историка, целиком посвященные курской проблематике. Это кандидатская диссертация местного уроженца А.М. Прилуцкого, выпускника Воронежского госуниверситета (сейчас в Курске заведует кафедрой в одном из вузов), вскоре опубликованная фундаментальной книгой, которые отличаются недопустимо широким толкованием реформы: от земской агрономии с кооперацией и садоводством до вопроса выселений, представлявших всего лишь попутное и побочное сопровождение нового правительственного курса, однако без всякого упоминания о фермерстве. В итоге звучит такое резюме: «стольпинское аграрное реформирование представляло не столько приватизацию крестьянских наделных земель, сколько целую систему взаимосвязанных мероприятий, направленных на рационализацию сельского хозяйства России и ставшее основным фактором развития крестьянского хозяйства Курской губернии в 1907-1914 гг.» Из справедливых выводов в особенности выделим тот, что «эпизоды сопротивления крестьянского населения были вызваны не самой идеей аграрного реформирования, а методами ее проведения» [18, с.276, 281].

Исследователем привлечен исторический потенциал РГИА и ГАКО, но главные результаты новой земельной политики автор дает по изданному материалу 1915 г., что в Курской губернии из общин вышли 129 тыс. домохозяев, или 51,5 % общинников, с важным напоминанием об ограничениях скупки ими земли – «6,1 десятиной на 1 мужскую душу»; а число семей, которые перешли на отруба и хутора, приводит по кандидатской диссертации покойного Ю.Л. Райского – 27 тыс., или 21 % (к 129 тыс.), но без единого примера этих фермеров Курского края [17, с.128, 136, 141].

Остается добавить, что помимо отрицания фермерского начала стольпинского землеустройства или противопоставления крестьян нарождающимся фермерам в исторической науке, в экономических курсах современной России вышеуказанные группы понимаются как идентичные на основании закона еще РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 22 ноября 1990 г. и последующей практике фермерского движения без ограничений скупки земельных угодий, которые у фермера иногда переходят за тысячу гектаров, в т.ч в Курской области, где к 2010 г. в наличии оказалось около 1,4 тыс. фермерских хозяйств при средней площади в 174 га своей земли [14, с.4, 18-19, 22].

Видимо, именно эта аграрная политика более всего объясняет появление в учебной литературе следующего понятия для обозначения зажиточно-кулацкого большинства русских хуторов 1907–1914 гг.: «Возникновение слоя хуторян-фермеров вызвало сопротивление со стороны крестьян-общинников, которое выражалось в порче скота, посевах и избиением самих хуторян» [23, с. 326].

У зарубежных историков стольпинское землеустройство удостоилось минимума интереса, в основном на уровне статей, включая такую на русском языке, выполненную американцем Д. Мэйси в 1993 г., где дана интерпретация реформы с позиций «модернизации» всех сфер русского общества. Ученый указав, что содержание реформы было разработано задолго до назначения П.А. Столыпина на должность премьера, видит ее «смысл», причем вообще без упоминания переселения, «в постепенной индивидуализации и интенсификации крестьянского хозяйства и в конечном счете – в превращении крестьянского хозяйства в систему мелкой частной собственности, основанной на хуторах или семейных фермах» для движения «России к западной модели» [15, с.7-8, 13, 16].

Сравнение русских крестьян с западными фермерами содержится в сборнике статей разных авторов, рисующих сходство указанных категорий в семейном ведении сельского хозяйства, включая публикацию экономиста Г. Дюрфельда о современных фермерах: от ФРГ и Голландии, Англии и Италии, Франции и Бельгии, до Испании и США [6, с.84-85].

В 2003 г. обобщающая монография американского исследователя развитие экономики царской России на грани XIX-XX веков преимущественно сводит к успеху индустриализации с единственной констатацией, что «крестьяне в результате аграрной реформы Столыпина получили возможность покидать общину» [4, с.51, 247].

Его коллега Я. Коцонис в монографии 2006 г. о кооперации, называя реформу «аграрной политикой – от интеграции к обособлению», справедливо акцентирует свою тему «к 1906 г., когда правительство отказалось от общины в качестве фундамента социально-экономической организации крестьянства...», многие в России «... воспринимали кооперативы как альтернативные общине учреждения», в дальнейшем доводит ее до хвalebного абсурда: «кооперативы стали главной составляющей аграрной политики в период после 1910 г.» [9, с. 125, 139, 143]

По нашему мнению, перспективой российской и зарубежной историографии столыпинского реформирования русской деревни может стать следующая его трактовка, имеющая цивилизационный и модернизационный подходы. Межцивилизационный переход человечества от аграрной цивилизации к индустриальному обществу определяется как модернизация.

По динамике различают раннюю как опережающую и позднюю как догоняющую разновидности модернизации. Первая была единичной по масштабам, реально охватив только Англию, характеризуюсь медленными темпами и соответственно длительными сроками. Вторая была типичной для большинства государств, причем, будучи форсированной по темпам и скоротечной по срокам. Классической моделью поздней модернизации считают две державы – Россию и Японию.

Российская модернизация конца XIX – начала XX веков являлась процессом начала в стране коренного обновления важнейших сторон общества: от экономики и демографии, государственного строя и политической жизни, социальных отношений и сознания человека, до культуры и искусства.

Проявлениями модернизации в областях экономики являлись процессы начала индустриализации и фермеризации (это слово является нашим авторством) России, вначале первый – главным образом с середины 90-х гг. XIX столетия, позднее второй – с 1907 г. В СССР в силу социалистической деформации развития индустриальной цивилизации процесс индустриализации получил завершенность, а фермеризацию деревни сменила коллективизация.

В мировой истории фермеризация является процессом преобразования крестьян аграрной цивилизации с поземельной общиной и натуральным хозяйством в фермеров индустриального общества как личных земельных собственников (исходная фаза перехода) и мелких товарных производителей (конечная фаза перехода) с широкой интеграцией в крупные кооперативы (от кредитных и переработки сельхозсырья до сбытовых) при сохранении семейного трудового производства.

Именно исходная фаза и была сущностью реформы, проводимой Столыпиным, поскольку приватизация наделного землевладения требовала законодательного разрешения и целенаправленной реализации в каждой общине у миллионов крестьян европейских губерний с участием землеустроительных комиссий, усилий администрации, работы землемеров и т.д.

Под столыпинской реформой следует понимать антиобщинную политику по формированию контингента мелких земельных собственников, главным образом на участковых хозяйствах: первоначально обычно с земледелием на отрубках, впоследствии частью с устройством на хуторах, что являлось основным условием создания фермеров, которые обеспечат подъем аграрного сектора экономики России. Отсюда определение автора публикации – «столыпинская аграрная реформа как фермеризация русской деревни», или «столыпинская аграрная реформа по фермеризации русской деревни» и т.п.

К 1917 г. в Курской губернии из бывших наделов успели создать 28 279 отрубков и хуторов (последних по неполным данным 913 единиц, или 3,2%) при среднем размере в 6,1 дес. своей земли, что составит 11,3% фермеров ко всем 251 тыс. общинных семейств с 5,7 дес. надела во дворах к 9 ноября 1906 г. [16, с. 48–49].

Лучшим фермером на территории современной Курской области (без отошедшей к Белгороду) на лето 1913 г. признали руководителя хуторского хозяйства Ф.Л. Мамонтова вблизи дер. Воробьевка-Ртищево Щигровского уезда, которому с 2 братьями в 1910 г. отвели под единый хутор 7,6 дес. земли. Его уголья выходили к сельской дороге, к «которой примыкали и остальных более 30 хуторов и отрубных участков», отведенных его односельчанам; конец хутору – «на берегу ручья».

Мамонтовы немедленно завели на хуторе восьмипольный севооборот с кормовой травой для выпаса животных, обильнейшим унаваживанием, двойными вспашкой (глубоким плугом с двумя лемехами) и соответственно боронованием («шведской бороной»), использование сеялки и конной молотилки, западные сорта семян растений и т.д. В 1912 г. глава хозяйства Федор Мамонтов прошел обучение на курсах хуторян в городе Курске, получив «натурой семена и орудия на сумму 33 рубля». К лету 1913 г. урожаи зерновых на хуторе достигли 120 пудов с дес. земли (сравнительно с 75 дес. у общинников) при сборе зерна на сумму свыше 500 руб., недостаток его покрывали арендой 4 дес. у соседей. Все работы выполняли только семейным трудом. На хуторе держали 4 лошадей и 2 жеребят, 2 коров и 2 телки, 4 свиньи, 7 овец и 50 голов птицы. Рядом с избой стояли хлева, конюшня с амбаром, а также огород с фруктовым садом. Жизнь хутора в отношении питания очевидцы называли «полной чашей» [10, с. 21–38].

Источники и литература

1. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. 286 с.
2. Аграрная реформа Столыпина (учебное пособие) / сост. С.М. Сидельников. М., 1973. 336 с.
3. Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. 300 с.
4. Григори П. Экономический рост Российской Империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / пер. с англ. М., 2003. 256 с.

5. Дубровский С.М. *Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века.* М., 1963. 600 с.
6. Дюрфельд Г. *Стабильность семейного фермерства и действительности современного мира // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: пер. с англ. / сост. Т. Шанин. М., 1992. С. 84-88.*
7. Зырянов П.Н. *Петр Столыпин: Политический портрет.* М., 1992. 159с.
8. Ковальченко И.Д. *Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР. 1991. №2. С. 52-72.*
9. Коцонис Я. *Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861-1914.* М., 320 с.
10. *Крестьянское хозяйство в России. Т.П: Черноземная полоса Европейской России.* Пг., 1915. 361 с.
11. Курцев А.Н. *Особенности переселений российского крестьянства за 1861–1917 гг. на примере Центрально-Черноземного региона // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. Вып. 10 (66). С. 303-309.*
12. Курцев А.Н. *Переселение курских крестьян на земли Сибири в конце XIX – начале XX веков // Вопросы истории и краеведения (сб. науч. тр.). Курск, 1994. С. 77-84.*
13. Курцев А.Н. *Реалии переселенческой политики в период столыпинской реформы // Преподавание истории в школе: специальный выпуск. 2008. № 5. С. 25-28.*
14. Михайлов А.Н. *Становление и развитие крестьянских (фермерских) хозяйств в аграрном производстве Курской области в конце XX – начале XXI веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. 28 с.*
15. Мэйси Д. *Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыпина // Вопросы истории. 1993. №4. С. 3-18.*
16. Першин П.Н. *Участковое землепользование в России: Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907-1916 гг. и судьбы во время революции (1917–1920).* М., 1922. 53 с.
17. Прилуцкий А.М. *Исторический опыт преобразования села: Крестьянское хозяйство Курской губернии в 1906-1916 гг.* Курск, 2003. 280 с.
18. Прилуцкий А.М. *Курская деревня в годы столыпинского землеустройства (1906–1916 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. 335 с.*
19. Райский Ю.Л. *Столыпинская аграрная реформа в центрально-черноземных губерниях: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. VIII, 392, VII с.*
20. Сидельников С.М. *Аграрная политика самодержавия в период империализма.* М., 1980. 289 с.
21. Тюкавкин В.Г. *Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа.* М., 2001. 304 с.
22. Федоров Б.Г. *Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: биография П.А. Столыпина: В 2 т. СПб., 2002. Т.1. 624с.; Т.2. 272 с.*
23. Федоров В.А. *История России. 1861– 1917: учебник.* М., 2011. 482 с.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ В ФОНДАХ ГАКО

В последнее время все более актуальными становятся научные исследования по проблеме становления и развития электрификации не только в масштабе всей страны, а в рамках отдельных ее регионов, среди которых следует выделить Курскую область, что естественным образом ставит вопрос о серьезной разработке источниковой базы, но так как до сих пор материалов, опубликованных по данной проблематике практически нет, то значительная часть интересующей нас информации находится в фондах региональных архивохранилищ.

В соответствии с хронологическим принципом рассмотрения данного вопроса, проанализируем фонды по электрификации Курского края начиная с дореволюционного периода, затем советского и постсоветского периодов. Среди фондов дореволюционного периода наибольший интерес представляет фонд 815 (Бельгийское анонимное общество «Курский трамвай»), состоящий из 17 дел, которые дают представление о деятельности данной организации в постройке и эксплуатации трамвайной линии и сети электрического освещения с подробными чертежами, учитывая их недостаток – они на французском языке) [1, л. 2-7]. В фонде 48 (Курская городская дума) в одном из дел отражен характер взаимоотношений Бельгийского общества с Курской городской управой и Городской думой от момента заключения с ними договора на строительство трамвайной линии и сети постоянного электрического освещения [2, л. 50 об.].

Среди фондов советского периода, одним из первых повествующим о состоянии электрификации является фонд 176 (Правление государственных электростанций г. Курска «Электросвет», 1919-1923 гг.), состоящий из 35 единиц хранения, в которых содержится информация о техническом состоянии электростанций после завершения Гражданской войны; ежемесячные, полугодовые, годовые производственные отчеты по выработке электроэнергии, приказы, протоколы заседаний правления и выписки из них, а также переписка Правления с различными местными органами исполнительной власти [3, л. 2-6].

Например, при более подробном рассмотрении дела 4 можно судить о техническом состоянии электростанции постоянного освещения «...В связи с организацией нормальной деятельности электростанций, согласно исполнению постановления Межведомственной технической комиссии от 9 января 1920 г. инженерами Г.А. Клетти и Л.З. Таубе на 10 февраля того же года был составлен доклад с описанием ее технического состояния, в котором было отмечено следующее:

- «в основном здании и пристройке для дизелей имелись сквозные трещины по стенам (из-за осадки фундамента);
- часть металлических покрытий брэдмауэров пришла в ветхость и снесена ветром, сырость способствовала обвалу штукатурки, обшивка отстала и висит над проводами;
- кровля имеет несколько крупных отверстий, в которые проникают атмосферные осадки, а стеклянная крыша под проходом, соединяющим зал машинного отделения основного здания с пристройкой для дизелей, разбита и требует срочной замены;
- в машинном отделении для паровых машин были необходимы новые бетонное основание и керамическая плитка;
- окна, двери, ворота нужно было восстанавливать практически заново, а также уста-

навливать двойные рамы для лучшей теплоизоляции здания;

– в паровых котлах арматура большей частью пришла в негодность, питающий систему водопровод разобран;

– паропровод частично разобран, термоизоляция повреждена, котлы от него отсоединены;

– дизельные двигатели были сильно изношены и требовали капитального ремонта с заменой некоторых деталей».

После окончания Гражданской войны на курской территории началось восстановление разрушенного хозяйства. Станция постоянного электроосвещения в изношенном состоянии продолжала работать и снабжала электрическим током наиболее важные государственные учреждения, заводы, типографии и госпиталя, но при остром дефиците топлива график его подачи был строго ограничен (зимой – с 18:00 по 2:00; летом – с 21:00 до 3:00) и только при одобрении ранее поданной заявке в Губернский совет народного хозяйства (ГСНХ) по особым обстоятельствам работа электростанции могла быть продлена еще на несколько часов, причем ее мощность упала до 373 кВт...» [4, л.96–120]

Работа с фондом 1142 (Курская государственная техническая контора по электрификации «Электросрой») за период с 1923 по 1927 г., в количестве 49 дел, позволяет почерпнуть сведения об организации данного предприятия; докладами о его деятельности, представленными в виде полугодовых, квартальных, ежемесячных статистических отчетов; ознакомиться с приказами, инструкциями и циркулярами ГСНХ, поступавших в «Электрострой» [5, л. 3-10]. При подробном рассмотрении дела 1 становится известным, что Курская государственная техническая контора по электрификации «Электрострой» была утверждена на основе решения Курского экономического совещания от 1 ноября 1922 г. и приказа ГСНХ №157 и начала свою деятельность с 1 января 1923 г. В числе ее функциональных обязанностей входило производить всякие электрические установки, строить и монтировать электростанции, снабжать города Курщины электроматериалами, проводить электроосвещение и др. [6, л. 2-6]; при анализе же дела 36 – о ликвидации данной Конторы 1 декабря 1927 г. в связи с ее переходом в введение «Водосвета» [7, л. 1-4].

Среди материалов фонда 200 (Курский губернский коммунальный отдел) особый интерес представляют дела 144 и 145, в которых содержится информация о переписке с Губпланом по электрификации, проектами Щигровской, Обоянской и Корочанской электростанций [8, л. 2-5]. Огромное количество материалов находится в фонде 863 (Курское районное энергетическое управление «Курскэнерго») за период 1958-1991 гг. в количестве 1977 дел, содержащих следующие сведения: приказы и директивные указания Министерства энергетики и электрификации РСФСР, главного энергетического управления при Совете Министров СССР, Госплана СССР, Курского совнархоза; приказы и распоряжения по «Курскэнерго» и др. [9, л. 5-28]

Относительно электрификации сельского хозяйства сведения можно почерпнуть из фонда 586 (Курское областное энергетическое эксплуатационное управление сельского хозяйства «Курсксельэнерго»), состоящего из 104 дел, рассматривающих период 1949-1963 гг., в состав которого входят такие важные документы, как приказы Министерства сельского хозяйства РСФСР, Всесоюзного объединения «Россельхозтехника», Государственного производственного Комитета по энергетике и электрификации СССР. Интерес представляют решения Курского облисполкома, Устав Курского районного энергетического управления

«Курскэнерго», протоколы производственно-технических совещаний.

Следует отметить, что «Курксельэнерго» подчинялось Главному управлению сельских электростанций Министерства сельского хозяйства РСФСР, которое, находилось в г. Курске и обслуживало Белгородскую, Воронежскую и Курскую области, а также руководило деятельностью сельских электростанций и электроустановок. На основании приказа Министерства сельского хозяйства РСФСР №79 от 2 августа 1957 г. эта организация была передана в подчинение Главному управлению электрификации сельского хозяйства «Главсельэлектро». С января 1959 г. была переименована в Курскую эксплуатационную контрольную «Сельэлектро». В соответствии с приказом Министерства сельского хозяйства РСФСР №273 от 30 мая 1960 г. ее реорганизовали, и 22 августа 1960 г. создали Курское областное энергетическое эксплуатационное управление сельского хозяйства «Сельэнерго» с подчинением Главному управлению электрификации сельского хозяйства «Главсельэлектро» Министерства сельского хозяйства РСФСР. С 16 апреля 1963 г. «Курксельэнерго» передали в подчинение вновь образованному Государственному производственному комитету по энергетике и электрификации СССР, на основании приказа которого 25 мая 1963 г. оно вошло в состав Курского районного энергетического управления «Курскэнерго» [10, л.5-20].

Различные факты содержит фонд 382 (Теплоэнергоцентральный №1) в количестве 241 дел, за период 1951-1966 гг., среди которых наиболее интересны такие: приказы и распоряжения по ТЭЦ-1.; протоколы производственных совещаний и заседаний техсовета, а также документы, связанные с ее строительством (сметы, планы по капитальному строительству, титульные списки, акты на скрытые работы и др.).

Из результатов анализа материалов заметим, что указанный объект начал строиться на основании приказа Министерства электростанций СССР № 182 от 30 апреля 1951 г. и был запущен в строй в октябре 1955 г, находился в подчинении Главного управления «Главсвяззаэнерго» Министерства электростанций СССР, которое в 1956-1959 гг. объединяло ТЭЦ-2 и ТЭЦ-3. С 22 октября 1957 г. все эти Теплоэнергоцентры были переданы в ведение Курского совнархоза, а с 24 апреля 1963 г. – Главного управления «Главюжэнерго» Государственного производственного комитета по энергетике и электрификации СССР, с января 1965 г. – Министерства энергетики и электрификации СССР [11, л. 3-15].

В наилучшем состоянии представлены источники в фонде 513 (Курская АЭС, 1968-1980 гг.), имеющие фрагментарный характер из-за секретности атомной энергетики. С момента проводившейся в 1993 г. политики приватизации, большинство государственных предприятий переходят в частную собственность, в результате чего прекращается поступление документов в государственные архивохранилища.

Подводя итог, следует отметить большое количество фондов и профильных документов, находящихся в Государственном архиве Курской области, что обеспечивает источники возможности по написанию истории региональной электрификации России на примере Курской области.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области: Ф. 815. Оп.1.
2. Там же. Ф.48. Оп. 1. Д. 4.
3. Там же. Ф.Р-176. Оп. 1.
4. Там же. Ф.Р-176. Оп. 1. Д.4.
5. Там же. Ф. Р-1142. Оп. 1.
6. Там же. Д.1.
7. Там же. Д. 36.
8. Там же. Ф. Р-200. Оп. 1.
9. Там же. Ф. Р-863. Оп. 1.
10. Там же. Ф. Р-586. Оп. 1.
11. Там же. Ф. Р-382. Оп. 1.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Р.Л. Рянский

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СКОТОВОДСТВА В ПОМЕЩИЧЬИХ ХОЗЯЙСТВАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В Курской губернии в изучаемый период были не самые благоприятные условия для развития животноводства. В опубликованном военно-статистическом описании отмечалось: «По соразмерности луговых и пастбищных мест в Курской губернии с пашнями, и вообще по малоземелью, сравнительно с сильным народонаселением, скотоводство не столько значительно по количеству и по качеству, как в соседних с ней южных губерниях» [5, с.92]. С течением времени условия для развития экстенсивного скотоводства все более ухудшались. Это было связано с тем, что продолжала нарастать такая тенденция, как углубление специализации губернии на зерновом производстве, носившем также экстенсивный характер, и требовавшем расширения пашенных площадей.

Сказанное красноречиво подтверждается данными об изменениях в соотношении земельных угодий в Курской губернии за период с конца XVIII до середины XIX в. Во время Генерального межевания 49% земельной площади занимала пашня (2080 тыс. дес.), 12,7% – пастбищно-сенокосные угодья (536 тыс. дес.), 12,6% – лес (529 тыс. дес.) [10, с.323]. К середине XIX в. пашня возросла до 2997 тыс. дес. (67% угодий), сенокосы сократились до 396 тыс. дес. (9,5%), а леса до 400 тыс. дес. (9,6%) [4, с.41]. Таким образом, расширение площади пашни произошло в основном за счет распашки сенокосов, пастбищ и целинных земель, что сокращало кормовую базу животноводства. В то же время, травосеяние и выращивание корнеплодов в изучаемый период еще не получили широкого распространения.

По сравнению с земледелием, животноводство играло значительно меньшую роль в помещичьем хозяйстве, чем в крестьянском, которое не нуждалось в большом количестве тяглого скота, поскольку барскую запашку обрабатывали в основном крепостные крестьяне со своим скотом и инвентарем. Ввиду относительно небольшой численности помещиков и их дворян, не требовалось много животноводческой продукции для продовольствия. К тому же распространенным явлением была поставка крестьянами «столовых припасов», хотя практиковалось в качестве альтернативы им взимание особых денежных сборов. Но в некоторых имениях в данной отрасли уже появились элементы товарного производства.

В большинстве помещичьих хозяйств губернии крупный рогатый скот содержался почти исключительно для продовольствия владельцев и их дворовых и лишь в какой-то мере для удобрения земли. О поголовье крупного рогатого скота в имениях курских дворян судить трудно за отсутствием обобщающих статистических сведений. Данные о скотоводстве по ведомству МВД не разделяли скот помещиков и их крепостных. Единственными сведениями, по которым можно хоть как-то судить о его поголовье, да и то, лишь в отдельных имениях – сведения из опекунских отчетов по отдельным имениям, а также неполные данные о породистом скоте из различных описаний и сведения из немногочисленных очерков о хозяйствах рационализаторов. Что касается породистого скота, то в «Военно-статистическом обозрении» сообщается, что во второй половине 1840-х гг. лучшим и наиболее заботливым содержанием отличались заводы рогатого скота кн. Барятинских

(Льговского уезда), Денисьева (Рыльского уезда), Кусакова (Дмитриевского уезда) и Хорвата (Грайворонского уезда), правда, без подкрепления какими-либо статистическими данными. Основная часть породистого крупного рогатого скота содержалась помещиками Путивльского уезда (около 2000 голов), в то время как в прочих уездах поголовье породистых коров исчислялось несколькими десятками [13, с.93, 113]. Но в источниках приводятся и другие данные. Так, по сведениям Курского губернского статистического комитета (не вполне полным, с нашей точки зрения), в 1856 г. числилось 34 «завода» с 758 породистыми животными. Большая их часть концентрировалась в южных Обоянском (4 завода с 245 головами) и Грайворонском (1 завод с 145 головами) и западных Дмитриевском (5 завода, 214 голов), Рыльском (3 завода, 66 голов) и Путивльском (3 завода, 45 голов) уездах. Небольшое количество породистых коров и быков содержалось в Курском (14 «заводов», 26 голов) и Шигровском (4 «завода», 12 голов) уездах [1, л.16].

Господство трехполья при отсутствии дополнительных источников корма для скота, которое могло бы предоставить травосеяние и выращивание корнеплодов, предполагало возможность исключительно экстенсивного развития скотоводства, требуя максимально обширной площади как пашни, так и лугов. Естественно, что при таких условиях потенциал для развития скотоводства уменьшался. Подобный способ ведения хозяйства консервировал неразвитость скотоводства, особенно с учетом скотских падежей, распространению которых способствовала нехватка корма [5, с.76-77].

По мнению современников, Курская относилась к числу губерний, где коневодство считалось наиболее развитым в Российской империи. Согласно «Военно-статистическому обозрению» (См. таблицу 1) [5, с.110-111], в конце 1840-х гг. было 14 конных заводов с 715 матками.

Наиболее значительным из них был завод Черепова в слободе Груцкой, на котором содержалось 300 маток. Впрочем, общее число содержащихся на них лошадей, скорее всего, было значительно большим, так как не учитывались жеребцы и молодежь. Помимо них, на заводах могли быть и рабочие лошади. По сведениям П. Крюкова, в 1850 г. в Курской губернии числилось 26 заводов с 2000 лошадьми [8, с.44]. Нам представляется, что данные в таблице 1 были явно неполными и ряд заводов остался составителем неучтенным. К этому стоит добавить, что некоторое количество лошадей держал у себя почти каждый средний или крупный помещик, именуя это если не заводом, то хотя бы конюшней.

Заводские лошади были представлены английской, арабской, мекленбургской и персидской породами. Составители «Обозрения» подполковник Дуброво и капитан Рельи характеризовали их «улучшенных», в то время как чистокровных на заводах губернии практически не было. Касаясь вопроса об их хозяйственном значении, они отметили, что владельцы заводов были скорее любителями, и эти предприятия, как правило, не приносили своим владельцам никакой прибыли. «Хозяева, хорошо понявшие потребность и местность края», – дополняли Дуброво и Рельи, – «держат табуны простых крестьянских лошадей, которые в продолжении 5 зимних месяцев могут кормиться соломою». Впрочем, некоторое количество заводских лошадей продавалось армейским ремонтирам и частным лицам «за довольно дороговую цену» [5, с.93, 110-111].

Таблица 1

Конные заводы Курской губернии в конце 1840-х гг.

<i>Уезд</i>	<i>Населенный пункт</i>	<i>Владелец</i>	<i>Количество маток</i>
Курский	с. Марвино	Шагаров	50
Курский	с. Колодное	Богданов	15
Льговский	с. Ниж. Деревеньки	Толстой	15
Льговский		Стремоухов	20
Обоянский	с. Прохорово		30
Обоянский	с. Завидово		20
Обоянский	с. Ржава		15
Путивльский	сл. Груцкая	Черепов	300
Старооскольский	с. Паники	Аммосов	70
Старооскольский	с. Знаменское	Черемисинов	50
Тимский	с. Каменево	Бардаевский	40
Тимский	с. Орлянка	Гвоздев	20
Тимский	с. Михельполь	Фрейман	30
Фатежский	с. Брусовое	Суковкин	40
Итого			715

В 1851 г. на заводе Черепова в Путивльском уезде насчитывалось 1000 рысаков, в том числе 400 маток [12, с.794].

По вопросу о товарности курского коннозаводства приведем несколько примеров. В материалах Курского губернского особого о земских повинностях присутствия (ГАКО.Ф. 67.) по нескольким уездам имеются сведения о «заведениях» и получаемых с них доходах. Хотя возникают сомнения в точности приведенных в источнике сумм (так как помещики склонны были скорее приуменьшать, чем указывать реальные доходы), тем не менее, они являются несомненными свидетельствами товаризации помещичьего хозяйства, в том числе и такой его отрасли как коневодство. В частности, имеются сведения о доходах от конных заводов, принадлежавших обоянским помещикам. Так, годовой доход конного завода П. Беленихина оценивался в 200 руб., завода В. Крыловой – 350 руб., завода Л. Сафонова – 500 руб., завода Е. Каменской – 600 руб., заводов Е. Гостомиловой и Н. Устимовича – по 1000 руб., завода А. Карамзиной – 1500 руб., и завода Нелидовой – 4000 руб. [2, л.41 об.-42, 43об.-44, 46об.-49.]. По материалам Курского губернского статистического комитета, в Льговском уезде 3 конных завода продали в 1855 г. лошадей на 600 руб. на Коренной ярмарке [1, л.6.].

Таблица 2

Конные заводы Курской губернии в 1856 г.

<i>Уезды</i>	<i>Число заводов</i>	<i>Маток, голов</i>
Курский	1	13
Фатежский	–	–
Дмитриевский	6	161
Путивльский	5	185
Рыльский	3	47
Льговский	3	85
Обоянский	6	125
Белгородский	–	–
Суджанский	9	140
Грайворонский	2	34
Корочанский	2	80
Новооскольский	–	–
Старооскольский	6	208
Тимский	6	200
Щигровский	21	208
Всего	70	1486

В 1856 г. в губернии числилось 70 заводов с 1486 матками на них (см. таблицу 2) [1, л.16]. Наиболее значительными в это время по поголовью заводских маток были восточные Тимский, Щигровский и Старооскольский и западные Дмитриевский и Путивльский. Довольно значительным оно было в центральных Суджанском и Обоянском. В Фатежском, Новооскольском и Белгородском уездах, по данным губернского статистического комитета, не было ни одного завода, а в Курском – всего один и лишь с 13 матками.

В «Памятной книжке Курской губернии на 1860 год» данные о поголовье заводских лошадей отсутствуют, но сообщается, что лучшие конные заводы принадлежали Емельянову, Русанову, Дурново (Щигровский уезд), Устимовичу, Карамзиной, Ильинскому (Обоянский уезд), Черепову, Степанову, Павлову, Шапочникову (Путивльский уезд), Стремоухову, Изъеденову, гр. Толстому (Льговский уезд), Кусакову (Дмитриевский уезд), Суковкиной, Деменкову, Воропанову, Юрасову, Денисову (Рыльский уезд), Короткову (Старооскольский уезд), Мордвинову, гр. Клейнмихель (Тимский уезд), Хорвату и Хлюстину (Грайворонский уезд). Лошади упомянутых заводов были представлены английской, арабской, датской и рысистой породами, а цена за лошадь с них колебалась в пределах 100 – 2000 руб. [9, с.275.].

Весьма распространенным в Курской губернии было тонкорунное овцеводство. Наряду с мериносами и шленскими овцами, курские помещики содержали и овец простой русской породы, но судить о поголовье в их хозяйствах в масштабе губернии довольно трудно.

В XIX в. традиционно считалось, что в числе первых в России разведением тонкорунных овец занялся курский помещик Хлопов, датой основания овчарни которого значится,

по одним данным, 1803, по другим – 1807 год [7, с.196; 3, с.229]. Но имеются основания предполагать, что разведение породистых овец в Курской губернии началось раньше. Так, в 1810 г. на трех овчарных заводах при Глушковской суконной мануфактуре гр. Потемкиных содержалось 19000 шленских и «шпанских» овец. [6, с.47-48]. Однако владельцы не разводили шленок и мериносов для производства тонких сукон на собственном предприятии (оно специализировалось на производстве грубого солдатского сукна) и в отличие от Хлопова, не занимались пропагандой тонкорунного овцеводства.

Согласно «Военно-статистическому обозрению», в Курской губернии наиболее развитым овцеводством вообще отличался Белгородский уезд, тонкорунное овцеводство было распространено во всех уездах губернии кроме Курского и Фатежского, но наибольшая численность породистых овец отмечалась в Путивльском. Лучшими считались овчарни Черепова (Путивльский уезд), князя Бяратинского (Львовский уезд), Хлопова (Старооскольский уезд), графа Потемкина (Рыльский уезд), Левшиной, баронессы Мейендорф, князей Голицыных (Дмитриевский уезд) и Юсупова (Грайворонский уезд) [5, с.74, 93]. В конце 1840-х гг. в Курской губернии числилось 74214 голов тонкорунных овец [8, с.86]. Крупнейшие на тот момент кошары принадлежали Черепову (12000 голов) и Бяратинскому (11000 голов) [5, с.93; 12, с.794.].

Разведение тонкорунных овец носило коммерческий характер. По материалам Курского губернского статистического комитета, в Львовском уезде 2 овчарных завода продали продукции на 1387 р. 75 коп.на местные суконные фабрики [1, л.16].

В 1856 г. в Курской губернии числилось 63602 головы тонкорунных овец. Наиболее значительным их поголовье было в Путивльском (22117), Новооскольском (16610) и Грайворонском (8080) уездах, значительным в Дмитриевском (4720), Корочанском (4475), Белгородском (3550), Курском (3231) и Старооскольском (3200). В прочих уездах их поголовье, как правило, колебалось в пределах 1000 – 2000 голов, лишь в Обоянском оно достигала 2100, в Щигровском – 375 голов, в Фатежском же породистые овцы отсутствовали [1, л.16].

Данные о количестве мериносов и шленок накануне реформы по Курской губернии отсутствуют. Известно лишь, что тогда особого внимания заслуживали овчарни тонкорунных овец Юсупова, Хорвата (Грайворонский уезд), Мятлевой (Новооскольский уезд), Мейендорф, Левшиной (Дмитриевские уезд), Гангардт, кн. Трубецких (Корочанский уезд), графини Клейнмихель и Скалона (Старооскольский уезд) [9, с.275-276.]. Рыночная стоимость тонкорунной овцы в Курской губернии была сравнительно невелика – 3-5 руб. (при ценах на простую овцу в 1-3 руб.), в то время как за племенного тонкорунного барана могли просить 150-600 руб. [11, с.16]. Шерсть продавалась на рынке или либо шла (в меньшей степени, так как большинство местных фабрик специализировались главным образом на производстве грубых солдатских сукон) на суконные мануфактуры. Часть животных продавалась на мясо. Можно предположить, что часть овец продавалась, например, на салотопенные, кожевенные и другие предприятия перерабатывающие животноводческую продукцию.

Таким образом, скотоводство не являлось самостоятельной отраслью помещичьего сельскохозяйственного производства и служило дополнением к земледелию. Помещичьи лошади использовались в большей степени в качестве ездовых, а не рабочих, поскольку

крестьяне выполняли подводную повинность и обрабатывали барскую запашку своим скотом и инвентарем. Исключением являлось заводское коневодство, отчасти связанное с рынком.

Роль продуктивного скота сводилась, в основном, к обеспечению помещичьей семьи и слуг мясными и молочными продуктами. Степень товарности мясомолочного помещичьего скотоводства была, видимо, невысока. Лишь в некоторых имениях встречались заводы крупного рогатого скота. В большей степени товарный характер носило овцеводство, учитывая наличие в губернии суконных фабрик, некоторого спроса на шерсть и овчины и не востребованности их в больших объемах в помещичьих хозяйствах.

Источники и литература

1. ГАКО. Ф.4. Оп.1. Д.28.
2. ГАКО. Ф.67. Оп.1. Д.49.
3. Веселовский К. Тонкорунное овцеводство в России // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1846. № 10.
4. Вильсон И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1869.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по Высочайшему повелению при 1-ом Департаменте Генерального Штаба. Т. XIII Ч. 3. Курская губерния. СПб., 1850.
6. Глушковская суконная фабрика: три века истории. Сб. док-тов и мат-лов / Под ред. А.Т. Стрелкова. Курск, 2003.
7. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. Т. I. СПб., 1862.
8. Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, Служащий текстом промышленной карты, в двух частях / Сост. П. Крюковым. Ч.1. СПб, 1853.
9. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860.
10. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XIX в. М., 1957.
11. Труды Курского губернского статистического комитета. Вып.2. Курск, 1865.
12. Унгерн-Штернберг Ф. Описание Курской губернии // Земледельческая газета. 1851. № 100.

**ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

Хозяйство городов центрально-чернозёмных губерний являлось важным, но локальным сектором городской экономики, имевшим внутригородской характер. В соответствии с городской реформой 1870 года под городским хозяйством понималось «заведывание городским имуществом, доходами и расходами.» [8; л. 1,2, 128-130] Проследим изменение финансового положения городов региона с 1861 по 1904 г. на основе их городских бюджетов (см. табл. № 1) [19, с. 7,10 и др.; 20, с. 6,9 и др.; с. 21, 7,10 и др.; 22, с. 6,10 и др].

**Таблица № 1
Бюджеты городов Центрального Черноземья
в 1861–1904 гг., тыс. руб.**

Губернии	1861 г.		1870 г.		1874 г.	
	Приход	Расход	Приход	Расход	Приход	Расход
Воронежская	105,0	107,8	210,1	83,5	417,6	319,4
Курская	111,4	112,9	212,0	199,3	336,1	327,3
Орловская	167,5	167,5	302,0	281,7	434,9	450,5
Тамбовская	142,0	140,3	277,4	274,8	427,7	431,2
Итого	525,9	528,5	1001,5	839,3	1616,3	1528,4

Губернии	1880 г.		1884 г.		1904 г.	
	Приход	Расход	Приход	Расход	Приход	Расход
Воронежская	562,4	577,9	549,4	540,3	989,8	989,0
Курская	634,1	656,3	541,7	532,3	844,6	845,4
Орловская	745,8	742,0	751,7	711,9	1143,7	1210,5
Тамбовская	650,2	643,0	592,2	587,6	1148,4	1147,4
Итого	2592,5	2619,2	2435,0	2372,1	4126,5	4192,3

Анализ данных таблицы № 1 показывает, что, к 1884 году, по сравнению с 1861 годом, доходная часть бюджетов всех городских центров Черноземья существенно выросла, в целом, в 4,6 раза. Этот прирост обеспечили все городские поселения края. Так, воронежские и курские города прибавили соответственно в 5,2 раза и в 4,9 раза, орловские и тамбовские – в 4,5 раза и 4,2 раза.

Наиболее быстрыми темпами прирастали городские финансы в период с 1870 по 1874 гг. Так, в городах Воронежской губернии за этот период они увеличились в 2,0 раза, в Курской – в 1,6 раза, в Орловской – в 1,4 раза, в Тамбовской – в 1,5 раза. В целом, городские центры Черноземья с 1870 по 1874 гг. увеличили свои доходы на 614,8 тысяч рублей, или на 161,4 %. Эти данные показывают, что собираемость финансовых средств новыми общественными органами городского управления значительно возросла в первые годы их функционирования (в 1870–1874 гг.) [5].

Из данных таблицы № 1 также видно, что воронежские городские центры за десять лет с 1870 по 1880 гг. увеличили свои расходы на 494,4 тысяч рублей или в 6,9 раз, достигнув равного уровня таковых с городскими центрами других исследуемых губерний региона.

Города Курской, Орловской и Тамбовской губерний расходовали финансовые средства менее активно, чем воронежские центры. За десять анализируемых лет городские расходы в данных губерниях выросли в 3,3; 2,6; 2,3 раза соответственно [4]. После введения городского положения 1870 года затратные части городских бюджетов указанных губерний существенно увеличились (в городах Курской губернии в 1880 году по сравнению с 1870 годом – не более чем в 3,3 раза; в орловских городских центрах – в 2,8 раза; в городах Тамбовской губернии – в 2,7 раза) [5]. Городские центры Воронежской губернии по уровню доходов и расходов опережали к 1884 году все города остальных губерний Центрального Черноземья.

Среди губернских городов в 1861 году самым «затратным» бюджетом среди городов Черноземья являлся Орёл. Доходы и расходы губернского Орла составляли 74,5 тысячи рублей в год, или 44,5 % по доходам и по расходам от бюджетов всех городов губернии, 14,2 % поступлений и 14,1 % затрат бюджетов всех городов края, 37,6 % и 37,2 % от доходно-расходных долей четырёх губернских центров Черноземья [19, с. 7,10 и др.; 20, с. 6,9 и др.; 21, с. 7,10 и др.; 22, с. 6,10 и др.] (см. табл. № 2).

Таблица № 2
Распределение бюджетов городов Центрального Черноземья
в 1861–1904 гг. с учётом их административного статуса, тыс. руб.

Губернии	Статус города	1861 г.		1873 г.		1904 г.	
		Приход	Расход	Приход	Расход	Приход	Расход
Воронежская	губ.	44,4	53,3	122,6	130,4	592,0	592,0
	уезд.	60,6	54,5	163,0	179,9	397,8	397,0
Курская	губ.	49,2	42,7	142,0	141,3	332,9	332,8
	уезд.	62,2	70,2	173,3	177,0	509,1	509,6
	зашт.	нет дан.	нет дан.	нет дан.	нет ан.	2,7	2,7
Орловская	губ.	74,5	74,5	158,0	162,6	416,6	416,6
	уезд.	93,0	93,0	415,4	388,8	727,1	793,9
Тамбовская	губ.	29,9	29,9	123,2	114,1	368,0	368,0
	уезд.	106,4	104,6	265,9	263,4	747,5	745,1
	зашт.	5,7	5,7	9,0	11,0	32,9	34,3
Всего	губ.	198,0	200,4	545,8	548,4	1709,5	1709,4
	уезд.	322,2	322,3	1017,6	1009,1	2381,4	2445,9
	зашт.	5,7	5,7	9,0	11,0	35,6	37,0
По всем городам		525,9	528,4	1572,4	1568,5	4126,5	4192,3

Меньше всего средств собиралось и расходовалось в Тамбове – 29,9 тысячи рублей, или 21,1 % городских доходов и 21,3 % городских расходов губернии. Доля финансовых средств Тамбова в бюджетах всех городов региона и среди губернских центров составляла соответственно 5,7 %; 15,1 % доходов и 5,7 %; 14,9 % расходов. Из данных таблицы № 2 видно, что доля бюджетов, приходившаяся на губернские центры в 1861 году, составляла наибольшую

величину. Так, Воронеж имел 42,3 % годового дохода и 49,4 % расходов от всех финансовых средств городов Воронежской губернии. На долю доходной и расходной частей его бюджета в городах региона приходилось 8,4 % и 10,1 %, среди четырёх губернских городов – 22,4 % и 26,6 %. Для Курска эти показатели составляли соответственно 44,2 %; 37,8 %; 9,4 %; 8,1 %; 24,8 %; 21,3 % [19, с. 7,10 и др.; 20, с. 6,9 и др.; 21, с. 7,10 и др.; 22, с. 6,10 и др.] 7.

Весьма объективную характеристику состояния городских финансов уездных городов Чернозёмных губерний дают средние показатели наполняемости их доходно-расходной части бюджетов в расчете на один город. Так, на один уездный город Воронежской губернии в 1861 году приходилось в среднем по 5,5 тыс. руб. доходов и 5,0 тыс. руб. расходов. В городах Курской губернии эти показатели составляли 4,4 тыс. руб. и 5,0 тыс. руб. соответственно, для Орловской и Тамбовской губерний таковые показатели 1861 году имели следующие величины: 8,5 тыс. руб. и 8,5 тыс. руб. – на один орловский город; 9,7 тыс. руб. и 9,5 тыс. рублей – на тамбовский город. Таким образом, в среднем по наполняемости бюджетов воронежские и курские уездные города в начале исследуемого периода были беднее орловских и тамбовских городских центров [9, л. 66; 10, л. 79, 15, л. 65-69; 16, л. 292].

В расчете на один уездный центр в 1870-е гг. в губерниях Черноземья приходно-расходные доли бюджетов в среднем составляли 14,8 тыс. руб.; 16,4 тыс. руб. для воронежских городов и 12,4 тыс. руб.; 12,6 тыс. руб. для курских городов. В среднем на один уездный город Орловской и Тамбовской губерний приходилось по 37,8 тыс. руб. и 35,3 тыс. руб.; 24,2 тыс. руб. и 23,9 тыс. руб. доходов и расходов соответственно, что в 2 раза превышало средний уровень городских бюджетов воронежско-курсских центров [17, с. 85-105]. Главная причина такого положения заключалась в более интенсивном развитии городской промышленности и торговли в орловских и тамбовских городах и, прежде всего, индустрии, дававших наибольший приток бюджетных средств. Кроме того, следует также отметить лучшую возможность увеличения сумм городских бюджетов орловско-тамбовских городских центров за счет больших темпов роста численности их населения по сравнению с воронежско-курсскими городами [17, с. 85-105].

Динамика бюджетов в курских городах с 1861 г. по 1904 г была различна (см. табл. № 1–2). Так, если в начале 1860-х гг. бюджеты выросли в 1,5–2 раза, то, начиная с 1870-х гг., их рост превысил этот показатель (в первую очередь, в губернском Курске и в уездных Белгороде, Грайвороне, Рыльске и Судже). Доходы и расходы Обояни и Старого Оскола при этом снизились, а бюджет Дмитриева, Корочи, Нового Оскола, Тима и Щигров увеличился незначительно [2, с. 386-387; 15, л. 65-69; 16, л. 292; 20, с. 6, 9 и др.; 22, с. 6, 10 и др.].

В период с 1872 года по 1892 год новые органы городского самоуправления развернули активную работу по благоустройству городских территорий, строительству общественных зданий и сооружений, поддержке образовательных и медицинских учреждений и др. Губернские Воронеж, Курск, Орёл и Тамбов, а также уездные Белгород, Болхов, Борисоглебск, Брянск, Козлов, Липецк, Моршанск и ряд других центров Черноземья, имевшие многочисленное население и ставшие к этому времени крупными железнодорожными узлами, через которые осуществлялись большие торговые обороты, обладали большими финансовыми возможностями для решения проблем городского хозяйства. Однако рост их бюджетов к концу XIX века скорее был связан с кредитными заимствованиями. Так, в конце 1890-х гг. на покрытие долгов только губернские Воронеж и Курск вынуждены взять

кредиты на сумму около 2 млн. рублей [6, с. 4; 7, 5; 12, л. 1-8 и об.]. В целом, городские центры Курской и Тамбовской губерний в 1904 г., по сравнению с 1861 г., имели рост доходов в 7,6 и 8,1 раза соответственно, расходов – в 7,5 и в 8,2 раза соответственно [2, с. 386-387; 15, л. 65-69; 16, л. 292; 20, с. 6,9 и др.; 22, с. 6,10 и др.]. Отметим также, что в Курской губернии кроме Курска лишь Белгород имел бюджет, в котором доходная и расходная части превышали 100 тысяч рублей каждая. В Тамбовской губернии таких городов было два – Козлов и Моршанск. Ни один из тамбовских городов в 1904 году не имел ниже 10 тысяч рублей годового дохода. В Курской губернии такие поступления в городскую казну были в Новом Осколе и Фатеже [2, с. 386-387; 15, л. 65-69; 16, л. 292; 20, с.6,9 и др.; 22, с. 6,10 и др.].

Численность городского населения не всегда определяла приходную и расходную части бюджетов городов, их размеры напрямую были связаны скорее с административным статусом городских центров и их экономическим потенциалом. Так, заштатный городской центр Мирополье Курской губернии значительно опережал по числу жителей многие уездные города губернии, при этом его бюджет в 1890 году, а также и в последующем, был почти таким же, как и у заштатного Хотмыжска, уступающего Мирополью по количеству жителей почти в 4 раза. А заштатный город Кадом Тамбовской губернии в 1904 году имел одинаковое число жителей с уездной Усманью, однако его бюджет при этом был в 1,8 раза меньше [2, с. 386-387; 15, л. 65-69; 16, л. 292; 20, с. 6,9 и др.; 22, с. 6,10 и др.]. Самые развитые в социально-экономическом отношении Воронеж, Курск, Орёл, Тамбов, Белгород, Козлов и Моршанск имели самые большие бюджеты, а мизерные – заштатные города.

Таблица № 3.

**Бюджеты городов Центрального Черноземья и России
в конце XIX – начале XX века [2, с. 386-388; 15, л. 204]**

Размер годового бюджета, тыс. руб.	Города Центрального Черноземья		Города России	
	кол-во	%	кол-во	%
до 1	3	5,4	28	3,5
1–5	—	—	87	10,9
5–10	6	10,9	136	17,0
10–20	10	18,2	189	23,6
Более 20	36	65,5	361	45,0
И т о г о	55	100	801	100

К 1904 году ситуация с доходно-расходными частями бюджетов в городах Черноземных губерний сильно изменилась. Так, в городских центрах Курской губернии в расчете на одного жителя приходилось уже по 4 рубля 8 коп. доходов и расходов в год. В городах Тамбовской губернии эти данные выражались в среднем суммой в 5 рублей 14 копеек на одного горожанина в год [2, с. 387-388]. Из имеющихся в 1895 году 801 городов в Европейской России, совокупный годовой доход в 28 городских центрах не превышал 1000 руб., в 87 городах - 5000 руб., в 136 - 10000 руб., и наконец, в 189 - 20000 руб. (см. выше табл. № 3) [13, 204]. Из 18 городских поселений Курской губернии бюджет до 1000 руб. имели 3 за-

штатных города - Богатый, Мирополье и Хотмыжск. Годовой доход Нового Оскола не превышал 10000 руб., у 8 городских центров он был до 20000 руб. и 6 городов имели бюджет свыше 20000 руб. [12, л. ведомость № 4]

По-прежнему, в 1904 году три заштатных города в составе Курской губернии имели мизерные бюджеты (до 1000 рублей по доходам и расходам). Наряду с Новым Осколом, доход, не превышающий 10000 рублей, стали иметь уездные Бирюч, Кромы, Ливны, Нижнедевицк и Тим. В группу городов с бюджетом до 20,0 тыс. руб. в год входили Землянск Воронежской губернии, Дмитриев, Льгов, Путивль, Суджа и Фатеж Курской губернии, Дмитровск и Малоархангельск Орловской губернии, Спасск и Темников Тамбовской губернии [2, 386–388]. Самая представительная часть городских центров Черноземья (36 городов, или 65,5 %) в 1904 году имели годовой бюджет свыше 20 тыс. рублей как по доходам, так по расходам. Этот показатель был выше на 20 %, чем по России [2, 386–388], что вполне объясняет преобладание в Центральном Черноземье по сравнению с Европейской Россией больших и средних по численности населения городских центров [17, с. 69-70].

В заключение отметим, что средства подавляющего большинства городских поселений России, в том числе Чернозёмного центра, были крайне скудны. К примеру, в 1890 году бюджет только одного Парижа в 2 раза превосходил сумму доходов всех российских городов [18, с. 195]. Уровень социально-экономического развития города в полной мере отражали его финансы, имеющие прямую зависимость от административного статуса и торгово-промышленного потенциала городского центра. Так, бюджет губернского Курска, население которого было примерно только в 7 раз большим, чем в заштатном Мирополье, в 1904 году в 208 раз превышал финансовые возможности последнего – 665,7 тыс. руб. в Курске против 3,2 тыс. рублей в Мирополье [1, л. 1-320]. Большие бюджеты, чем в воронежско-курских городах, имели городские центры Орловской и Тамбовской губерний, что показывает на складывание в Черноземье двух отличных по своему социально-экономическому потенциалу групп городских центров Чернозёмных губерний – воронежско-курской и орловско-тамбовской.

Заштатные города имели самые маленькие бюджеты, потому что поселениям не требовалось значительных затрат, в связи с отсутствием в них воинских частей, большого количества государственных, образовательных и социокультурных учреждений, весьма ограниченным числом служащих и полицейских чинов. Расходы на пожарное хозяйство в этих центрах составляли натуральную повинность горожан. Финансовые проблемы некоторых русских городов заставляли муниципалитеты идти на непопулярные меры. «В изыскании источников обложения в последнее время некоторые города установили у себя новые сборы – с лошадей и экипажей частных лиц и собак», – писала центральная российская газета [3]. «Но оба эти сбора дают сравнительно незначительные суммы; ... сбор с собак установленный уже в 11 городах, едва ли может иметь какое-либо значение в городских доходах», – заключал автор статьи [3].

В целом, городские доходы на рубеже XIX–XX веков в большей степени наполнялись за счет расширения бизнеса и предпринимательской деятельности в городах, дающих в доходные части более существенные суммы (10,0 % от чистой прибыли).

Источники и литература

1. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 144.
2. Города России в 1904 году. СПб., 1906.
3. Московские ведомости. 1896. № 191. 14 июля.
4. Обзоры Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний за 1870, 1874, 1880 гг. Курск, 1871, 1875, 1881.
5. Обзоры Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний за 1870, 1874 гг. Курск, 1871, 1875.
6. Отчёт Воронежского губернатора за 1897 год. Воронеж, 1898.
7. Отчет Курского губернатора за 1897 год. Курск, 1898.
8. ПСЗРИ. Собрание второе. № 48498 от 16 июня 1870 года. Городовое положение. Т. 45. СПб., 1874.
9. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3716.
10. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 144.
11. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 332.
12. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 31.
13. РГИА. Ф. 1287. Оп. 33. Д. 1222. Л.
14. РГИА. Ф. 1287. Оп. 33. Д. 1751.
15. РГИА. Ф. 1287. Оп. 69. Д. 223.
16. РГИА. Ф. 1287. Оп. 69. Д. 332.
17. Терещенко А.А. Города Центрального Черноземья и их население во второй половине XIX – начале XX века. Курск, 2009.
18. Терещенко А.А. Социально-экономическое развитие провинциального города Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века. Курск, 2003.
19. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г.: Материалы для составления предположений об улучшении общественного управления в городах. IX. Ч. I. Воронежская губерния.
20. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г.: Материалы для составления предположений об улучшении общественного управления в городах. XVIII. Ч. I. Курская губерния.
21. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г.: Материалы для составления предположений об улучшении общественного управления в городах. XXVI. Ч. II. Орловская губерния.
22. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г.: Материалы для составления предположений об улучшении общественного управления в городах. XXXIX. Ч. II. Тамбовская губерния.

**ИЗ ИСТОРИИ ПРУДОВОГО РЫБОВОДСТВА В КУРСКОМ КРАЕ:
1913 – 1940-е гг.**

100 лет назад, 18 июля 1913 г. состоялось торжественное освящение зданий и прудов первого в Российской империи земского рыбного завода «Млодаты». А находился он в имении В.В. Ковальчукова Курского уезда Курской губернии. Рыба, выращенная в его прудах, была известна далеко за пределами губернии. Ведь еще в 1897 г. на Всероссийской Нижегородской выставке небольшой тогда рыбный завод был удостоен Большой серебряной медали. В документах Государственного архива Курской области нами обнаружены многочисленные документы, рассказывающие о зарождении и становлении рыбоводства в Курском крае...

Известно, что разведением рыбы в прудах занимались с древнейших времен. В Китае, например, с древнейших времен разводили рыб в особо устроенных прудах и на рисовых плантациях. В Европе содержание и разведение рыбы восходит к римской эпохе. В XIII и XIV вв. прудовые хозяйства имелись в Чехии, Галиции, Богемии, Польше, некоторых других странах и находились под особым покровительством государственной власти. К XVII в. Россия считалась в Европе страной с наиболее развитым прудовым хозяйством. Разнообразные гидротехнические сооружения, пруды и водоемы существовали как для нужд царского двора, так и в хозяйстве монастырей [11].

Рыбная ловля имела большое значение и в экономике древней Руси. Однако искусственно ее выращивать в специальных прудах начали в период средневековья. Зачатки прудового рыбоводства с постройкой специальных прудов для содержания и выращивания рыбы относятся к началу развития Великого Московского княжества. Первые пруды для хранения ценной рыбы были построены еще в XIII в. в Троице-Сергиевской лавре (Скитские пруды). В начале XVI в. Борисом Годуновым рядом с селом Борисовом, под Москвой (известные царицынские пруды), был построен большой пруд площадью 83 га специально для разведения рыбы. В г. Липецке сохранился и используется для рыбной ловли пруд, образованный при Петре I дамбой для спуска кораблей в реку Воронеж. В XVII в. в Пресненские пруды (ныне пруды Московского зоосада) завезены и посажены карпы [10]. Огромное значение этому делу придавали русские цари Петр I, Павла I, Николая I и Александр III. Интересно, например, что когда Александр Шрыбачил на Карпином пруду, к нему примчался министр иностранных дел и стал настойчиво просить немедленно принять посла какой-то западной державы по важному европейскому делу. Его ответ был включен позже поэтом С. Бехтеевым в стихотворение «Царь-богатырь»:

«Таких Царей, как Ты, не будет,

Вот почему Ты мог сказать:

«Когда Царь Русский рыбу удит –

Европа может подождать!» [2].

В Курском крае, судя по археологическим данным и письменным сообщениям, в X–XII вв. уже существовали почти все известные сейчас способы ловли рыбы и орудия рыболовства. С давних пор здесь разводили карпа, карася и других рыб. Сведения о рыбной ловле содержатся в так называемых оброчных книгах, где указаны размеры налогов, которые взимались «за пользование рыбными ловлями». Из них видно, что почти по всем владениям более или мене крупных помещиков и вотчинников были свои рыбные ловли в реках, плесах и озерах». По мнению А.А. Танкова, «у некоторых детей боярских пчельник,

хмелевое угодье и рыбная ловля соединялись» [12].

Разнообразные гидротехнические сооружения, пруды и водоемы существовали в хозяйстве монастырей. Так, специальный пруд для разведения карпов был сооружен в Троице-Сергиевой лавре. В Курском крае небольшое рыбное хозяйство имелось в Глинской пустыни: в реке и заливах иноки и крестьяне ловили судаков, лещей, головлей, а в озере – шук, окуней, плотву, ершей [1]. Однако прудовые хозяйства велись примитивно, бессистемно, водоемы были сильно запущены, низко продуктивны и малопродуктивны, рыбозаводение в прудах носило в основном любительский характер.

В середине XIX в. интерес к прудовому хозяйству появился в районах центральной России: почти в каждой помещичьей усадьбе устраивались пруды, в которых разводили карасей. Так, в имении Овсянниковой-Куликовской в Щигровском уезде площадь прудов составляла 30 га, а в имении князя Барятинского в Рыльском уезде было до 20 га прудов. Небольшой рыбный завод «Млодаты» был устроен и в имении В.В. Ковальчукова Курского уезда.

В одной из газет читаем объявление о том, «с конца февраля и по 15 марта на заводе происходил вывод рыбешек из икры, а с 15 мая и до конца лета – искусственное кормление и акклиматизация в садках ценных пород рыб. С этого же времени «была открыта продажа осетра, севрюги, стерляди, лосося, разных видов форели, таймени, сига, карася, лени, окуня, а также крупных раков» [8].

Существенную роль в рыбоводстве Курской губернии сыграло губернское земство. Так, по его предложению в 1911 г. на базе хозяйства «Млодаты» для курских помещиков «в показательных целях» было построено первое в губернии государственное рыбное хозяйство площадью 8 гектаров. В восьми прудах разводились лосося, форели, таймени, стерляди, сига, окуни, ерши, караси, карпы, лини. Владелец проводил занятия по рыбоводству, выезжал в другие имения для осмотра водоемов и делал рекомендации по вопросам разведения рыбы: как лучше обустроить пруд, какие породы рыб можно в них разводить с учетом местных особенностей. К началу лета 1913 г. в пруды завода были запущены мальки королевского карпа и радужной форели, приобретенные у Киевского императорского общества рыбоводства и рыболовства [9].

18 июля 1913 г. состоялось торжественное освящение зданий и прудов первого в Российской империи земского рыбного завода «Млодаты». На нем присутствовал товарищ министра внутренних дел свиты его Величества генерал-майор В.О. Джунковский, курский губернатор Н.П. Муратов, губернский предводитель дворянства князь Л.И. Дондуков-Изъединов и др. От их имени была направлена телеграмма министру внутренних дел Н.А. Маклакову, в которой отмечалось следующее: «Губернская земская управа в присутствии товарища МВД В.О. Джунковского, освятив первый в России земский рыбзавод, отлично сознает, что благое дело, на пользу общую ... будет расти, шириться, процветать при одушевляющей всех мысли ...».

Вскоре от Н.А. Маклакова поступил ответ: «Глубоко тронут Вашим приветом и вниманием. Горячо благодарю Вас и всех за телеграмму и желаю полного успеха зародившемуся полезному делу. Добрым отношением дорогих моему сердцу курян, крепких открытию верой в лучшие заветы нашей родины, я искренне дорожу и горжусь ими. В единении власти с такими именно общественными деятелями как курские, вся сила верных слуг нашего

Всемилолюбивейшего Самодержца, в таком прямодушном и убежденном единении и все благоденствии великой России» [8].

В периодической печати была размещена публикация о том, что на заводе производится продажа королевского карпа. С 27 сентября по 28 октября завод получил 28 запросов: 11 – по Курской губернии, 17 – из разных местностей Европейской России (С.-Петербург, Калужская, Рязанская, Тамбовская, Орловская, Смоленская и Могилевская губернии). Запросы свидетельствовали об удовлетворении заводом давно назревшей потребности многих хозяйств в дешевой племенной рыбе. К примеру, землевладелец Корочанского уезда А.В. Бабаков писал в запросе следующее: «Я давно задумал заняться рыборазведением и заселить свои проточные пруды и сажалку. Много лет искал подходящую рыбу, но достать смог только линей и налимов. Прочитав в «Новом времени» Ваше объявление, я заказал на заводе «Млодать» карпов, которые и были привезены мне в земской бочке совершенно здоровыми, бодрыми, свежими и при запуске в воду резво плескались». А.В. Байбаков «искренне и глубоко» благодарил Курское губернское земство за «идеальную мысль и труд по разведению рыбы» и просил об отпуске весной будущего года форелей [8, с.253].

Осенью 1914 г. по указанию старшего инспектора рыбоводства А.П. Иванова, одобренного вице-директором Департамента Земледелия, приступили к устройству необходимых для рационального рыбоводного хозяйства зимовальных и нерестовых прудов. К этому времени в хозяйстве уже имелось две системы прудов: для вывода и выращивания форели и карпов общей площадью 1 394 кв. сажени. Форель радужная (американская) была выведена из икры, полученной из Лифтляндской губернии в количестве 20000 штук. На содержание завода было выделено из государственной казны 2516 руб. [8, с.251-252]. Кстати, уже тогда предполагалось открыть при рыбзаводе небольшую лабораторию, на обустройство которой выделялось 50 руб. На заводе также имелась посуда и другие вещи, «необходимые при составлении различных препаратов» [8, с. 255].

В Курской губернии, помимо рыбзавода «Млодать», имелись небольшие пруды, заброшенные по деревням, селам и хуторам. Они «обслуживали хозяйственные потребности населения», поэтому были заселены почти исключительно карасями. С одной стороны это было неплохо, так как выполнялась главная задача – обеспечение населения дешевой рыбой. А с другой стороны – быстрое размножение карасей приводило к переполнению водоемов, их «мельчанию», что, бесспорно, наносило вред рыбоводству. Поэтому вследствие неправильного ведения хозяйства продуктивность прудов в дореволюционный период была низкая; лишь в отдельных хозяйствах она достигала 200 кг/га.

Во время Первой мировой и Гражданской войн прудовые хозяйства пришли в полный упадок. Их возрождение началось с 1920-х гг. Единственным рыборассадиником в губернии к этому времени оставался рыбзавод «Млодать», переименованный в «Спартак». К этому времени в его прудах имелось: половозрелых карпов – 44 штуки; неполовозрелых – 100 штук; форели – 50 штук; годовиков форели – 10 000 штук. В это время были восстановлены и пущены в государственные рыбные базы в Рыльске и Валуйках. В их задачу входила организация рыбаков, контракция рыбы, упорядочение уловов и снабжение рыбаков материалами для изготовления сетей. 15 января 1921 г. при губземотделе был открыт губернский отдел рыбоводства, руководителем которого был назначен заведующий рыбзавода «Млодать» А.М. Лийв. По его инициативе были организованы трехмесячные

курсы по рыбоводству, которые посетило 9 человек. На их устройство было выделено 387 056 руб. Летом 1922 г. рыбзаводом «Спартак» было выпущено в водоемы губернии 100 000 карпов [5, л.9].

В начале июня 8 инструкторов по рыбоводству были направлены в уезды Курской губернии для обследования водоемов. Им удалось выяснить площади прудов, пригодных к заселению рыбой, а также прудов, требующих «ремонта». В целом, в Курском, Фатежском, Щигровском, Обоянском, Дмитриевском, Льговском, Рыльском и Путивльском уездах водоемы с площадью 901 десятина были признаны годными к заселению рыбой. Водоемы с площадью 961 десятина нуждались в капитальном ремонте. Кроме того, планировался капитальный ремонт бывших прудовых частновладельческих хозяйств – Маркова II-го при станции Тарабушево в Щигровском уезде (15 десятин) и князей Барятинских в Льговском уезде (8 десятин). Предполагалось также установить систему прудов в Знаменской роще г. Курска. За губземотдел числились проточные (спускные) пруды: при Никольском совхозе Щигровского уезда (площадь пруда – 40 десятин), при Макаровском совхозе Льговского уезда (площадь – 15 десятин), при Миролюбовском совхозе Фатежского уезда (площадь – 37 десятин). По мнению заместителя заведующего отдела рыболовства М. Колтакова, ежегодно здесь могли получать до 350 тыс. малька [5, л.37-38].

Постановление о восстановлении рыбного хозяйства Курской губернии было принято Курским губисполкомом 23 августа 1921 г. В нем, в частности, отмечалось следующее:

«1. Все проточные и непроточные пруды Курской губернии, расположены на национализированных землях и независимо от наличия на них каких бы то ни было технических предприятий, передаются в исключительное распоряжение Губземотдела для использования их в целях культурного рыбозаведения.

2. Всякий улов рыбы в прудах, помимо губземотдела воспрещается.

3. Губземтрделу предоставляется право производить временный спуск воды в прудах для вылова и ассортимента находящейся в них рыбы.

4. Все вылавливаемые в прудах рыбы классифицировались. Хищные породы: сом, щука, судак, окунь и прочие поступали как пищевой продукт в распоряжение государства ...» [6, л.3-4].

В целях охраны рыбозаведения и правильной эксплуатации всякого рода водоемов – рек, озер и прудов, Курским губисполкомом были приняты меры к установлению порядка и срока ловли рыбы, разработанные Курским губернским обществом рыболовов и рыбозаводов.

Так, в одном из них указывалось на запрет ловли рыбы, «какими бы то ни было сетными орудиями с ячейками сети не менее 3/ 4 вершка в квадрате». Ловля сетями «с законными ячейками разрешалась только с 1 июня (до этого срока период оплодотворения икры всеми породами рыб)». Предусматривались наказания за ловлю рыбы – «какими бы то ни было хищными способами: травля ядовитыми прикормками, глушение бомбами, устройство плетней и тому подобными заграждениями». Местными властями также устанавливался запрет на «выпуск в реки и другие водоемы всевозможных отходов из свекловичных, спиртовых, мыльных, кожевенных и других заводов, так как они являются ядовитыми для рыбы, отчего она гибнет» [4, л.7].

Отдельные участки реки Сейм (от бывшего владения Клейнмихеля до деревни Моквы

по обоим берегам и от бывшей мельницы Новосильцева до д. Алябьевой Троицкой волости) объявлялись заповедными. Также на участках по 10 верст водного пространства около г. Льгова, Рыльска, Путивля, Обояни и Суджи рыбная ловля запрещалась «какими бы то ни было сетями кроме удочек». Указанные участки предназначались для нерестилиц и акклиматизации редких пород рыб. Наблюдение за выполнением постановления возлагалось на земельные органы управления советской власти и на Общество рыболовов и рыбоводов. Прежде всего, они должны были охранять водоемы «от браконьеров-хищников».

Еще в 1910 г. в г. Курске образовался кружок, «задумавший организовать в Курске общество удильщиков». Однако местная полиция заподозрила «рыболовов» в связи с революционерами кружок был разогнан. В 1917 г. курские рыболовы вновь вернулись к идее объединить любителей рыбной ловли. Губернские власти даже утвердили его устав. А в 1921 г. Общество удильщиков было переименовано в Курское губернское Общество рыболовов и рыбоводов. Оно сыграло существенную роль в деле восстановления рыбоводства в Курской губернии. Так, а средства Общества был осуществлен спуск в водоемы 2 500 штук мальков королевского карпа и 3 000 штук американской форели. Охрану заповедников осуществляла стража, находящаяся на полном материальном содержании Общества. Оно также вело и общее наблюдение за орудиями ловли и ее сроками. С целью пропаганды среди населения города важности рыбоводства «для пролетарского государства» членами общества были прочитаны лекции. В сентябре 1924 г. М. Авдеев, товарищ председателя Общества отмечал, что «благодаря этим мероприятиям реки, обезрыбевшие от бесхозяйственного лова рыбы и варварского ее истребления бомбами, стали заполняться рыбой» [4, л.7]. В 1924 г. Приказом по Наркомзему от 3 сентября за № 108 рыбоводное хозяйство «Спартак» перешло в ведение Центра. Однако его деятельность находилась под непосредственным контролем Курского губернского управления. Это было вызвано тем, что «Спартак» возлагались обязанности обслуживания посадочным рыбным материал не только прудов Курской губернии, но и всей страны. Предполагалось учредить должность специалиста по рыбоводству, на содержание которого отпускались соответствующие кредиты [9, л.26]. Заметим, что к 1926 г. в рыбхозе «Спартак» было восстановлено 8 гектаров прудов с производительностью 12 500 штук годовика карпа в год. В 1928-1929 гг. рыбопитомник снабжал посадочным материалом Московскую, Воронежскую, Курскую и другие центральные области СССР.

В 1930 г. в СССР приступили к расширению существующих рыбопитомников и закладке новых. В этом же году в СССР было заложено 15 новых рыбопитомников. В Курской губернии в 1931 г. в эксплуатацию был сдан рыбхоз «Октябрь» Курского района, в 1932 г. – «Ключики» Саженовского района, в 1935 г. – «Прогресс» Коньшевского района [7, л.3]. Выполняя постановление ЦК ВКП (б) от 9 мая 1932 г. о широком развитии рационального, высокоэффективного социалистического прудового рыбоводного хозяйства рыбхоз «Спартак» был превращен в племенное хозяйство по производству малька карпа. С организацией и укреплением колхозов рыбоводство в Курской области получило широкое развитие. В целом, за 14 лет, с 1926 по 1941 гг., прудный фонд государственных рыбоводных хозяйств вырос в 86 раз: с 8 га в 1926 г., 410 га в 1935 г. до 691 га в 1941 г. Их производительность выросла в 80 раз – с 12 500 штук годовика в 1926 г., 156 413 штук в 1935 г. до 1 000 000 штук в 1941 г. [13, с. 108-112].

Следует отметить, что рыборазведению советское государство уделяло большое внима-

ние. Так, в сталинском примерном уставе сельскохозяйственной артели говорилось, в частности о том, что колхозники должны были «беречь и очищать имеющиеся пруды, строить новые и заводить в них рыбное хозяйство». А для этого нужны были хорошо подготовленные кадры. С этой целью в 1935 г. Областным земельным управлением (ОблЗУ) были организованы месячные рыбоводческие курсы при рыбзаводах [13, с. 108-112].

На развитие прудового рыбоводства в СССР оказала огромное влияние Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1939 – 1940 гг. Достижения рыбоводства, продемонстрированные на ней, вызвали в 1940 г. замечательное колхозное таловское движение за строительство и комплексное использование прудов и водоемов (призыв колхозников Таловского района Воронежской области: «Каждому колхозу – свой водоем» нашел широкий отклик среди колхозников страны). В результате этого в 1940 г. колхозами было отремонтировано 21 736 и построено заново свыше 17 тыс. плотин, образовавших более 100 тыс. га прудов. Наряду с постройкой водоемов колхозы приступили к возведению своих рыбопитомников и полносистемных рыбоводных хозяйств с выращиванием рыбопосадочного молодняка. В это время вылов озерно-речной рыбы по Курской области достиг 1 000 ц в год [3, с.6]. Накануне Великой Отечественной войны на территории Курской области работали следующие рыбные хозяйства: «Октябрь», «Ключики», «Спартак», «Прогресс», а также рыбзаводы – Курский и Кореневский.

Таким образом, прудовое рыбоводство в Курском крае имеет давние традиции. И в царской России, и в Советском Союзе рыба, выращенная в курских прудах, была известна далеко за пределами Курщины.

Источники и литература

1. Арцыбашева Т.Н. Монастыри Северо-Восточной Украины // Сумський історико-архівний журнал. № XII-XIII. 2011 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Siaj/2011...11atnsvu.pdf (дата обращения 6.04.2013).
2. Бехтеев С.С. Царь-богатырь // [Электронный ресурс]. Режим доступа: eletskraeved.ru/bexteev-s-s-car-bogatyr (дата обращения 6.04.2013).
3. Васильев А., Нехай В. Рыбоводство и рыболовство в Курской области. Курск: Областное книгоиздательство, 1951.
4. ГАКО. Ф. Р-313. Оп. 2. Д. 147.
5. ГАКО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1276.
6. ГАКО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 700.
7. ГАКО. Ф. Р-5194. Оп. 5 Д. 1.
8. О земском рыбоводном заводе в имении «Млодоть» // Доклад Курской губернской земской управы XLIX очередного губернского земского собрания 7 декабря 1913. IV. По экономическим и сельскохозяйственным вопросам. Курск, 1913. С. 237-255.
9. Обзор Курской губернии за 1912 г. Курск, 1912.
10. Прудовое рыбоводство // [Электронный ресурс]. Режим доступа: fermer02.ru/Рыба/1585-прудовое... (дата обращения 6.04.2013).
11. Рыбное хозяйство: его цели, значение и формы // [Электронный ресурс]. Режим доступа: oribaх.uzoz.ru/index/0-7 (дата обращения 6.04.2013).
12. Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства // [Электронный ресурс].

Режим доступа: old.kurskcity.ru/book/tankov/index.html (дата обращения 28.06.12).

13. Янишин А.П. Колхозное рыбоводство в Курской области // Социалистическое строительство Курской области. Ежемесячный политико-экономический журнал областной плановой комиссии. № 4-5. 1936. С. 108-112.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СОЛДАТСКИМ СЕМЬЯМ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Поражение Российской империи в Крымской войне 1853-1856 гг. выявило в том числе и несостоятельность рекрутской системы комплектования армии, поскольку государству требовалось большое количество военнограмотных мужчин не только в действующей армии, но и в резерве. Неудача Восточной компании заставила правительство провести целый ряд реформ, одной из основных целей которых являлось обеспечение возможности многократного увеличения численности вооруженных сил во время войны. Для реализации этой задачи специальной комиссией был разработан и принят в 1874 г. устав «О всеобщей воинской повинности», согласно которому ежегодно для прохождения действительной военной службы призывались молодые люди, достигшие 20-летнего возраста. После окончания службы солдаты зачислялись в запас, из которого могли быть призваны в случае необходимости. Если это происходило, то семья мобилизованного практически оставалась без средств к существованию.

Стремясь компенсировать отсутствие кормильца, государством были приняты законы, возмещавшие семейству убытки, связанные с отсутствием кормильца. После обобщения имеющегося опыта оказания социальной помощи солдатским семьям был выработан особый закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 г.

В начале Первой мировой войны, потребовавшей ширококомасштабной мобилизации мужчин из запаса, возникла необходимость создания особой благотворительной организации для оказания дополнительной поддержки раненым военнослужащим и их семьям, и координации как государственной помощи, так и усилий других обществ и частных лиц содействовавших родственникам фронтовиков. Таким органом стал образованный в Москве Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Его возглавила великая княгиня Елизавета Федоровна. Руководством были разработаны основные принципы, которыми могли бы руководствоваться местные власти при образовании низовых структурных подразделений, к примеру, рекомендовалось «сначала организовать более крупные единицы – уездные комиссии и поручить последним заботу об образовании каждой в своем уезде более мелких учреждений, группирующихся вокруг нее, как около центра»[1, л.74]. Предпочтение отдавалось принципу «добровольного возникновения». В случае отсутствия такового губернатору как главе губернской комиссии «следовало прибегнуть к системе назначения»[1, л.74]. Под руководством курского губернатора Н.П. Муратова были созданы уездные отделения Комитета практически во всех уездах губернии, их согласно уставу возглавили местные предводители дворянства. Исключение составил Тим, в 1915 г. на запрос о деятельности Отделения лидером дворян был дан ответ «в Тиму комиссия Комитета Елизаветы Федоровны не открывалась»[1, л.93].

Поскольку начало Первой мировой войны совпало с уборочной компанией, то мобилизованные не смогли убрать хлеб и другие возделываемые культуры с полей. Именно поэтому одним из первоначальных видов помощи в аграрной Курской губернии стала помощь безвозмездным трудом для сбора урожая текущего года и посева озимых полей. Особо стоит выделить местные кооперативы, бесплатно предоставлявшие для этих целей семьям запасных молотилки, веялки и сеялки, что бы отмечено в печатном органе организации «Еженедельнике» № 3[2, л.24]. Однако своевременно провести весь необходимый комплекс

мероприятий не всегда удавалось, где-то из-за халатности сельских органов самоуправления, а в некоторых местах сложности были вызваны большим числом мобилизованных и объемом работ. Так, крестьянин деревни Саморядово Курского уезда Федот Никифорович Суворов в своей жалобе сообщал, что сельский староста Илья Пральников на просьбу его супруги о помощи не отреагировал и мер не принял[2, л.137]. Исправник докладывал губернатору о том, что весь необходимый комплекс мероприятий уже проведен, хлеб с поля перевезен и обмолочен, и даже произведен озимый посев[2, л.136]. Крестьянка этого же уезда из деревни Букреево Троицкой волости Анна Алексеевна Букреева пожаловалась губернатору на старосту, который, по ее мнению, не принимал должных мер, и ее хлеб из-за этого якобы гнил на полях. Согласно показаниям пристава 3-го стана у солдатки имелось 4 копны ржи, своевременно свезенной с поля родным деверем жалобщицы. К старосте Захарову она обращалась с просьбой об оказании помощи в деле обмола ржи, на что ее попросили подождать несколько дней, поскольку у других семейств запасных хлеб оставался еще не скошенным и не убранным. Букреева ждать не стала и обмолола зерно сама[2, л.169].

Потребность втакого рода услугах постепенно возрастала, это было связано с увеличением общего числа мобилизованных. С 1915 г. для этих целей в некоторых местах стали использовать ученические дружины, а иногда к работе в крестьянских хозяйствах привлекались и военнопленные нижние чины.

Отдельного внимания заслуживает вопрос связанный с призрением сирот и полусирот солдат. Некоторые мобилизованные в своих прошениях просили определить своих детей в приют, т.к. их матери умерли, а других родственников не осталось. К примеру ефрейтор 5-й роты 237-го Грайворонского пехотного полка Константина Константиновича Ряпалова, проживавший на хуторе Лаптев Лисичанской волости Грайворонского уезда.ходатайствовал об устройстве его дочерей Анастасии (7 лет) и Гарпины (3 года) в приют г. Курска[2, л.33.]. По личной просьбе губернатора девочек отправили в убежище для детей лиц, призванных по мобилизации, открытое Варварой Степановной Новосильцевой в ее доме на улице Золотой[2, л.36]. Однако заведений подобного рода явно не хватало, и большинство уездных городов не могло позволить их содержание. Из отчетов местных Отделений следует, что в Курском уезде в таких учреждениях якобы не наблюдалось необходимости, а в Щиграх не хватало денежных средств на их содержание. Мирополье же сообщало, что «в ведении города сирот и полусирот воинов нет»[1, л.96, 140, 142]. Выход был найден в институте опеки и попечительства – известно, что в Обояни и Новом Осколе выплачивались пособия на воспитание детей-сирот[1, л.132, 135].

В поисках решения данной проблемы Курский, Обоянский, Путивльский и Старооскольский уезды проявили интерес к закону «О земледельческих приютах для детей увечных и павших воинов» от 7 июля 1915 г. По нему планировалось открытие казенных учебных заведений в которых несовершеннолетних подготавливали бы к дальнейшей трудовой жизни. В Путивльском уезде надля реализации этого указа местная землевладелица Е.А. Фомина пожертвовала 30 десятин[1, лл.151, 135, 134а, 148]. Однако дальнейшая судьба этих проектов не известна. Известно, что в Старом Осколе земством был организован прием детей из неполных семей в существовавшую в городе ремесленную учебную мастерскую, где они, кромепомимо призрения, обучались плотнично-столярным или кузнечно-

слесарным ремеслам, исходя из их способностей[1, л.148].

Наиболее острой проблемой, вставшей перед государством в связи с войной были трудности, связанные с социальной адаптацией увечных и раненых воинов, поскольку часть из них, возвращаясь домой, была не способна в полном объеме заниматься своими прежними делами. Другие же ввиду ран, вызвавших более серьезные последствия, и вовсе оказались не способны к привычному для них труду, становились обузой для своих семей. Известно, что в Курске действовало убежище для увечных воинов[3, л.334].при Обоянской уездной комиссией было высказано пожелание об открытии в городе заведения подобного рода на 50 человек[1, л.100 об.]. Однако это был всего лишь проект. Показателен в этом отношении Корочанский уезд, его руководством из бюджета было выделено 100 руб. на командирование в Курск 2-х воинов-инвалидов из крестьян среды на устраиваемые губернским земством курсы пчеловодства. Другие города губернии также не могли проводить активную работу на данном направлении, ссылаясь на недостаток средств и невозможность определения точного количества нуждающихся[1, л.146].

Еще одна проблема, с которой приходилось сталкиваться местным Отделениям – неспособность некоторых семей самостоятельно покупать дрова. Некоторые уезды справлялись с этой проблемой ежемесячно выдавая деньги на отопление. Так, в Белгороде с августа 1914 г. семьи нижних воинских чинов получали пособия на эти нужды, но из-за недостатка средств данную программу свернули еще в октябре 1915 г.[1, лл.141-141 об.]. Более лучшая программа действовала на наш взгляд в Новом Осколе, поскольку там с 1 января 1916 г. был установлен размер выплат отдельный для сельской и городской местностей. В городе эта сумма составляла 2,7 руб. в месяц, а в деревне – 1 руб.[1, л.132] Иначе подошли к решению данной проблемы в Обояни, помимо выплат по рублю в зимние месяцы семьям мобилизованных предоставлялась возможность покупать лес в казенных лесных дачах по удешевленной цене. Данный факт подтверждает коллективное обращение солдаток М.П. Разиньковой, Е.Д. Лаврентьевой, П.И. Конаревой, А.С., О.Л. и П.Г. Выхребенцевых о выдаче им дров на отопление. Освидетельствование постановило отпустить по удешевленной цене дрова А.С. и П.Г. Выхребенцевым, Савенковой и Разиньковой, а О.Л. Выхребенцевой и Конаревой в прошении было отказано[1, лл. 99, 139].

Отдельного внимания заслуживает Грайворонская уездная комиссия, которая помимо вышеперечисленных направлений социальной помощи выделяла дополнительные деньги на лечение и погребение родственников солдат[1, л.147].

После падения самодержавия глава Временного Правительства князь Г.Е. Львов требовал безостановочной работы Комитета и его отделений. Но, несмотря на предписания министра-председателя связь между центром и регионами была нарушена. Курским губернским комиссаром был назначен Н.Н. Лоскутов, не понаслышке знавший о деле призрения: еще в 1914 г. он возглавил Исполнительную комиссию по призрению семейств, лиц призванных на войну в г. Курске[4, л.3]. Став во главе губернии он 29 мая 1917 г. просил уездных комиссаров Белгорода, Грайворона, Корочи, Курска, Путивля, Рыльска, Старого Оскола, Суджи и Шигров фактически заново организовать работу комитетских подразделений, поскольку они не функционировали[1, л.210]. Данные о работе организаций на местах за весну-лето 1917 г. практически отсутствуют. Известно лишь о выборах председателя уездного Отделения в Льгове, Новом Осколе, Обояни и Старом Осколе.

В общем итоге, учитывая внезапность и масштабность начавшейся войны, ее продолжительность и тяжелые последствия для страны, осуществление социальной помощи солдатским семьям посредством деятельности Комитета Елизаветы Федоровны с широким участием местных властей и общественности показало достаточное разнообразие и недостаток необходимых финансов.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее:ГАКО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 86.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10708.
3. ГАКО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 59.
- 4.ГАКО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 87.

РЕВОЛЮЦИЯ В ПРОВИНЦИИ: К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ (ОКТАБРЬ 1917 – ФЕВРАЛЬ 1918 гг.)

Процесс установления советской власти в регионах имел не только местные особенности, связанные с явлениями социально-экономического, политического, национального, религиозного или иного порядка, но и отличался определённым «временным лагом» между юридическими и фактическими событиями оформления этого процесса, т.е. задержкой во времени, в связи с возникновением определенных событий после совершения действий, которые, как полагают, их вызвали.

Первая информация о военном перевороте в Петрограде появилась 27 октября 1917 г. [здесь и далее все даты даны по старому стилю – В.Р.] в печатном органе Курского комитета партии эсеров – газете «Курская жизнь», которая так квалифицировала действия большевиков: «Страна снова вступила в огневую полосу: в Петрограде восстание... Далекое на севере разыгрывается трагедия, которая развернется перед нами во всю ширь тогда, когда всё будет кончено» [4, 27 окт.]. На этот же день губернский комиссар получил неофициальную телеграмму, в которой сообщалось, что члены Временного правительства арестованы и заключены в Петропавловскую крепость [4, 28 окт.].

27 октября 1917 г. по инициативе губернского Комиссара состоялось объединённое совещание «всех курских демократических и революционных организаций», на котором было принято решение о создании временного комитета «Общественного спасения». В состав президиума комитета вошли: Армстархов, Коссаковский, Праведников, Талаловский и Пиняев [4, 31 окт.].

На экстренном заседании городской Думы, состоявшемся 28 октября 1917 г. и проходившем в переполненной публичной зале, которая находилась в «крайне напряжённом настроении», был рассмотрен вопрос о событиях в Петрограде. Давая оценку этим событиям кадетская «Свободная речь» писала: «Борьба между двумя враждебными лагерями пока продолжается, вылившись окончательно в форму гражданской войны, которая захватила обе наши столицы. Провинция продолжает, по-видимому, держаться пассивно, выжидая разрешения этой борьбы там, в столицах» [5, 1 ноября].

На заседании «Комитета спасения» 1 ноября было подтверждено, что к нему переходит «вся полнота власти в г. Курске и в губернии впредь до организации правительства, которое будет признано настоящим комитетом». Действительно, уже первые решения комитета имели определяющее значение для губернии: о мерах по охране телефонной и телеграфной станций, о вооружении местных воинских частей, о размещении политических воззваний в городе и др. [5, 3 ноября].

Уже в середине ноября произошли принципиальные изменения в составе Комитета общественного спасения: начальники частей курского гарнизона были лишены представительства, а городскому голове, губернскому комиссару, прокурору и начальнику гарнизона было оставлено лишь право совещательного голоса. Было сокращено представительство некоторых политических партий и организаций: партии эсеров (с 8-ми представителей до 6-ти), партии народных социалистов, объединённой организации социал-демократов (с 5-ти представителей до 3-х в каждой), губернского земства (с 7-ми представителей до 2-х), губернского продовольственного комитета (с 5-ти представителей до 2-х), союза кооператоров (с 5-ти представителей до 3-х), почтово-телеграфного союза (с 3-х представителей до 2-х). Вместе с тем в комитете общественного спасения вошли по 3 представителя

от большевиков и социал-демократов (оборонцев), ранее не представленные во временном чрезвычайном органе власти. На два представителя (ранее было по 5) увеличили свои группы советы: рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Но самой большой стала квота для частей гарнизона: 22 представителя вместо 11 [4,12ноября].

Фактически, состав Комитета общественного спасения выражал интересы самых широких социальных, политических и профессиональных слоёв населения, являлся демократическим по принципу комплектования и существу, отражая, прежде всего, левый политический спектр настроений.

Вместе с тем в губернии продолжали действовать органы власти, назначенные уже свергнутым Временным правительством. Так, например, 7 ноября в газетах появилась информация, что и.д. губернского комиссара Н.Н. Рождественский предложил местному дворянскому обществу подготовить дела дворянских учреждений губернии для передачи в архив в связи с подготовкой к ликвидации последних [5, 7ноября].

Большевизация представительных органов и органов власти началась с Белгорода. Политическая ситуация в городе определялась не местными силами, а присутствием расквартированного здесь польского запасного полка, в котором было сильное влияние большевиков. Именно в Белгороде первым в губернии был образован Военно-революционный комитет, объявивший о переходе к нему всей полноты власти в уезде. В начале ноября прошли выборы гласных в городскую думу. Характерной особенностью этих выборов стало участие в них отдельных фракций ранее объединённой социал-демократии: меньшевиков-оборонцев, меньшевиков-интернационалистов и большевиков.

При этом нужно отметить, что местное население в выборах почти не участвовало (3 204 выборщика из 15 000 избирателей-белгородцев), в то время как военнотруженики-поляки приняли самое активное участие в местных выборах – 4 742 избирателя. Это и предопределило расстановку сил: За список большевиков белгородцы подали 288 голосов, польский же полк почти поголовно проголосовал за них. На заседании городской думы 3 ноября на должность городского головы был избран большевик Озембловский, а совместным решением большевиков и меньшевиков-интернационалистов дума приняла декларацию, в которой призвала признать правительство, избранное съездом советов в Петрограде [5, 9ноября].

Когда, прибывший из Курска представитель «Комитета общественного спасения» Брагинский предложил белгородцам создать аналогичный в Белгороде, то получил категорический отказ: «Вся власть советам!» [5, 10ноября].

Ситуация в губернском центре существенно отличалась от белгородской. Курский губернский съезд Советов крестьянских депутатов в резолюции «О текущем моменте», принятой 24 ноября 1917 г., так определил суть петроградских событий: «...Захват власти меньшинством, вопреки воли большинства ...» [4, 26 ноября]. Съезд не признал ни СНК во главе с Лениным, ни декреты, принятые II Всероссийским съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Петрограде.

26 ноября 1917 г. в здании кинематографа «Гигант» по ул. Херсонской состоялось объединённое заседание Курского Совета рабочих и солдатских депутатов и губернского совета крестьянских депутатов, на котором за резолюцию большевиков о признании СНК проголосовало только 58 делегатов из 175. Но в результате ряда поправок, внесённых в

проект резолюции об отношении к центральной власти (автор А.А. Аристархов), родился компромиссный вариант, предложенный Е.Н. Забицким, который предусматривал, что «до тех пор, пока власть будет определена Учредительным собранием, власть должна принадлежать Советам».

В конце объединённого заседания было принято решение об организации местной власти: создании губернского Революционного Совета – органа, исполнительной власти, сформированного из представителей советов (по 10 от рабочей и солдатской секции и 20 – от Совета крестьянских депутатов). Кроме того, Ревсовет получил право кооптировать в свой состав представителей общественных организаций [4, 28 ноября].

Первое заседание Курского губернского Революционного Совета состоялось 29 ноября, на котором председателем Совета был избран прапорщик Е.Н. Забицкий – левый эсер (с марта 1918 г. – председатель губсовнаркома, с 22 мая 1918 г. – председатель губисполкома) [4, 1 декабря; 1, с. 464-465]. Уже 30 ноября 1917 г. Курский революционный Совет примет два исторических решения. Во-первых, выразил недоверие губернскому Комиссару Временного правительства (по иронии судьбы заседание Революционного совета проходило как раз в доме губернского Комиссара). Вместо него был избран народный комиссар – представитель крестьянства, солдат, по партийной принадлежности социал-революционер Праведников. Во-вторых, президиуму было поручено принять дела Комитета общественного спасения как «не имеющего ничего общего с теперешним Революционным советом» [5, 2 декабря].

Так завершился период властвования Комитета общественного спасения и начался период главенства Революционного совета. В связи с этим событием Белгородский революционный штаб направил в Курск телеграмму следующего содержания: «Приветствуем роспуск «Комитета спасения» и переход власти к Советам. Обещаем всемерно поддержать. Просим немедленно упразднить губернского комиссара ... Председатель Меранвиль» [4, 30 ноября].

1 декабря состоялось последнее заседание исполнительного комитета Курского губернского Народного совета, принявшего следующую резолюцию: «С учреждением демократических земских и городских самоуправлений, с развитием и укреплением Советов: крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, задачи, лежащие первоначально на Народном совете и его исполнительном органе, отошли к названным организациям, почему функция исполнительного Комитета отмирала и в настоящее время почти свелась к нулю.

Ввиду изложенного, и принимая во внимание, что с возникновением Революционного совета, этого правомочного органа губернской народной власти, наилучше воплощающего идею местного народовластия, не может быть никакой нужды в Народном совете, исполнительный Комитет приходит к заключению о ненужности и бесцельности дальнейшего существования, как исполнительного Комитета, так и Губернского Народного совета» [4, 3 декабря].

3 декабря 1917 г. Курский Ревсовет в своей телеграмме, адресованной уездным органам власти и учреждениям, объявит, что «Комиссары бывшего Временного правительства подлежат немедленному упразднению» [1, с. 131]. Таким образом, был ликвидирован объединённый демократический орган губернской законодательной и исполнительной власти, действовавший с мая 1917 г. одновременно с правительственными структурами (институт

губернских и уездных комиссаров) и советами всех уровней, по сути, представлявших социально-профессиональные интересы большей части российского общества.

Ситуация в уездах была ещё сложнее. Части из них – юго-западным – угрожала австро-германская оккупация. Новая власть в лице Рыльского военно-революционного комитета (ВРК) была образована 26 ноября (9 декабря) 1917 г. Состав ВРК, общей численностью 44 человека, был достаточно широк и демократичен. [1, с.123-124]. Такое положение вещей некоторое время обеспечивало «мирное сосуществование» ВРК и органов городского самоуправления.

Не позже 1 декабря 1917 г. будет образован Грайворонский революционный Комитет [4, 1 декабря]. Инициатором создания революционного Совета в Дмитриевском уезде выступил местный Совет крестьянских депутатов. Это событие произошло 3 декабря 1917 г. [4, 9 декабря]. Фатежский революционный совет был образован 5 декабря 1918 г. [3, л.9].

Однако, по мнению центра Курский Губернский Ревсовет работал слабо по причине «отсутствия опыта руководящей работы у большевиков и дезорганизующей деятельности эсеров, тормозивших переход власти в руки советов» [6, с.79]. В Курск из Петрограда была направлена советских работников (большевиков), присланных ВЦИК для оказания помощи местным товарищам в создании и укреплении органов советской власти. Шесть представителей ВЦИК были кооптированы в состав губернского Революционного совета [4, 12 декабря]. Но большая часть ревкомов оставалась эсеровской. Именно позиция прибывшей группы стала катализатором процесса вытеснения из состава ревсоветов и «третьего элемента» и левых эсеров.

В конце декабря 1917 г. начался обратный процесс возвращения власти от чрезвычайных, смешанных по составу (ревкомы наряду с представителями советов включали в себя представителей земств, городских дум и управ, продовольственных и земельных комитетов и т.п.) – к советам. Так, например, Временный революционный Комитет Ново-Оскольского уезда 27 декабря 1917 г. сложил свои полномочия «ввиду перехода власти Совету крестьянских, солдатских, рабочих депутатов» [1, с.137].

Сменивший ВРК Рыльский уездный революционный совет – более радикальный по своему составу (большевики и левые эсеры) – решил взять всю полноту власти и управления, включая организацию городского хозяйства, в свои руки и принял решение о прекращении деятельности городской думы и управы. В этой связи очередное собрание Рыльской городской думы 23 января 1918 г. постановило: «На основании предписания Рыльского уездного революционного совета от 23-го сего января за № 445, Рыльская городская дума, подчиняясь требованию революционного совета, прерывает свои занятия и стоит перед необходимостью поручить управе сдать все делопроизводство, имущество и денежные суммы избранному Рыльским уездным революционным советом комиссару хозяйственного отдела города Рыльска Семену Григорьевичу Степанову» [3, л.35 об.].

Процесс установления власти советов, выразившийся не только ликвидации органов местного самоуправления (всесословных по своему характеру), но и ревкомов (демократических по составу и левоэсеровских в политическом отношении), проходил в течение

января-февраля 1918 г. В окончательном виде переход к практической реализации лозунга «Вся власть Советам!» произошёл на I Курском губернском съезде советов, состоявшемся в период с 24 февраля по 1 марта 1918 г. На заседании 26 февраля 1918 г. был рассмотрен вопрос организации губернской власти. Высшей губернской властью губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который созывался не реже одного раза в три месяца. Губернский съезд состоял из представителей рабочих, солдат и крестьян, объединённых в советы, из расчета: 2 делегата от каждой волости, по 1 делегату от каждой рабочей и солдатской организации, представляющей от 200 до 5 000 чел., и по 1 на каждые следующие 5 000 чел. Кроме того, уездные советы делегировали на губернский съезд по 2 представителя (город Курск приравнивался к уезду).

Губернский съезд Советов избирал бюро в количестве 35 человек. Представительство в бюро определялось по географическому принципу – по 2 человека от каждого уездного Совета и 3 представителя от губернского съезда. Периодичность заседаний Губернского бюро – 1 раз в месяц. К функциям бюро была отнесены: организация работы («объединяет и направляет») местных советов и контроль за деятельностью исполнительного органа губернского съезда советов – губернского Совета народных комиссаров [1, с.174-176]. Этот, по сути, контрольный орган, был излишним, о чем в указывал в своём докладе Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету 7 мая 1918 г. член ВЦИК А.В. Христенев [1, с.257].

Комиссариаты руководили работой по отдельным отраслям управления. Всего создавалось 12 комиссариатов: по гражданскому управлению; по военным делам; комиссариат народного хозяйства; комиссариат финансов; комиссариат труда; комиссариат народного просвещения; комиссариат юстиции; комиссариат земледелия; комиссариат продовольствия; комиссариат путей сообщения; комиссариат почт и телеграфов; комиссариат по призрению. Численность комиссариатов составляла от 3-х до 11 человек. Самыми крупными были комиссариаты продовольствия и земледелия, т.к они состояли из 5 человек, избираемых съездом и по 1 представителю от каждого уезда. Организация уездного, волостного и сельского совнаркома осуществлялась по губернскому типу [1, с.174-176]. В первый состав губернского совнаркома входило 63 члена: 32 большевика, 26 левых эсеров и 5 эсеров-максималистов [1, с.258].

Как полагают составители сборника документов «Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии», Курский губисполком назывался советом народных комиссаров по инициативе местных «левых» эсеров, «стремящихся противопоставить его центральной власти и добиться максимальной автономии». На II губернском съезде советов, состоявшемся 10 мая 1918 г. «губсовнарком» был упразднён, а вместо него избран «губисполком» [1, с.466].

Таким образом, завершился период, когда властными полномочиями в губернии обладали чрезвычайные органы – революционные советы – возникшие как переходная модель в период между декларированием лозунга «Вся власть советов» (декабря 1917 г.) до юридического оформления власти советов, осуществлённого I губернским съездом советов 26 февраля 1918 г.

Источники и литература

1. *Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. Сб. док-тов и материалов.* Курск, 1957. 511 с.
2. *Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-474. Оп. 1. Д.1.*
3. *ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д.1.*
4. *Курская жизнь: Орган Курского комитета партии социал-революционеров.* Курск, 1917.
5. *Свободная речь: Ежедн. демокр. газ. / Ред. А.И. Романов.* Курск, 1917.
6. *Очерки истории Курской организации КПСС* Воронеж, 1980.

КОРНИЛОВСКИЕ ЧАСТИ В ЛЕТНЕ-ОСЕННИХ БОЯХ 1919 г. НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

К началу летней компании 1919 г. на южном фронте, противоборствующие стороны располагали следующими силами: 73 тысячи штыков и сабель красных в составе 8-й, 9й и 10-й армий. Противостояли трём армиям белых общим составом в 100 тысяч штыков и сабель [1, с.284].

Основная боевая и политическая задача штабом ВСЮР ставилась в скорейшем захвате «красной» Москвы. В течение июня операции, носившие характер преследования отступающих сил большевиков развивались в трёх направлениях: восточном – проходящим через Царицын, центральном – через Воронеж и Харьков и западном пути – ведшем из Крыма, с Нижнего Днепра в глубь Украины [2, с.28].

Генерал А. И. Деникин в директиве от 20 июня 1919 г. изложил следующий план действий. Все силы должны были прорваться к Москве [3, с.21]. Разными были пути продвижения войск к поставленной цели. Кавказская армия Врангеля направилась на Саратов, оттуда к Пензе, Арзамасу и Нижнему Новгороду. От него войска должны были стремительно двигаться к Москве, через Владимир. Донская армии сразу же выдвинулась на Москву по двум направления: Воронеж – Козлов – Рязань и Нижний Оскол – Елец – Волово – Кашира. Добровольческой армии, под командованием Май-Маевского, также ставилась задача выхода к Москве, имея главное направление по линии Курск – Орёл – Тула, которое, в дальнейшем стало основным [1, с.287-288].

На момент выступления войск два Корниловских Ударных полка находились в составе Добровольческой армии. Общее командование осуществлял полковник Скоблин. Управление первым полком принял полковник Пешня, командовать вторым, назначили капитана Пашкевича [4, с.51]. Прибыв 20 июня в Харьков Корниловская бригада, в скором времени была отправлена на южный фронт. 22 июля второй полк был переброшен на станцию Тамаровка, где утром 23 произошли первые столкновения с пехотой противника при поддержке бронепоездов. Корниловцами были заняты: деревни Бубны, Герцевка, сёла Дмитриевка, Черкасское и Коровино. Потери составили: 2 человека убитыми, 14 ранено, 5 попало в плен. Полк прошёл боевое крещение и успешно выполнил поставленные перед ним задачи [5, с.120]. На следующий день ведётся бой с тремя бронепоездами красной армии, обороняющими станцию Готня. К вечеру силы противника отошли к станции Юсупово. Потери полка состояли 20 раненых и несколько убитых [6, с.261].

Дни с 25 по 30 июля проходят в постоянно движении, занимаются без боя сёла Раково, Дмитриевка и станция Юсупово. На 1 августа 1919 г. продолжается наступление сил Добровольческой армии по линии Псёл – Сейм, ликвидируется прорыв сил красной армии в районе городов Купянск, Волчанск и Новый Оскол [6, с.262].

Силы первого Корниловского полка вместе с 1-й и 2-й Марковской батареей перебрасываются на станцию Сажное-Волобуевка, второй Корниловский Ударный полк усиливается 2-й, 5-й батареей тяжёлого артиллерийского дивизиона и взводом 7-й гаубичной батареи. Этими силами начинается их дальнейшее наступление [7, с.53]. В это же день первый Корниловский полк, стремительным броском занимает станцию Прохоровка и село Беленихино. Совершая ночной переход, части подверглись ружейному и пулемётному обстрелу у с. Плоты. Короткой атакой противник был отброшен и разбит. Следующий бой с силами красной армии произошёл в окрестностях с. Красное [5, с.128]. По данным головного

разъезда, силы большевиков были оценены в один полк пехоты и одну артиллерийскую батарею. При поддержке своей артиллерии Корниловский полк перешёл в наступление, смял позиции красных и выбил их за реку, где силами первого батальона продолжилось преследование отступающего противника [6, с.267].

В свою очередь второй Корниловский Ударный полк получил приказ о наступлении на Обоянь. 2 августа первый Корниловский полк продолжил своё движение, по ходу которого встречалось большое количество сдающихся в плен красноармейцев. У деревни Журавка полк разбил остатки 79-стрелковой дивизии, продолжив затем движение через сёла Кочетовка, Сафроновка и Ольховатка, которую берут с боем.

На следующий день командование приказывает занять Обоянь. [6, с.275]. Однако взять город с налёта не получилось. Разведывательные отряды наткнулись на оборонительные пункты, сооружённые из церковных оград и крепких сооружений. Все мосты, через р. Псёл, были хорошо укреплены, попытки их захвата не принесли ощутимого успеха. К вечеру был отдан приказ на отступление к селу Павлово. Преследования и контратак со стороны большевиков не последовало [4, с.46].

В это время первому Ударному полку была поставлена задача, поддержать наступление Партизанского имени генерала Алексеева полка. Были заняты с. Пристенное, Прилепы, Колбасовка. У разъезда Сараево полурота пехоты при поддержке артиллерийского взвода атаквала бронепоезд красных, который спешно уходил с занимаемой позиции [7, с.57]. Третий батальон занял село Нижняя Ольшанка и двинулся на село Нагольное. Вступив в бой, выяснилось, что противник имеет численное превосходство, батальон отступил от села и занял оборону, последовавшая контратака противника была успешно отбита.

Повторная попытка второго Корниловского полка выйти к Обояни, закончилась неудачей. В следующие дни бои ведутся за близлежащие к городу населённые пункты. 8 августа силами одного батальона завязываются бои на окраинах. Остальные силы второго полка начинают совершать манёвр по обходу города. Предвидя своё окружение, части красной армии начинают отступать. Выйдя на открытые позиции, 7-я гаубичная батарея белых совершает обстрел Обояни. После артподготовки в город входят Корниловцы [6, с.277-278]. Тем временем первый Корниловский полк при поддержке второй Марковской батареи, трёх танков и бронепоезда занимают сёла Нагольное, Плесецкое и Ржава. Последующие дни ведутся мелкие бои, идёт разведка местности с целью выявления скоплений крупных сил противника [1, с. 294].

12 августа третий батальон первого Корниловского полка грузится в эшелон и направляется на ликвидацию прорыва фронта у города Волчанск. В этот же день из Харькова к станции Ржава направляется первый батальон, ещё не полностью сформированного третьего Корниловского Ударного полка [7, с.48]. Продолжалась оборона от атак красных бронепоездов, стремившихся вернуть контроль над железнодорожными разъездами и станциями, 23 августа была атакована ст. Ржава [6, с.282]. Стремительная атака при поддержке нескольких эшелонов пехоты красных не принесла успеха, понеся большие потери, силы большевиков отошли [8, с.193].

С 23 по 25 августа велись бои у села Павловка, второй Корниловский полк удерживал линию обороны по р. Псёл. Все попытки красных её форсировать пресекались. Дальнейшие действия полка сводились к взятию, в третий раз, Обояни. Используя успешную ранее тактику артподготовки, город был быстро занят [5, с.127]. К этому времени стало ясно, что

сведение всех Корниловских частей в одну дивизию не произойдёт, командование перебросило третий полк, к станции Сумы для поддержки Дроздовского стрелкового полка.

В конце августа прорывы фронта, созданные красной армией, на направлении к Купянску и Волчанску были ликвидированы. Добровольческая Армия могла продолжить прерванное наступление. Силы противника были измотаны затяжными боями, а так же постоянными попытками прорвать фронт белых. Всё это обеспечило спокойное продвижению Корниловских полков к Курску [1, с.301].

Оборонительные укрепления вокруг города носили, в масштабах Гражданской войны, довольно серьёзный характер. Первая линия обороны начиналась в 15 км от окраин Курска. Она состояла из непрерывной линии окопов для стрельбы в полный профиль, с заграждениями из колючей проволоки [3, с.32]. Всё это позволяло большевикам надеяться на длительную оборону города.

31 августа части первого Добровольческого корпуса переходят в наступление с задачей овладеть Курском [2, с.29]. Первый Корниловский Ударный полк движется по центральному направлению, вдоль железной дороги под прикрытием бронепоездов: тяжёлого «Иоанн Калита», лёгких «Генерал Корнилов», «Офицер». Заняты сёла Нагольное и Старо-Черёмышное. Контратаки красных не увенчались успехом [4, с.50]. Второй полк продвигается к селу Башкатово, отступая, противник ведёт артиллерийский и пулемётный огонь. Ночью в плен были взяты несколько групп красноармейцев отставших от основных сил [6, с.290].

Согласно диспозиции на 4 сентября по Корниловской Ударной бригаде, войскам надлежало закрепиться по линии хутора Аненков и станции Солнцево. Выполняя поставленную задачу, первый полк с боем занял деревню Красноярка и хутор Аненков. Дальнейшее продвижение Корниловцев красные попытались задержать конной атакой, успехом она не увенчалась [7, с.91].

В селе Медвенский Колодень было собрано командование Корниловской бригады для рекогносцировки позиций красных у города. Полковник Пешня получил приказ вести наступление вдоль железной дороги Харьков-Курск силами двух полков. Второй полк капитана Пашкевича усиленный батальоном первого полка и сводным батальоном 80-го пехотного Кабардинского должен был нанести главный удар с юго-запада [6, с.293]. 5 сентября начинается движение частей на указанные позиции. Перед наступлением пехоты, дивизионы гаубичной и лёгкой артиллерии провели обстрел позиций красных. Завязываются ожесточённый бой у хутора Селихова. К вечеру второй полк прорвался через укрепления противника и подходит к окраинам Курска. Дальнейшее наступление прекратилось ввиду наступившей темноты, бригада заняла оборону на подступах к городу [5, с. 129]. Утром седьмого сентября батальон первого полка при поддержке 1-й батареи генерала Маркова с боем вошёл в город, в это время бронепоезд «Офицер» занял станцию Курск. Продвигаясь вглубь города, стало ясно, что все силы красной армии были скрытно из него выведены. Бросив при этом, большое количество снаряжения, амуниции и продовольствия. [7, с.92]

Ограничиться только приёмом добровольцев в связи с расширением театра и ожесточением боевых действий Белая армия не могла. В конце октября 1919 года на территории Курской губернии была объявлена мобилизация офицеров в возрасте до 50 лет и «...лиц, занимающихся хлебопашеством» 1895-1898 гг. рождения. [9]. В соответствии с распоряжением Главнокомандующего ВСЮР и приказом командира 1-го Армейского корпуса от 5(18) октября 1919 г. № 283 Курский уездный военный начальник полковник Моисеев объ-

явил о призыве на службу в части Добровольческой армии мобилизованным порядком всех военнообязанных, проживающих в городе Курске и уезде. [10, л.7]

К их числу относились: 1. Штаб-офицеры до 50 лет включительно; 2. Обер-офицеры, юнкера, гардемарины, вольноопределяющиеся в возрасте до 43 лет; 3. Состоящие за штатом кадровые военные врачи в возрасте до 50 лет;

4. Ветеринарные врачи и фельдшера (до 43 лет); 5. Все фармацевты и фельдшера в возрасте до 43 лет; 6. Все чиновники военного времени в возрасте от 20 до 34 лет включительно. Аналогичные распоряжения поступили и в другие уезды губернии, занятые денкинцами 6 октября 1919 года. [10, л.2]

После Курской наступательной операции в полки начинают прибывать эшелоны с пополнением, все потери, полученные в ходе летних и осенних боёв, были полностью восстановлены. Офицерская рота второго полка разрослась до батальона, численностью в 750 человек. [5, с.302]

Выйдя на марш и продвигаясь к московской дороге, третий Ударный полк получил приказ присоединиться к бригаде и с 11 сентября 1919 г. на фронте начинает действовать Корниловская Ударная дивизия. В командование дивизией вступил полковник Скоблин, своим заместителем он назначил полковника Пешня, а руководство первым полком было поручено полковнику Гордиенко [6, с.32].

Таким составом продолжилось дальнейшее движение Корниловцев. 12 сентября без боя занимает город Фатеж, продолжается движение по линии железной дороги на Орёл под прикрытием трёх бронепоездов [5, с.133]. После поражения под Курском, силы большевики не оказывали серьёзного сопротивления продвигающейся вперёд Добровольческой Армии вплоть до Малоархангельска. Только на этом рубеже красные решились остановить продвижение Ударной дивизии. Упорные бои с 55-й стрелковой советской дивизией, обороняющей город, ведутся вплоть до 20 сентября [6, с.327]. Это была последняя серьёзная попытка задержать Добровольческую армию. Однако поставленную задачу красная стрелковая дивизия не выполнила, её остатки отошли с занимаемых позиций и до подхода к Орлу большевики не оказали серьёзного сопротивления армии Май-Маевского.

Подводя итог боевых действий Корниловских Ударных частей на территории Курской губернии, стоит сказать, что все без исключения, воинские соединения находились постоянно на острие наступления армии, в этих сражениях получил боевое крещение второй Ударный полк. Моральное состояние солдат находилось на высоком уровне. Подход эшелонов с пополнениями взамен потерь, понесённых в наступлениях, благоприятно сказывалось на общем боевом духе.

В виду успешности действий каждого из полков, руководством штаба Добровольческой армии было принято решение объединить их в одну дивизию. Слияние Корниловских частей воедино, повысило их боевые характеристики. Правильность этого решения подтвердили успехи в наступательной операции под Курском. В скором времени, бригада была переформирована в дивизию, получив в свой состав третий Ударный полк. К моменту начала Орлово-Кромской операции Корниловские Ударные части стали самым боеспособным соединением в рядах Добровольческой армии.

Источники и литература

1. Какурин Н. Е. Вацетис И. И. Гражданская война 1918-1921 гг. СПб., 2002.
2. Зинкевич М. М. Основание и путь Добровольческой армии. София, 1930.
3. Деникин А. И. Очерки Русской смуты. Т.5. Париж, 1921.
4. Издание Объединения Чинов Корниловского Ударного Полка. Корниловцы 1917 – 10 июля-1967. Юбилейная памятка. Париж, 1967.
5. Критский М. А. Корниловский Ударный полк. Париж, 1936.
6. Левитов М. Н. Корниловский Ударный полк 1917-1967. Париж 1974
7. Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 годов. Париж, 1964
8. Гончаренко В. Г. Тайны белого движения. Победы и поражения 1918-1922 годы. М., 2004.
9. Россия. Курск, 1919. 5 ноября
10. Государственный архив Курской области. Ф. Р-1010. Оп.1 Д. 152

ВОПЛОЩЕНИЕ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ ПО ЛИКВИДАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

На протяжении всего периода существования Советской России, ее идеология содержала антирелигиозную, атеистическую направленность. На практике, в разные периоды времени, реализация антирелигиозной политики проходила с разной степенью интенсивности, порой, даже сходя на нет. Наибольшей активностью антирелигиозная направленность советской политики, проводимой большевиками, отличалась в первые годы советской власти.

Практически сразу после прихода к власти большевики начали проводить агрессивную антирелигиозную борьбу. Главный удар в данном направлении наносился по Русской православной церкви, религиозной организации на протяжении веков, занимающей господствующее положение в стране. Советские и партийные лидеры государства надеялись на скорейшее уничтожении православной церкви. В.И. Ленин выказывал надежду на то, что уже поколение людей, рожденное при советской власти будет жить в без религиозном обществе.

20 января 1918 г. был принят основополагающий документ для проведения антирелигиозной работы, вошедший в историю под названием декрет «об отделении церкви от государства и школы от церкви». По декрету РПЦ, как и другие религиозные организации, лишались не только всей своей собственности, но и всех прав юридических лиц. На практике власти пошли на много дальше принципов декларируемых собственным законодательством. Для борьбы с церковью стали использоваться все возможные средства, вплоть до террора по отношению к духовенству и активным верующим мирянам.

Первыми под удар антирелигиозной борьбы попали православные святыни, в том числе монастыри, являющиеся духовными столпами православия и объектом почитания миллионов верующих. Наступление на монастыри шло по двум направлениям. Это, во-первых, террор по отношению к монашествующим, и, во-вторых, действия по ликвидации монастырей как религиозной, православной структуры.

В силу границ объема публикации, рассмотрим действия представителей властей по отношению к монастырям в рамках второго направления.

Первые шаги, направленные на ущемление прав монастырей, проявились сразу же после прихода к власти большевиков. Выражались они в явном попустительстве бандитским выходам против монастырей. Новые власти сами еще не имели достаточно сил для закрытия православных обителей и выражали свою позицию игнорированием актов насилия над монашествующими. Так, 28 декабря 1917 г. в Белгородскую Николаевскую пустынь из соседней деревни Горналя явилось человек 40 вооруженных солдат и граждан. Эти «богомольцы» рассчитали всех монастырских рабочих, а сами по март 1918 г. остались здесь жить на монастырском довольствии, предварительно назначив из своей среды комиссара обители [8, с.79.]. Наказания виновных органами советской власти так и не последовало. Приведенный пример можно охарактеризовать как характерные для того периода времени.

Более широкомасштабное наступление на монастыри началось во 2-й половине 1918 г., после опубликования инструкции НКЮ от 24 августа, разъяснявшей методы проведения в жизнь положений декрета СНК от 20 января 1918 г. Власти, как в центре, так и на местах,

повели линию на ликвидацию православных обителей.

В этой связи стоит обратить внимание на социальный состав монашествующих, т.к. монахи постоянно причислялись к эксплуататорским классам, пораженных новой властью в гражданских правах. Классовую принадлежность монахов можно проследить на примере таблицы, составленной на основе послужных списков за 1919-1921 гг. иноков 7 мужских монастырей Курской губернии.

Представленные данные по губернии не отражают всей сложившейся картины из-за плохой сохранности архивных фондов (в полном объеме представлены только послужные списки монахов Белгородского Свято-Троицкого и Рыльского Николаевского монастырей), но на их основе можно проанализировать существующую ситуацию, в общем.

Таблица 1

**Сословная принадлежность монашествующих монастырей
 Курской епархии*.**

Сословная принадлежность до принятия монашества	Количество монахов
Из крестьян	63
Из мещан	1
Из казаков	10
Из церковнослужителей	4
Из солдатских детей	9
Из прочих сословий	—

* Таблица составлена автором на основе материалов: ГАКО, ф. 750, оп 2 л., д. 6, 27.

Как видим, в большей части монашествующие являлись выходцами из крестьянства, незначительную часть составляли представители других, называемых большевиками «не-эксплуататорских» сословий. Видимо, в среде монашества были и представители дворянских фамилий, купечества, но их процент был незначительным, почти нулевым.

К осени 1918 г. монастыри были лишены практически всей движимой и недвижимой собственности. Процессу национализации были подвергнуты склады, мельницы, и др. хозяйственные или промышленные постройки, находящиеся вне приделов обителей.

Монастыри и их представители навсегда потеряли право голоса при защите своих интересов. На положение монахов, сугубо религиозное положение монастырей власти старались не обращать внимание. Например, в городе Курске келейник епископа Феофана вступил в Красную армию, но жить остался в монастыре, куда спокойно пронесил спиртные напитки, приглашал друзей и т.п. Монастырские власти не могли его выселить со своей территории [3, л. 117.].

Однако, несмотря на стремление к полной ликвидации монастырей, из-за противодействия верующих, представители ликвидационных органов часто не могли полностью ликвидировать обители. Так, в 1919 г. большинство монастырей Курской губернии были объявлены национализированными, но все 12 обителей продолжали функционировать до 1922 г.

Наиболее распространенной в губерниях Центральной России стала практика частичного использования монастырей советскими учреждениями для своих нужд. Для примера стоит отметить общие черты антицерковной борьбы в соседних регионах. Так, в Саровской Пустыни Тамбовской губернии, кроме монахов, размещались правление совхоза, детские дома Унаробраз, богадельня Собеса, леском с рабочими, контора строящихся железнодорожных цехов [7, л. 11]. В Воронежской губернии в Скитовский монастырь, было вселено небольшое количество посторонних людей.

В Коренной пустыни, в местечке Свобода Курской губернии, в части монастырских помещений, была расквартирована воинская часть и военный госпиталь [4, л.188]. В Знаменском монастыре города Курска часть построек была отведена для размещения караульной команды и отдыха коммунистов, прибывающих с фронта. Тогда же в коридоре одного из корпусов был повешен портрет Ленина. Двор обители стал постоянно использоваться для проведения митингов, на которых нередко звучали призывы о том, что надо «перерезать все духовенство, как белое, так и монашество» [4, л. 14].

Несколько раз в течение 1918-1919 г. оказывался под угрозой закрытия Курский женский монастырь. Однако пока было реквизировано пять монастырских корпусов, в которых разместили приют социального обеспечения (для мальчиков 8-18 лет), общежитие, интернат и убежище для пострадавших от контрреволюции [4, л. 14]. При всем выше перечисленном монахини были обязаны платить арендную плату за использование оставшихся помещений для собственных нужд. В кассу Горисполкома монашествовавшие в 1918 г. внесли 12000 рублей за период с 13 декабря по 13 мая 1919 г., а 24 июня 1919 г. монастырские помещения были вновь сданы на год в аренду монахиням [4, л. 14].

В Обоянском Знаменском мужском монастыре из 2 существующих корпусов главный с февраля 1921 г. занял лагерь принудительных работ. Это накладывало заметное воздействие на жизнь монахов, ибо администрация лагеря закрыла главный соборный и теплый храмы, действующие с 1730 и 1720 гг., соответственно [5, л. 1]. Заключенными же оказались испорчены почти все хозяйственные постройки (сарай, конюшня, ледник) и один из двух небольшой одноэтажный дом. Погребом под вторым корпусом и кухней одновременно пользовались монахи и лагерь принудительных работ [5, л. 14], что являлось причиной некоторых конфликтов.

Для закрытия монастырей использовались всевозможные поводы, вплоть до фальсификации фактов. Так, осенью 1921 г. было принято решение Белгородского уездного исполнительного комитета о закрытии женского Рождества-Богородицкого монастыря в городе Белгороде. 7 октября названное решение было одобрено Курским Губисполкомом [6, л. 245], а 20 мая утверждено на заседании ВЦИК [6, л. 246]. 16 мая 1922 г. белгородский уисполком предложил монахиням выселиться из монастыря в 3-х дневный срок, при этом монахиням не было предъявлено никакого постановления, по которому производилось бы выселение [6, л. 250].

Формальным поводом для выселения был объявлен острый жилищный вопрос, возникший из-за наплыва переселенцев из голодных районов Поволжья. На самом же деле проблема с жильем в Белгороде не стояла столь остро. К тому же в кельи каждой монахини, как отмечалось в отчете об обследовании монастыря уполномоченной местного Комунхоза т. Ивановой, к тому времени уже проживало от 3 до 5 человек, подселенных

решением властей [6, л. 252]. Всего в обители проживало около 200 чел., подселенных по ордерам, и около 300 монахинь.

Но, несмотря на все вышесказанное, монахини все-таки отстаивали право на существование своей обители. Тогда в 1923 г. представители Белгородского УИКа в местной прессе заявили, что в монастыре наблюдаются разврат и преступления. На этом основании 1-го сентября 1923 г. без расследования названных обстоятельств в суде было принято постановление о закрытии монастыря. Курский Губисполком при этом рекомендовал белгородским властям для поддержки общественного мнения монастырские церкви передать верующим. Последнее должно было демонстрировать населению стремление властей к законности в религиозном вопросе, а не попытку наступления на церковь [6, л. 235].

В рамках гонений на монастыри единственным выходом, позволяющим монашествующим спасти свои обители от полного закрытия, стала возможность их регистрации как трудовых артелей. Последнее, плюс ко всему, еще могло обеспечить монахов средствами к существованию. Подобные идеи нашли поддержку в Москве, в лице В. Д. Бонч-Бруевича, который был сторонником существования и развития религиозных трудовых коммун в монастырях. Однако в большинстве случаев органы власти (и не только местные) отвечали отказом на подобные просьбы монахов и монахинь [1, с.111-112]. На этом пути перед монашествующими вставала масса проблем, артели могли отказать в регистрации по любому поводу. Во-первых, артель не могла состоять из лиц одного пола и только из монахов, что естественно противоречило монастырским уставам. Во-вторых, артелью не мог руководить монашествующий.

Однако, даже если все вышеназванные условия и соблюдались со стороны братии, то местные власти не спешили с регистрацией или обеспечением условий для нормального функционирования трудовой артели. Так, Путивльская Сафрониевская пустынь в 1919 г. приняла статус трудовой артели, причем из 168 ее членов монашествующих было 120 человек. Получения же земли, необходимой для ведения хозяйства, и официального признания артели монахи, смогли добиться только в 1921 г. [2, л.3.]

Трудовой артели Сафрониевской пустыни пришлось заново восстанавливать свое хозяйство, т.к. все внемонастырские постройки и земли были конфискованы [2, л.46]. Однако монастырь только своими усилиями вновь смог стать на ноги. В аренду были взяты бывшие монастырские постройки или предприятия [2, лл.53,60]. Начав с нуля, монастырская артель в 1922 г. уже имела 24 головы рогатого скота, 2 пары волов, 6 лошадей и более 1000 пудов хлеба [2, л. 141].

Рост хозяйственного благосостояния монастыря не мог стать стабильным, т.к. власти постоянно ставили препоны нормальному функционированию обители. Так, в мае 1921 г. уездвоенком попытался призвать в тыловое ополчение 26 наиболее трудоспособных монахов, еще 22 человека в любой момент также могли оказаться в числе призывников [2, л.36]. А 15 июня 1922 г. Путивльский уисполком постановил распустить артель, монастырские постройки передать под детский городок для детей из Поволжья [2, л.83].

Еще одно человеческое несчастье стало использоваться для борьбы с монастырями. Местные власти в 1922 г. стали много говорить о необходимости свободных помещений для расселения людей, приехавших из районов, пораженных голодом. Монастыри оказались, по мнению органов советской власти, наиболее подходящими для их использова-

ния под расселение голодающих с Поволжья. Причем о необходимости выселения монашествующих и занятия их келий под жилье говорили даже там, где люди из пораженных голодом районов в большом количестве так никогда и не появились.

16 апреля 1922 г. Курским губисполкомам был издан приказ № 100, который оговаривал местности в губернии, в которых в первую очередь было необходимо расселить детей с Поволжья. Среди них оказались названными Коренная пустынь, где предполагалось разместить 400 детей, в Путивльском уезде, Глинский и Сафрониевский монастыри, – по 600 детей, в Белгородском уезде, Белгородской монастырь, – 350 детей, в Белгородском мужском монастыре – 250 детей [2, л.141].

Этот приказ и послужил поводом для закрытия Сафрониевой пустыни, хотя в нем не содержалось указаний к закрытию монастырей. Не смогли монахи добиться отмены решений уисполкома и в Москве, куда было 20 июня 1922 г. направлена делегация из 3 человек [2, л.153]. Отклонил все просьбы монахов о сохранении построек монастыря в ведении трудовой артели и Путивльский уездисполком [2, л.139]. Уездные власти аргументировали свое решение еще и тем, что якобы артель состоит только из монашествующих, хотя на самом деле в ней работало 48 человек, не имеющих никаких церковных должностей или санов. В уставе же был пункт, позволяющий быть членом артели любому человеку без различия пола и веры [2, л.146].

В создавшейся ситуации помощь Сафрониевой пустыни смогли оказать только такие же обездоленные обители. Глинский мужской монастырь, расположенный здесь же, в Путивльском уезде, согласился принять 80 монахов. Правда, настоятель последнего заранее предупредил, что еды и одежды на их содержание нет, поэтому монахи должны были привезти ее с собой. Стоит отметить, что в Глинской пустыни также были поселены дети из Поволжья. Оставшуюся часть монашествующих Сафрониевой пустыни предполагалось переселить в Путивльский мужской монастырь [2, л.140].

Моментальной ликвидации православных обителей не произошло только по одной причине. Местное население не собиралось отказываться от веры. И своим поведением показало, что готово даже ценой вооруженного сопротивления защищать свои святыни. Власти, как в центре, так и на местах, к народным бунтам на религиозной почве оказались не готовы. Однако судьба монастырей, все равно, была уже предрешена. Полная ликвидация обителей стала лишь вопросом времени.

Источники и литература

1. Алексеев В. А. *Иллюзия и догмы: взаимоотношения Советского государства и религии.* М., 1991. 400 с.
2. ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 22.
3. ГА РФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 519.
4. ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170.
5. ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 253.
6. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 396.
7. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1, д. 476.
8. *Хроника с мест//Курский епархиальный вестник.* 1918. № 4.

**ЭВАКУАЦИЯ И РЕЭВАКУЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО СКОТА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ:
ПРОБЛЕМЫ, ТРУДНОСТИ, ИТОГИ.
1941 – 1943 гг.**

22 июня 1941 г. фашистская Германия неожиданно, без объявления войны, напала на СССР. Используя временные преимущества, германская армия, несмотря на героическое сопротивление приграничных советских войск, прорвала в ряде мест нашу оборону и начала ускоренное продвижение в глубь нашей страны.

Перед советским государством встали чрезвычайной сложности задачи, среди которых была и задача эвакуации скота как важного продовольственного ресурса Красной Армии. В первую очередь эвакуировали животных из западных областей Советского Союза, которым грозила опасность быть временно оккупированными гитлеровцами. Через территорию Курской области проходили маршруты прогона скота из Украинской, Белорусской ССР и частично Орловской области. С 11 июля по 1 сентября 1941 г. через западную границу Курской области прошло 475 094 голов скота, в т.ч. 26 688 лошадей, 229 997 голов овец и 4484 голов свиней.

К 1 сентября на территории Курской области на отдыхе, в ходу и на карантине еще находилось 319 416 голов скота, в т.ч. 16 933 лошадей, 152 173 голов крупного рогатого скота (КРС), 164 964 овец и 2856 свиней. К тому же, на длительной передержке в колхозах Курской области находилась еще 132 441 голова скота, в т.ч. 7421 лошадь, 53 385 голов КРС, 69750 овец и 1885 свиней, размещенных по плану Наркомата земледелия СССР еще в июле 1941 г. Этот скот уже поднимался для направления к постоянному месту размещения [1, с. 140-141].

Что касается Курской области, то по указанию Государственного Комитета Оборона (ГКО), ее общественный скот при эвакуации был направлен в Западно – Казахстанскую область Казахской ССР. Однако в пути перехода скота маршруты были изменены, и скот Курской области предлагалось разместить на временную передержку, кроме Западно – Казахстанской области, в Воронежской, Саратовской, Сталинградской, Пензенской и Тамбовской областях [2, л. 26].

Для организации прогона скота, по примерным подсчетам, в среднем ежедневно участвовало: 58 районов области, 9700 человек колхозников, 140 зооветработников, 100-150 подвод. Первые гурты скота из западных областей были довольно хорошей упитанности. Но, начиная с 23 июля скот начал поступать больной ящуром, слабый и истощенный, в результате чего значительное количество животных в пути следования пало или было прирезано. В качестве мер борьбы с ящуром была произведена смена маршрутов перегона, но она должного эффекта не дала. Мало того, к 1 сентября появление ящура было установлено в 51 районе самой Курской области, где было поражено 1158 пунктов с поголовьем в 58 262 животных. На ликвидацию ящура были направлены значительные силы и средства, в пораженных ящуром районах пришлось организовывать карантинные пункты [3, с.141-142].

По положению Государственного Комитета Оборона, скот эвакуированных областей должен был сопровождаться до постоянного места размещения вместе с колхозниками – владельцами этого скота. Колхозники с семьями и специалисты, сопровождающие скот, должны оставаться там, где скот будет размещен. На самом же деле с первых дней эвакуации

ации на территорию Курской области скот стал поступать безнадзорный. В итоге пункты приема: Микояновка, Уразово, Волконовка, Грайворон, Суджа, Крупец, Рыльск – приняли более 200 000 голов бесхозного скота. Нередки были случаи, когда скот пригоняли в г. Курск и тут же его бросали, не оставляя никаких документов. В этих условиях приходилось брать тысячи колхозников Курской области и сопровождать скот дальше.

Некоторые не чистые на руку люди воспользовались таким положением, в области начало появляться мародерство: меняли коров на водку, на телят, просто крали, покупали за деньги и т.п. Официально был зарегистрирован 71 такой случай. Удалось обратно изъять у обменявших, купивших и укравших 37 голов скота [4, с. 142-143.]. Все это затрудняло эвакуацию скота самой Курской области, к границам которой стремительно приближались гитлеровские орды.

Учитывая это, 25 августа 1941 г. облисполком направил всем председателям райисполкомов письмо за № 539сс с правилами, утвержденными Государственным Комитетом Обороны, о порядке эвакуации скота из колхозов, совхозов и других государственных организаций из прифронтной полосы. 8 сентября было дано указание шести, а через несколько дней еще семи районам северо-западной части области об эвакуации скота в колхозах.

Эвакуация скота районов проходила последовательно пять очередей, начиная с западных и кончая восточными. Она началась 9 сентября и была окончена 15-20 ноября 1941 г. Для эвакуации скота в каждый район были посланы специалисты и ответственные работники областного земельного отдела, представители обкома партии и облисполкома, которые по мере подъема скота колхозов находились в районе почти безвыездно [5, л. 1]. Наряду с областными уполномоченными, районные и сельские исполкомы также выделили ответственных лиц за эвакуацию скота по районам и сельсоветам и продвижению его к месту размещения, а колхозы – старших проводников из числа заведующих фермами и бригады гонщиков.

Казалось, что все было предусмотрено, чтобы своевременно и организовано эвакуировать колхозный скот в тыловые районы страны. Однако ряд обстоятельств осложнили реализацию намеченных планов. Как уже отмечалось, в Курской области было размещено на длительную передержку до 300 000 голов скота западных областей Союза. Его эвакуация потребовала большого количества колхозников. К тому же, в 57 районах области свирепствовал ящур, занесенный эвакуированным из Украины скотом в июле 1941 г. Все это не давало возможности одновременно организовать подъем скота из колхозов и районов. Во многих районах приходилось проводить эвакуацию скота в пять и более приемов.

Положение осложнялось еще и тем, что из 349 688 голов крупного рогатого скота колхозов 108 389 голов телят имели возраст более года, а 165 857 голов – отела 1941 г. Ясно, что они не были приспособлены к длительным переходам [6, л. 1-2]. Из 498 347 голов овец было свыше 200 000 ягнят 1941 г. окота, а из 307 302 голов свиней к моменту эвакуации насчитывалось около 170 000 поросят рождения первого и второго полугодия 1941 г. [7, л. 2-3].

Поэтому с учетом указания Наркомзема СССР свиньи, кролики и птица сдавались в счет мясопоставок 1941 и 1942 гг. для снабжения частей Красной Армии и использования на другие государственные нужды [8, с. 136]. При сложившихся исключительно тяжелых климатических условиях и наличии эпизоотии ящура в Курской области значительную часть молодняка КРС и овец также вынуждены были сдать на мясокомбинаты.

Осложнилась и организация бригад для сопровождения скота к месту его размещения в связи с тем, что военкоматы во время его эвакуации мобилизовали все мужское население, в том числе и многих специалистов. В этих условиях обеспечить бригады надежными гонщиками представляло большую трудность, и многие колхозы выделили для сопровождения скота малолетних гонщиков и стариков.

В таком составе гонщики, при первых затруднениях в перегоне, бросали скот на произвол судьбы, либо раздавали его в пути кому попало, запасаясь лишь какой-нибудь бумажкой, а часто и без нее. Встречались и такие случаи, когда неподготовленные гонщики нередко поддавались различным провокационным слухам. Так, под Курском колхозники Хомутовского, Конышевского и Дмитриевского районов бросили около 5000 голов скота, потому что им кто-то сказал, что г. Курск занят немцами и гнать скот дальше некуда.

За счет несерьезного подбора гонщиков в целом ряде районов надлежит отнести большое количество злоупотреблений – продажа, обмен и просто хищение скота в пути следования. Так, старший проводник Бурыкин из колхоза им. Буденного Беловского района получил 426 голов скота, а до Старооскольского района догнал лишь 43 головы и сбежал. Пять колхозов Бобровского сельсовета Рыльского района эвакуировали под ответственность члена сельского исполкома А.Ф. Рухлина 22 лошади, 161 голову КРС и 392 овцы, а сдано им на длительную передержку в колхозы Воронежской области только 40 голов КРС и 106 овец. Остальной скот был растерян [9, л. 2-3].

Некоторые районы допускали явные нарушения правил перегона скота, утвержденных ГКО, выделяя гонщиков только до соседнего района. Это привело к массовому оставлению скота на произвол судьбы. Так, в Медвенском районе скопилось до 10 000 голов скота, брошенного временными гонщиками Большесолдатского района, в Мантуровском – около 28 000 голов скота, брошенного гонщиками Солнцевского района. Все это приводило к неоправданным потерям скота и различным злоупотреблениям со стороны мародеров. Полный провал получился и с посылкой семей вместе с сопровождающими скот колхозниками. Их выехало очень мало.

Не была должным образом организована отчетность за эвакуируемым поголовьем и большим скотом, а также молодняком. Немало скота пало при его движении через Курскую и Воронежскую области. Все это в первый период эвакуации скота привело к недоучету эвакуируемого и особенно сдаваемого на мясо поголовья животных по области. Нередко заключительные итоги по эвакуации скота составлялись руководителями многих районов после эвакуации района и областного руководства в Старом Осколе, в большинстве случаев по заметкам и по памяти, без наличия подлинных документов о «расходах» скота [10, л. 4-5].

Каковы итоги эвакуации общественного скота колхозов Курской области? До эвакуации молочно-товарные фермы колхозов имели 349 688 голов крупного рогатого скота; поднято из районов для эвакуации 244 124 головы КРС. 56 613 голов сдано в Заготскот в порядке выбраковки и в счет мясопоставок 1941 – 1942 гг. 42 001 голова КРС забита в колхозах при проведении оборонительных работ, роздано на трудодни и т.п., 6019 голов пало в период эвакуации и 935 животных осталось в колхозах.

На овцефермах в колхозах до гитлеровского нашествия числилось 498 347 голов овец. Из них поднято на эвакуацию 427 344 голов, сдано в Заготскот 23 268, забито в колхозах и во время эвакуации – 44 085 овец, по пути следования пало 3399 голов и осталось в колхозах 251 овца.

До войны в колхозах Курской области выращивалось 307 302 головы свиней. В виду непригодности свиней к длительному перегону было принято решение все свиноголовье забить на мясо. 74 789 поросят продано колхозникам и роздано по трудодням.

По данным районов, из почти 700 000 голов птицы за время эвакуации передано Птицепрому и Заготскоту 332 000 голов, продано и роздано колхозникам 320 000 голов.

Что касается поголовья лошадей, то в первую очередь эвакуировался молодняк до трех-летнего возраста. Часть лошадей ушла для обслуживания гуртов, а рабочие лошади оставались в районах для выполнения хозяйственных работ и угонялись из района при непосредственной угрозе его захвата противником. Указание по эвакуации рабочих лошадей и волов давались командованием воинских частей.

В результате проведенного областным земельным отделом оперативного учета по эвакуации лошадей были получены следующие данные. На 1 июня 1941 г. в колхозах области числилось 348 132 лошадей, в том числе 154 437 голов молодняка. Из взрослых лошадей передано для нужд Красной Армии 98 302, поднято в районах для направления вглубь страны 187 853 лошади. С 1 июля по 15 ноября 1941 г. пало в пути следования 7033 и осталось в колхозах 54 944 голов, из них 37 193 оказались во временно занятых врагом 45 районах. Из-за безответственности районных земельных органов во многих районах колхозники разобрали значительное количество лошадей по дворам.

В результате проведенных по заданию Курского обкома ВКП(б) и облисполкома мероприятий по выявлению, сбору, изъятию присвоенных лошадей по состоянию на 1 января 1942 г. имели в 24-х незанятых врагом районах около 40 000 лошадей, вместо 17 751, числившихся по данным официальной отчетности районов по эвакуации лошадей. Все лошади племенных ферм, во главе с Госплемрассадником рысистых лошадей и государственной племенной конюшни, были своевременно и полностью эвакуированы в тыл страны.

Необходимо также отметить, что учет скота, прошедшего в Воронежскую область, был сорван ввиду одновременной эвакуации скота из восточных районов Курской области и смежных с ней западных районов Воронежской области и из - за преждевременного свертывания работы приемно-сдаточных пунктов Воронежской области. [11, л. 5-7].

В 1942 г была предпринята попытка уточнить количество эвакуированного общественного скота Курской области и его нахождение на передержке. По этим данным на 1 июня 1942 г. из 131 600 лошадей, эвакуированных из Курской области, на передержке в других областях (Воронежской, Саратовской, Сталинградской, Тамбовской, Пензенской и Западноказахстанской) находилось 27 372, из 138 000 эвакуированных голов КРС – соответственно 23 600 голов, овец из 288 500-33 000 голов [12, л. 26].

Из выше приведенных данных мы видим значительный разрыв между эвакуированным скотом и оставленным на передержку в других областях – лошадей на 104 288 голов, КРС на 114 400, овец на 255 500 голов. Этот разрыв произошел за счет: сдачи скота Красной Армии, заготовительным организациям, падежа и других потерь в пути следования. [13, л. 27].

Итак, основная часть колхозного скота Курской области была эвакуирована в 1941 г. Но его немало еще оставалось в восточных районах области. Скот не эвакуировали, так как советское командование было уверено, что в 1942 г. оно удержит сложившуюся к весне этого года ситуацию под своим контролем. Однако начавшееся весной-летом успешное наступление фашистов потребовало от Курского обкома партии 24 июня 1942 г. принять

решение об эвакуации. Однако из-за быстрого продвижения гитлеровцев полностью осуществить эвакуацию не удалось [14, л. 171]. Но часть животных все же удалось в срочном порядке эвакуировать: лошадей – 21 155, КРС – 2 516 голов, овец – 25 262 голов [15, л. 100].

Даже если не считать эвакуированных животных в конце июня – в июле 1942 г., Курская область должна была вернуть себе тот скот, который оставался на передержке в других областях к июню 1942 г. Судя по приведенным выше данным, в область следовало возвратить 27 372 лошади, 23 600 голов КРС и 33 000 голов овец. Однако в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» были названы иные цифры. В соответствии с указанным постановлением в область планировалось возвратить 2529 голов крупного рогатого скота, 5492 головы овец и коз и 1182 лошади, в том числе из Тамбовской области – соответственно 1721, 2467 и 829; Саратовской – 80, 365 и 151; Сталинградской – 728, 2660 и 202 [16, с. 66].

В чем причины такого положения с возвратом скота в Курскую область? Как отмечал первый секретарь Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронин на XII пленуме обкома партии (05.09.1943 г.), накануне принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по предложению И.В. Сталина в Кремль были приглашены секретари обкомов партии, освобожденных от немецкой оккупации областей, перед которыми была поставлена задача приступить к восстановлению народного хозяйства, не дожидаясь окончания войны. В этих целях при участии местных партийных и советских органов и было разработано указанное постановление [17, л. 5]. С документами в руках надо было доказать, каков ущерб был нанесен области, каково количество скота и где находилось на передержке. Вероятно, таких документов у руководителей Курской области на руках не было.

Как уже отмечалось, скот из области эвакуировали старики и подростки, которые в редких случаях оставляли его на перегонах и возвращались домой, а те, кто догонял скот до места назначения, не всегда оформляли надлежащие документы. К тому же, в связи с военными действиями и оккупацией области гитлеровцами, многие документы о сдаче животных на передержку в колхозах не сохранились, а организации восточных областей, где был размещен скот Курской области, не имели учета о размещении скота и его количестве. В некоторых случаях они просто укрывали поступивший к ним эвакуированный скот [18, л. 30].

Такую ситуацию учитывали в ходе подготовки постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. В постановлении Наркомзем СССР с участием представителей областей, освобожденных от немецкой оккупации, к 15 сентября 1943 г. обязывались проверить по областям, передерживавших животных, количества скота, поступившего на передержку, израсходование его, наличие скота на август 1943 г. и определить, какое количество скота дополнительно должно быть возвращено в колхозы, из которых он был эвакуирован. В этих целях Наркомзем СССР и местные органы власти призваны были командировать во все области, где находился на передержке эвакуированный скот, своих уполномоченных.

На Наркомзем СССР, с участием местных советских и партийных органов, возлагалась обязанность определение трасс перегона скота и обеспечение в пути его перегона кормами, водопоями, ветеринарно-зоотехническим обслуживанием и организация переправ скота через реки [19, с. 67-69]. Местным государственным и партийным органам рекомен-

довалось подготовить все необходимое для приемки скота, обеспечения его кормами и надлежащим помещением.

Для руководства делом восстановления хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, и контроля за выполнением решений правительства при СНК СССР был создан Комитет в составе: Г.М. Маленков – председатель Комитета, А.И. Микоян, Н.А. Вознесенский и А.А. Андреев [20, с. 104].

28 августа 1943 г. бюро Курского обкома ВКП(б) обсудило вопрос «О мерах по выполнению постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» и приняло решение с целью возврата колхозам эвакуированного скота командировать в области передержки скота своих уполномоченных, возложив на них ответственность за выявление до 15 сентября 1943 г. всего эвакуированного скота из колхозов Курской области и организацию возврата его в Курскую область.

Бюро обкома партии также обязало заведующего областным земельным отделом А.С. Горшелева, секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов в срок до 5 сентября произвести документальную проверку сданного на передержку эвакуированного скота из колхозов в восточные области. При отсутствии документов количество и место сдачи скота рекомендовалось установить при помощи бывших гонщиков скота, оформив это актами, которые следовало доставить в облисполком лично заведующими райЗО не позднее 7 сентября.

Секретари райкомов партии и председатели райисполкомов обязывались в срок до 1 сентября направить гуртовщиков, гонщиков скота и доярок для перегона эвакуируемого скота из восточных областей СССР согласно приложению 1. В соответствии с этим приложением в Сталинградскую область направлялось 453 человека, Саратовскую – 114, Тамбовскую – 470. Одновременно были утверждены пункты приема возвращаемого из эвакуации скота и маршруты следования скота по районам области. Таковыми пунктами приема были: Касторенский район – Краснодолинский сельсовет; Старооскольский район – Обуховский сельсовет; Новооскольский район – Ст. Безгинский сельсовет.

Определены и маршруты перегона скота. Первый маршрут проходил через Касторенский, Октябрьский, Черемисиновский, Советский, Щигровский и Свободинский районы. Второй – через Старооскольский, Боброводворский, Скороднянский, Прохоровский, Обоянский и далее по своим районам. Третий маршрут прогона скота пролегал через Новооскольский, Великомихайловский, Корочанский, Белгородский, Томаровский районы и далее по своим районам. По маршруту 1 скот следовал из Тамбовской, Орловской и Воронежской областей; по маршруту 2 – из Саратовской, Пензенской и Западно – Казахстанской областей; по маршруту 3 – из Сталинградской и южной части Западно – Казахстанской областей.

Одновременно бюро приняло решение созвать XII пленум обкома ВКП(б), на котором рекомендовалось обсудить постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» и наметить конкретные мероприятия по его реализации [21, л. 192-193, 206-207; л. 27-28].

Такой пленум состоялся 5-6 сентября 1943 г., на котором с докладом о выполнении

решений СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» выступил первый секретарь Курского обкома партии П.И. Доронин. Он вновь обратил внимание партийных и советских органов области на необходимость еще раз вернуться к учету эвакуированного скота, найти достоверные документы, уточнить, где находится скот, сколько его, кто гнал, кого и куда послать, как обеспечить его кормами. «Необходимо всем понять, что возвращение скота, – говорил П.И. Доронин, – это важное и очень большое дело для партийных организаций, колхозников и области. Надо стремиться вернуть и одну корову или лошадь, если знаешь, где она находится» [22, л. 10об.].

В результате повторной проверки установлено более полное количество эвакуированного скота, подтвержденного подлинными документами и документами, составленными со слов гонщиков, сдавших скот на временную передержку. Анализируя эти данные, мы увидим существенное расхождение между этими данными. Так, всего было выявлено лошадей, находящихся на передержке в других областях, 34 222 голов, а по подлинным документам – 1707, КРС – соответственно 50 362 и 8668 голов, овец – 84 118 и 11 756 голов [23, л. 11].

Естественно, количество сданного скота, не подтвержденного соответствующими актами, получить не было никакой надежды. И тем не менее, со всеми этими документами представитель Курской области выехал в Наркомат Земледелия СССР для разрешения вопроса дополнительного возврата скота. Как сообщил по телефону представитель области, НКЗ СССР дал указания Воронежскому областному земельному отделу к 1 ноября 1943 г. учесть наличие скота Курской области в количестве 3 806 лошадей, 8 704 голов КРС и 12 730 овец, сданных на временную передержку колхозам Воронежской области [24, л. 11; 8]. Однако это указание не было выполнено.

Возвращаемый скот приходилось буквально «выбивать» с большим трудом. Условия его перегона были также довольно сложными. По пути следования пало 4 лошади, 16 овец; забито, как не способных к передвижению, 10 овец. По Тамбовской области были случаи передачи коров в возрасте от 12 лет и старше. Скот, как правило, передавали слабой упитанности. Так, в Щигровском районе из 70 полученных лошадей 30 оказались истощенными. Весь табун прибыл без ветеринарного освидетельствования. 88 голов КРС оказались больны ящуром. Их сразу пришлось изолировать. Весь поступивший скот из Тамбовской, Саратовской и Сталинградской областей прибыл в Курскую область без документов, подтверждающих владельцев скота [25, л. 7; 10]. Возвратить животных из других областей не удалось.

Выступая на областном совещании партийного актива 4 декабря 1943 г., первый секретарь Курского обкома партии П.И. Доронин говорил, что весь скот, эвакуированный в Воронежскую область, ушел на снабжение Красной Армии и мы его уже не получим [26, л. 36].

27 октября 1943 г. Комитет при СНК СССР заслушал отчеты первого секретаря Курского обкома партии П.И. Доронина и председателя облисполкома В.В. Волчкова о выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» и отметил, что за два прошедших месяца после принятия постановления в области проведена значительная работа

по восстановлению хозяйства, разрушенного немецкими оккупантами. Выполнен полностью и план возврата эвакуированного скота [27, с. 218].

Достоверные сведения о реэвакуации скота в Курскую область приведены в отчете Комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, о выполнении Курской областью постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. по состоянию на 1 января 1944 г. Так, планировалось поставить в область 2 529 голов КРС, а поставлено 2 610, лошадей – соответственно 1 182 и 1 102, овец и коз – 5 492 и 5 532 [28, с.579].

Итак, накануне фашистского нашествия на нашу Родину колхозы Курской области нарастили значительное количество скота. Однако за период временной немецкой оккупации они по существу лишились этих богатств, созданных тяжелым упорным трудом тружениками сельского хозяйства. То, что было возвращено из эвакуации, составляло мизерный процент от того поголовья скота, которым располагали коллективные хозяйства до войны.

Причины этого очевидны. Значительная часть скота была передана на продовольственные нужды Красной Армии. Определенная часть его была потеряна при перегоне в восточные области страны или просто разворована в пути следования вследствие того, что погонщиками скота, из – за мобилизации мужчин в армию, оказались старики и подростки. Не получив необходимого продовольствия, теплой одежды, денежных средств, они нередко оставляли животных на перегонах и возвращались домой без документов о сдаче скота другим организациям. Не всегда ответственно подходили к учету скота и партийные, и советские, и земельные органы областей, принимавших на передержку животных. Чем, кстати, пользовались и колхозы, и недобросовестные колхозники, присваивая скот себе или выполняя за счет его свои планы мясопоставок. Какая-то часть скота попала в руки врага. Как бы то ни было, после освобождения Курской области от фашистских захватчиков колхозам пришлось заново возрождать животноводство, по существу, с нуля.

Источники и литература

1. *Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Ч. 1. Сб. док. Курск, 2002. 272 с.*
2. ГАОПИ КО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 2996.
3. *Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Ч. 1. Сб. док. Курск, 2002. 272 с.*
4. *Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Ч. 1. Сб. док. Курск, 2002. 272 с.*
5. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3130.
6. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3130.
7. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3130.
8. *Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Ч. 1. Сб. док. Курск, 2002. 272 с.*
9. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3110.
10. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3110.

11. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3110.
12. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2966; Д. 2907.
13. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2966.
14. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2850.
15. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2850.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (СМ. далее – КПСС в резолюциях...). Изд. 8-е, доп. и исправленное. Т. 6. М., 1971. 527 с.
17. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2907.
18. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2966.
19. КПСС в резолюциях... Изд. 8-е, доп. и исправленное. Т. 6. М., 1971. 527 с.
20. КПСС в резолюциях... Изд. 8-е, доп. и исправленное. Т. 6. М., 1971. 527 с.
21. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2924; Д. 2926.
22. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2907.
23. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3124.
24. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3124; Д. 2955.
25. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2955; Д. 3124.
26. ГАОПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2948.
27. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Сб. док. в 2-х тт. Т. 2. Курск, 1962. 643 с.
28. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945. Сб. док. в 2 –х тт. Т. 2. Курск, 1962. 643 с.

ВОССОЗДАНИЕ И БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.

Победа под Сталинградом и поражение немецко-итальянских войск на Среднем Дону в корне изменили военно-стратегическую обстановку, инициатива необратимо переходила к Красной Армии, что позволило нашему командованию провести ряд наступательных операций на огромном участке фронта, в том числе на воронежском направлении, и в конечном итоге перейти от стратегической обороны к стратегическому наступлению в войне. [1, с.152-166].

В ходе этого наступления территория Курской области снова стала ареной военных действий. Войска Воронежского фронта (командующий генерал-полковник Ф.И. Голиков) в период с 13 по 27 января 1943 г. провели Острогожско-Россошанскую наступательную операцию. В ее ходе началось освобождение Курской области. 19 января были освобождены районные центры Курской области в ее юго-восточной части: г. Валуйки, ст. Уразово.

После освобождения Курска советские войска продолжали развивать наступление. С 11 февраля части 60-й армии начали новую наступательную операцию – Льговско-Рыльскую. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, они к концу февраля подошли к г. Льгову. В шестидневных боях за город сопротивление противника было сломлено, и 3 марта Льгов был освобожден. Продолжая наступление, советские воины освободили 9 марта районный центр – железнодорожную станцию Коренево, вышли в восточному берегу р. Сейм, подошли к г. Рыльску.

В течение февраля-марта 1943 г. части Красной Армии освободили районные центры Фатеж (7 февраля 1943 г.), Поныри, Золотухино, Дмитриев, Обоянь (полностью город освобожден утром 9 февраля 1943 г.), Суджа (4 марта 1943 г.) и др. К концу марта 1943 г., когда завершилось зимнее наступление Красной Армии, почти вся территория Курской области была освобождена. Линия фронта на территории области сформировалась в виде выступа, обращенного на Запад. Южный фас выступа образовался к 25 марта 1943 г. после того как советские войска остановили контрнаступление вражеских войск, начавшееся еще во второй половине февраля 1943 г. В ходе этого контрнаступления немцы снова захватили Харьков 15 марта 1943 г., а 18 марта – Белгород и попытались овладеть г. Обоянью, чтобы затем выйти к Курску и захватить его.

Северный фас сформировался к 21 марта 1943 г. в ходе наступления войск Центрального фронта (образован 15 февраля 1943 г. на базе упраздненного Донского фронта) в то же время, но при других обстоятельствах: на севере наши войска наступали, на юге отразили контрнаступление вражеских войск, провели Харьковскую оборонительную операцию (4-25 марта 1943 г.) [4, с.101-102].

Зимой 1943 г. в деятельности истребительных батальонов Курской области начинается новый этап. Это было время наступления Красной Армии и изгнания врага, когда на освобожденной территории восстанавливались государственные и партийные органы, занявшиеся в том числе и организацией истребительных батальонов. Следует отметить, что расформирование истребительных батальонов было временной мерой, вызванной сложившейся обстановкой, и через некоторое время батальоны планировалось воссоздать, учитывая возможности освобождения в ближайшее время районов Курской области от немецко-фашистских оккупантов. Оккупационный режим фашистов на территории об-

ласти продолжался от 7 (в восточных районах) до 23 (в юго-западных районах) месяцев [7, с.17]. Создание батальонов планировалось уже в январе 1943 г., так как штаб истребительных батальонов был сохранен, из 9 человек оставлено 4 (зам. начальника и 3 инструктора), остальной же личный состав штаба нарядам центра был отрекомендован в особые органы [5, л.42].

В качестве руководства штаб истребительных батальонов НКВД СССР требовал использовать директиву заместителя Наркома внутренних дел СССР И.А. Серова № 1612 от 16 декабря 1941 г. В ней указывалось: «В очищаемых от захватчиков районах восстанавливать истребительные батальоны за счет ранее действовавших на территории партизанских отрядов, возвращавшегося эвакуированного населения и частично за счет местных жителей, не покидавших свой район в период его оккупации и, безусловно, положительно проявивших себя в отношении Советской власти. Помимо ранее поставленных приказом НКВД № 00804 задач восстановленные истребительные батальоны должны участвовать в организации охраны и поддержания революционного порядка в населенных пунктах, а также оказывать помощь РО НКВД в очистке районов от предательского и антисоветского элемента» [8, с.269].

После освобождения районов Курской области и прибытия туда работников НКВД там начали формироваться истребительные батальоны. Уже в течение февраля – марта 1943 г. они включились в работу по задержанию немецких эшеленников, уголовных и преступных элементов.

По мере освобождения Курской области от противника Управлением НКВД в освобожденные районы командировались оперативные группы, куда включались работники штаба истребительных батальонов, оказывавшие помощь в формировании и налаживании деятельности батальонов на освобожденной территории. В каждом районе проводились показательные занятия с бойцами. В течение 1943 г. работники штаба Курской области 127 раз выезжали на места для проверки батальонов и оказания помощи комсоставу в приведении их в боевую готовность. При этом внимание уделялось широкому кругу вопросов – формированию групп содействия, укреплению дисциплины, организации боевой и политической подготовки.

19 марта 1943 г. начальником Курского областного Управления НКВД был издан приказ № 0010 о формировании истребительных батальонов в районах области и двух – в городе Курске (в Дзержинском и Ленинском районах, с привлечением в них трудящихся Сталинского и Кировского районов). Уже к началу мая было организовано 34 батальона численностью 2 303 бойца [6, л.22].

Проходивший в начале апреля 1943 г. X пленум Курского обкома ВКП(б) обязал все партийные и советские организации в числе других мер уделить особое внимание созданию в районах и селах истребительных батальонов и отрядов по охране порядка и борьбе с возможными воздушными десантами противника, а также указал на необходимость развернуть вместе с органами НКВД, прокуратуры, военкоматами решительную борьбу с дезертирством, шпионажем и обеспечить в освобожденных районах строгий государственный порядок [3, л.3 об.].

Большую опасность представляли вражеские парашютисты-диверсанты. После специальной подготовки они группами и в одиночку засылались на нашу территорию. Нередко они оказывались в руках сотрудников «Смерша», НКВД, бойцов истребительных батальонов.

Факты заброски на территорию региона парашютистов противника фиксировались в документах неоднократно. Например, в Ястребовском регионе Курской области 28 – 30 июля с самолетов было сброшено шесть парашютистов, которые имели задание совершить диверсионные акты и вывести из строя только что построенную железнодорожную линию Старый Оскол – Ржава [2, л.59-60].

В ночь с 15 на 16 августа 1943 г. был сброшен десант в Черемисиновском районе в количестве 6 человек диверсионной группы, из которой один 16 августа в 2 часа ночи явился в райвоенкомат, откуда был направлен в РК ВКП(б). Срочно на место высадки выехали начальник РО НКГБ Мазуров, секретарь РК ВКП(б) И.Д. Казаков и зам. начальника РО НКВД Приклонский в сопровождении истребительного батальона. На месте выброски были обнаружены парашюты и взрывчатые вещества для подрыва мостов и полотна железной дороги. Истребительный батальон был направлен на прочесывание леса, но безрезультатно. Информация была сообщена в Советский район, в Орловскую область железнодорожному батальону по охране мостов и полотна. 17 августа в колхоз им. Крупской, Ново-Савинского сельсовета явился второй диверсант, который тоже был доставлен в органы РО НКВД [2, л.56-57].

Нередки были случаи приземления на советскую территорию экипажей подбитых советской истребительной авиацией и зенитной артиллерией самолетов противника.

В дальнейшем штабом была составлена 100-часовая программа занятий по боевой и политической подготовке бойцов истребительных батальонов, рассчитанная на пятимесячный срок обучения, с июня по октябрь 1943 г. (предусматривались занятия по тактике, огневой, строевой подготовке, материальной части оружия). Вместе с методическими и организационными указаниями программа была разослана всем батальонам, им было также направлено около полутора тысяч экземпляров различной военно-учебной литературы (ее недостаток, впрочем, по-прежнему был острым: не хватало боевых и строевых уставов, наставлений по стрелковому делу и т.д.). В мае – июне были организованы кустовые совещания командиров истребительных батальонов, где речь в основном шла также о боевой и политической учебе, методике проведения занятий и организации их учета [5, л.33-33 об.].

Анализируя картину оперативно-служебной деятельности истребительных батальонов, следует помнить, что она включала в себя решение целого комплекса задач. В рамках второго периода войны, с учетом специфики региона и своеобразия момента, они уточняются и конкретизируются в целом ряде документов.

Какова же была результативность оперативно-служебной деятельности истребительных батальонов? Хорошие показатели, как уже отмечалось, имелись там, где по-настоящему поняли задачи истребительных батальонов и правильно организовали их работу исходя из конкретной оперативной обстановки в районе. Так, по Курской области за период с апреля по декабрь 1943 г. наибольшее количество задержаний было проведено Щигровским истребительным батальоном – 385, Пристенским – 305, Льговским – 289, Великомихайловским – 222, Волоконовским – 206, Поныровским – 199 [5, л. 32 об.]. В целом же по области за этот период в ходе проведения мероприятий с участием бойцов истребительных батальонов было задержано 7 928 человек, в том числе 7 вражеских парашютистов, 17 летчиков с подбитых немецких самолетов, 32 бандита и их пособника, 91 пособник немцев, 182 бежав-

ших из лагерей военнопленных, 210 уголовников, 678 нарушителей режима военного времени, 758 спекулянтов, 1 470 дезертиров из Красной Армии и уклонившихся от военной службы, 596 дезертиров с оборонных работ, 3 873 не имевших установленных документов и подозрительных. [5, л.32].

При этом 155 человек было задержано членами групп содействия или по их данным (наилучшие показатели были у групп содействия Ленинского района – задержано 17 дезертиров и 2 предателя, Новооскольского района – 4 дезертира и 28 человек, не имевших установленных документов, Большетроицкого – 8 дезертиров и 18 не имевших документов и подозрительных) [5, л.33].

Таким образом, исходя из проанализированного и приведенного в статье архивного материала, мы можем сделать вывод, что истребительные батальоны Курской области внесли свой вклад в укрепление и охрану тыла Красной Армии в 1943 г., что было немаловажно в период сражений, предопределивших победный исход войны.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга вторая. Перелом. М., 1998. 206 с.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАО-ПИКО). Ф. П.1. Оп. 1. Д. 2851.
3. ГАОПИКО. Ф. П.1. Оп. 1. Д. 2897.
4. Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд., дополненное. Курск, 1999. 151 с.
5. Исследовательский центр Управления внутренних дел Курской области (ИЦ УВД КО). Ф. 38. Оп. 1.Д. 7.
6. ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1.Д. 8.
7. Шевелев А.В. Разведывательные, полицейские и пропагандистские формирования оккупационных властей на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Курск, 2004. 24 с.
8. Яценко К.В. Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: дис. ... док.ист. наук. М., 2003. 478 с.

Ю.В. Озеров

ДОМ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО В г. КУРСКЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

В исследовании жизненного пути преподобного Серафима Саровского одним из актуальных вопросов является проблема определения места нахождения его родного дома в г. Курске.

По данному вопросу существуют различные точки зрения. Первая из них, представленная в житии святого, утверждает, что дом купцов Машниных, откуда происходил подвижник, находился на улице Сергиевской (ныне М. Горького) «в близком соседстве с храмом Преподобного Сергия» [1, с. 7]. Вторая точка зрения была высказана в 1903 г. и принадлежит внучатому племяннику преподобного – Василию Николаевичу Бочарову. Она ориентирует нахождение дома вблизи Сергиево-Казанского собора у юго-восточной оконечности ограды [2, с. 12]. Третью версию предложил исследователь жизни святого Серафима, автор ряда научных работ, посвященных преподобному – Валентин Александрович Степашкин из г. Сарова. В своем поиске он выдвинул утверждение, что дом Машниных располагался на отрезке улицы Кодринской (иначе Кондыревской, ныне Димитрова) между Чикинской (ныне Ватутина) и Золотой [3, с. 71].

Так как последнее предположение опирается на архивные документы, проверим его и разберем аргументы. В своей книге автор указывает на то, что дом Машниных находился в Ильинском приходе «на Большом переулке» [3, с. 64]. Данное обозначение «переулк» встречается в документах Российского государственного архива древних актов. Единственную доступную возможность определить расположение дома Машниных исследователь полагает через рассмотрение земельного спора матери преподобного – Агафьи Машниной с соседом Петром (Меньшим) Ишуниным. Подняв материалы разных дел по наследствам и разделам недвижимого имущества, автор, выделив цепочку соседей – хозяев дворов, сделал замечание, что во всех купчих отсутствует указание соседа по задней линии владений. По мнению В.А. Степашкина, это могло свидетельствовать о наличии болота, оврага, тупика [3, с. 65].

Главным же документом в поиске отеческого дома преподобного Серафима стало дело о разбивке г. Курска на кварталы и об отводе дворовых мест 1782 г. [4]. Оно являлось результатом работы по воплощению утвержденного императрицей Екатериной II 26 февраля 1782 г. плана города, в соответствии с которым он получил геометрически правильную планировку. Непосредственным воплотителем этой работы стал губернский землемер Иван Башилов. Среди прочего в деле имеется перечень всех дворовладельцев с показанием характера их строения и дальнейшей судьбы этого недвижимого имущества по плану – «Ведомость дворам, ныне состоящим в городе Курске на Нагорной стороне». Она построена не по алфавиту, а последовательно по месту жительства. Это позволяет соотносить курских жителей XVIII века как друг с другом, прослеживая соседей, так и со знаковыми объектами города, которые более определенно можно представить на уровне современных краеведческих знаний.

В этой «Ведомости» под № 110 находится искомый деревянный двор купца Алексея Машнина (брата будущего святого). Вместе с еще двумя – купца Василия Таратина (№ 108) и мещанина Петра Машнина (№ 109) – он должен пойти «в сломуку под улицу» [4, л. 25].

Как известно, вскоре Алексей Машнин получил усадьбу в квартале по нынешнему переулку Блинова.

Ориентиром для выявления конкретного родового места Машниных стал соседний двор № 111 купца Петра Ишунина, с которым судилась мать преподобного Агафья Фотиевна. Обозначенная «каменная полатка» Ишунина (у Степашкина в книге написана как «палата») осталась во вновь проектируемом «каменном квартале» [4, л. 25]. Для исследователя, таким образом, важным было определить, где жил этот купец, чтобы найти дом Прохора Машнина.

В том же самом деле, в его начале, есть «Регистр кто именно объявлениями для построения домов в городе Курске требует мест и планов и в каких кварталах которого № и на каких улицах». Среди ряда лиц, пожелавших устроить новые дома, значится и Петр (Меньшой) Ишунин. Со своей стороны заметим, что в «регистре» он объединен общей фигурной скобкой с купцом Федором (Меньшим) Ишуниным и купеческой вдовой Феклой Филипцовой [4, л. 17 об.]. Все они изъявили желание строиться в Кодрянской ул. (ныне Димитрова) на своих собственных местах в кварталах № 17 (ограничен современными улицами Ватутина, Димитрова, Золотой и Семеновской) и № 18 (соответственно ул. Ватутина, Ленина, Золотой и Димитрова). Отсюда В.А. Степашкин делает скорый вывод, что раз Петр Ишунин остался на своем месте, то улица, прошедшая по усадьбе Машниных, и есть ныне именующаяся Димитрова...

Для того чтобы понять, что на самом деле всё гораздо сложнее стоит задуматься: а зачем Петру Ишунину просить план на дом, если переселение ему не грозит и он остается на своем месте? Полезно задаться также вопросом, а мог ли Ишунин помимо двора с каменной палаткой, иметь еще другое владение? И наконец, почему среди соседей Машниных и Ишуниных в той части «Ведомости», где они выявляются автором, среди прочих жителей Нагорной стороны, не фигурирует Фекла Филипцова?

Ответы на эти вопросы дает все тот же подворный источник 1782 г. В нем под №№ 912, 914 и 915 мы находим соответственно имена купцов Ивана Филипцева, Петра и Федора Ишуниных [4, л. 40]. Все они показаны как владельцы садов. При этом фигурируют в той части списка жителей, которые проживают в районе ул. Княжей Береговой (одна из немногих указанных улиц), т.е. нынешней Семеновской, идущей параллельно Кодрянской (Димитрова). Таким образом, именно они и являются просителями мест и планов в кварталах № 17 и 18.

Вероятно, что Фекла Филипцова, как наследница и правопреемница Ивана Филипцева (окончания этих фамилий могли писаться по-разному), а также ее соседи Ишунины, пожелали на территории бывших своих садов, по которым пролегали новые кварталы, построить дома, чтобы закрепить за собой эти участки. А Петр Ишунин совершенно очевидно, что, помимо известного двора с каменной палаткой, имел и другое недвижимое имущество, послужившее ошибочно для В.А. Степашкина ориентиром для привязки к нему дома Машниных, отнеся его на нынешнюю улицу Димитрова. Главным фактом против версии Валентина Александровича является то, что кварталы № 17 и 18 по плану 1782 г. отнесены к деревянным, в то время как искомый двор Петра Ишунина находился в квартале каменном [5]. Ошибочное определение места обесмыслило вплоть до отрицания известный сюжет жития преподобного о движении крестного хода во время ливня и неожиданном проходе чрез двор Машниных.

Обратимся теперь к первым двум версиям относительно возможного нахождения дома Машниных вблизи Сергиево-Казанского собора. Они явно противоречат факту принадлежности этой семьи к Ильинскому приходу. О специфике расположения дворов в XVIII веке служащий Курской Казенной палаты Григорий Бочаров отмечал, что «дома с их усадьбами сидели кучками у каждой церкви, почему и ревизские сказки (1, 2, 3 и 4 ревизий) писались по церковным приходам» [6, с. 88]. Со своей стороны заметим, что если бы собственный двор Машниных примыкал к ограде близлежащего Сергиевского храма, то совершенно нелогичным выглядела бы принадлежность этой семьи к более отдаленной церкви.

Где же все-таки мог находиться дом Прохора Машнина – будущего преподобного Серафима Саровского? Обобщим все указывающие на него обстоятельства и факты. Они следующие: 1) дом находился в Ильинском приходе; 2) выходил на некий «Большой переулок»; 3) с задней стороны двора отсутствовали соседи; 4) по данному месту в 1782 г. была проложена одна из улиц; 5) рядом находился каменный квартал с усадьбой П. Ишунина, где была «каменная палатка»; 6) двор Машниных располагался выше уровня движения одного из крестных ходов, застигнутого ливнем, когда Прохору было около десяти лет.

Для начала определим общие границы поиска места возможного жительства Машниных, опираясь на всё тот же список-ведомость дворов 1782 г. на Нагорной стороне и утвержденный план г. Курска из «Книги чертежей и рисунков» Полного собрания законов Российской Империи [7, л. 158]. Особенностью последнего является то, что на нем пунктирно зафиксирован старый план города в наложении на него отводимых новых кварталов с показанием церквей и каменных строений. Для лучшего видения важных объектов мы обработали в цвете интересующий район города в фоторедакторе.

Наш сравнительный анализ обнаружил, что описания дворов в первом источнике учитывает в своей основе деление Нагорной стороны на две полицейские части, границей между которыми выступает улица, именованная «Большой Московской перспективой» (ныне Ленина). Это разделение состоялось вследствие требований Устава благочиния 1782 г.

«Ведомость дворов» фиксирует прежнюю застройку от места будущей Красной площади и далее – к северу. Примерно до начала 600-х номеров дворов описывается первая часть города, пролегающая в сторону р. Тускарь; после – вторая, расположенная в сторону р. Кур. В самом источнике большинство новых улиц остаются безымянными. Место Машниных (№ 110), таким образом, как и в соответствии с первыми двумя версиями, располагалось в 1-й части. Зная, что двор находился рядом с проектируемым каменным кварталом, пространством поиска, судя по плану 1782 г., должна быть территория не выходящая за нынешние улицы Урицкого, Ленина, Можаявской и Володарского [5].

Сравнивая последовательность описания дворов прежних «скученных» протокварталов (т.е. поселений, группировавшихся вокруг церквей) с сеткой прокладываемых улиц и обозначенных каменных строений, а также принадлежностью к тем или иным приходам жителей по ревизским сказкам о купцах и мещанах 1782 г., мы пришли к следующему выводу [8]. Вначале губернский землемер описывал дворы от нынешней ул. Марата (бывшей Гостинной) к району Можаявской между ул. Ленина (Московской) и М. Горького (Сергиевской).

Так, после предполагаемых к постройке торговых лавок под № 37 значится каменный

дом купца Михаила Фатеева, под № 38 – купца Федора Белевцова, под № 39 – вдовы купца Настасьи Набережной. Эти владения находились, как видно из плана в другом архивном деле, в квартале нынешних улиц Ленина, Серафима Саровского, М. Горького и Марата [9, л. 13 об.-14]. На близость Ильинской церкви указывали дворы № 45 дьячка Михаила Иванова и № 48 священника Симеона, служителей данного храма [4, л. 23 об.-24]. Двор Машинных № 110, судя по всему, находился севернее отмеченных объектов.

По завершении описания будущего деревянного квартала для дворов №№ 124-142 (выходили за линию Можавской ул. – границы каменных и деревянных кварталов) автор документа возвращается снова на площадь. Отсюда характеризуется судьба пространства от нынешней улицы Урицкого между М. Горького и Володарского и далее на север. В этой части источника (от 140-х номеров и далее) упоминаются два названия новых улиц: Гостинная (ныне Марата) и Тускарская Набережная (Володарского).

Проанализируем ход нумерации в данной части списка дворов в приложении к плану города, чтобы определить приходскую принадлежность жителей. Под № 184 фигурирует двор священника девичьего монастыря Михаила Лифанова, идущий в слом под прокладку выше обозначенных двух улиц [4, л. 26об.]. Далее встречаются пять каменных строений: купца Василия Полевого (№ 191), купца Александра Котелникова (№ 202), мещанина Петра Бесходарнова (№ 208), купца Осипа Скорнякова (№ 221), купца Алексея Хлапонина (№ 232) [4, л. 26 об.-27]. На плане «дорегулярного» Курска в протоквартале Троицкого монастыря, ограниченного безымянными проулками, вероятно, как раз и нанесены именно эти пять каменных строений.

В «Ведомости дворов» также угадывается и следующий протоквартал, расположенный севернее. Он почти совпадает с отводимым пространством в ограничении нынешних улиц Уфимцева, М. Горького, Можавской и Володарского. Под № 267 здесь обозначен каменный дом купца Карпа Первышева, пожертвовавшего средства на возведение Сергиево-Казанского собора. Проложенная и названная в честь него улица (ныне Уфимцева) пролегла как раз по старой красной линии проулка, на который выходило это здание. Далее по соседству показаны дворы купцов и мещан Фатеевых, чьи потомки более чем 200 лет спустя проживают в этой местности [4, л. 28]. Знаковым является двор священника Сергиевской церкви Ивана Щелкунова (№ 286), а также каменные дома купцов Никифора (№ 293) и Алексея (№ 309) Можайкиных. Последние расположены ниже храма по левой стороне прокладываемой Можавской улицы, но в деревянном квартале [4, л. 28-28 об.]. Далее к северу в сторону Московской площади нумерация продолжается, описывая дворы в будущих деревянных кварталах, в том числе и идущие под снос.

Таким образом, к прихожанам Троицкого девичьего монастыря и Сергиевского храма относились жители, имевшие владения в пространстве примерно между современными улицами Марата, М. Горького и Володарского. Отсюда напрашивается вывод, что к Ильинскому приходу в рассматриваемых границах соответственно относилась остальная территория, т.е. к западу от зоны принадлежности дворов Троицкому и Сергиевскому приходом – между нынешними улицами Ленина и М. Горького.

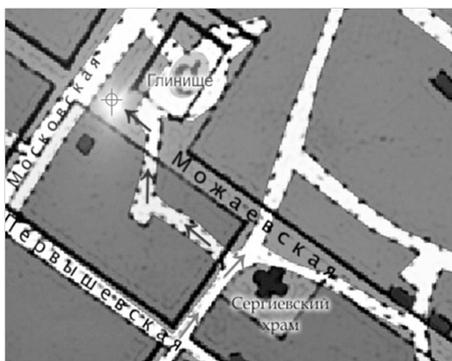
Где же здесь мог располагаться двор № 110 Алексея Машинина? Обратимся к планировке г. Курска старой и новой в наложении друг на друга. Из нее видно, что ул. Троицкая (ныне Серафима Саровского) хотя и проходит через дворы курских жителей, но они в своей нумерации здесь достигают примерно до полусотни. Улица Первышевская (ныне Уфимцева),

хоть и расположена далее к северу от Ильинского храма, но не задевает ни один из дворов. Улица Сергиевская (ныне М. Горького) в своем протяжении от угла Троицкой (ныне Серафима Саровского) до собора практически проходит по прежней дороге. И лишь одна Можаяевская улица прокладывает себе путь в месте наиболее вероятном, где могли жить Машнины.

Всмотримся в ее начало. На углу обозначена какая-то каменная постройка в соответствующем квартале (предположительно, П. Ишунина). Чуть дальше, мимо данного места от Московской дороги тянется переулок в сторону Сергиевской церкви и далее к реке. При этом по задней линии граница здешних пробиваемых дворов не имеет соседей, так как выходит на «Большую Московскую преспективу», но не на овраг, болото или тупик, как думал В.А. Степашкин.

Именно по этому переулку наверх, скорее всего и двинулся описываемый в житии преподобного Серафима крестный ход, застигнутый ливнем. Сильные потоки воды, из-за уклона местности, доставили большое неудобство богомольцам, которые двигались по будущей Сергиевской улице. Видимо, перед создаваемым величественным храмом они совершали моление на пути долгой дороги в Коренную пустынь. Нежданный ливень побудил их поскорее взойти на гребень Нагорной стороны, пройдя кратчайшим путем по переулку на Московскую дорогу через проходной двор Машниных. И именно здесь совершилось

одно из чудес исцеления 10-летнего Прохора, которого мать Агафья поспешила вынести к иконе, и затем он стал поправляться.

Близкое расположение дома от Сергиевской церкви позволило Агафье Фотиевне постоянно следить за возведением нового храма и успешно завершить начатое ее супругом строительство по подряду.

Еще одним косвенным подтверждением наиболее вероятного расположения дома Машниных в начале Можаявской улицы является близость к этому месту так называемого «озера Глинище» (находилось во дворе роддома по Ленина, 29). Это была яма, карьер, откуда когда-то добывалась глина. Наполняясь грунтовыми водами, представляя собой в летнее время болото, оно в соответствии с утвержденным Екатериной II планом города было засыпано в 1786 г. [10, с.24]. И здесь стоит отметить род промысловой деятельности Машниных. В житии преподобного Серафима говорится, что его отец владел кирпичными заводами. В.А. Степашкин в своей работе показал, что их семейное ремесло состояло в изготовлении глиняных горшков, мисок, кувшинов, крынок и прочей посуды для продажи на местном рынке [3, с.23]. Вероятно, родовое поселение и производственная деятельность удачно сочетались в условиях близости сырья и места его обработки.

Вынужденный переезд 1782 г. Алексеем Машниным воспринимался очень болезненно. В документе за 1790 г. сказано, что он лишился «самого выгоднейшего крепостного своего дворового места кое отошло под улицу и хотя на место онаго и отведено ему другое, но в самом отдаленном и неудобном месте» [11, л. 11].

Таким образом, у нас есть серьезные основания полагать начало улицы Можаявской тем местом, которое хранит в себе память о великом молитвеннике и чудотворце преподобном Серафиме Саровском.

Источники и литература.

1. [Елагин Н.В.] *Житие Преподобного отца нашего Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. М., 1904. 416 с.*
2. *Журнал торжественного заседания Курской губернской ученой архивной комиссии. 19 июля 1903 года // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Курск, 1911. Вып. I. Ч. 2. С. 10–22.*
3. Степашкин В.А. *Преподобный Серафим Саровский: История рода. Курск, 2007. 108 с.*
4. *Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 27.*
5. ГАКО. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 29.
6. Бочаров Г. *К родословной преподобного отца Серафима Саровского чудотворца // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Курск, 1911. Вып. I. Ч. 1. С. 86– 89.*
7. *Полное собрание законов Российской Империи. Книга чертежей и рисунков. СПб., 1839. Собр. первое. 416 л. планов.*
8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 108.
9. См.: ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 161.
10. *Путеводитель по городу Курску [Приложение] / Сост. А.А. Танков и Н.И. Златоверховников // Курский сборник с путеводителем по городу Курску и планом города. Курск, 1901. Вып. I. С. 3–42.*
11. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 901.

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ПОЧТЫ

Русская почта – одна из старейших в Европе. Потребность в получении известий из других местностей, стран уходит вглубь веков. Первыми почтальонами на Руси были гонцы, посылаемые с грамотами, донесениями. Позже гонцов сменили ямщики. Ямская служба возникла в период феодальной раздробленности. Значительное влияние на развитие почтовых отношений на Руси в этот период оказало господство татар, которые на некоторых дорогах на расстоянии в 30-40 верст друг от друга учреждали «ямы» – особые пункты, куда окрестное население обязано было поставлять определенное количество лошадей, провианта; оно же осуществляло и ямскую гоньбу. Каждым «ямом» заведовал ямщик, который селился на ямском дворе.

С образованием централизованного Русского государства значение ямской службы возросло: по дорогам от «яма» к «ямю» ехали ко двору великого князя, а затем и царя московского, иностранные послы. Из Москвы по этим же дорогам передвигались великокняжеские и царские воеводы и чиновники. Население выбирало для ямской службы ямских охотников – «охочих людей», которые селились при ямских дворах слободами. Позже они были зачислены в разряд людей служилых. К первой четверти XVII века относится и появление Ямской слободы в Курске.

Ямская езда была весьма дешева: за 10 и даже 20 верст платили не более 6 денег. Расстояния ямов от Москвы до других городов были перечислены в поверстной книге. Ездили достаточно быстро. Есть свидетельства, что один из служителей барона Герберштейна приехал из Новгорода в Москву за 52 часа.

17 декабря 1720 года царем Петром I был подписан Указ «Об учреждении почты в разных городах», который повелевал «до знатных городов по большим дорогам учинить ординарную почту, а именно, от Санкт-Петербурга до Москвы и до других городов»... В зависимости от важности городов почта должна была доставляться один или два раза в неделю исключительно для посылки указов и казенных бумаг. Этим же указом устанавливался весовой сбор с каждого почтового отправления: по полушке с золотника на расстоянии 735 верст от Москвы, «а ежели хоть 10 верст далее 735 верст, то имать по другой полушке с золотника». Почта должна была отправляться немедленно, «а именно, чтоб больше часа или двух часов оную не задерживать»; чтобы не было остановки при смене лошадей, ямщики, подъезжая у яму, громко свистели. На такой свист из двора тотчас выводили свежих лошадей. Продолжительные остановки при смене лошадей были недопустимы. Царь Петр I решил было сломать древнюю традицию: наряду с другими преобразованиями, по европейскому образцу, стал внедрять почтовый рожок в России, однако новшество приживалось с великим трудом. По российским дорогам по-прежнему мчались почтовые и курьерские подводы с лихим посвистом и криками: «Эй, родимые, грабят!». Почта должна была доставляться в указанные часы и под расписку. [1, ст. 3691]

Возникновение почтовых станций на территории Курской губернии, заменивших собой прежние «ямы», связано с опубликованием указа Сената от 22 февраля 1733 года «Об учреждении от Курска до Малороссийского рубежа почтовых станций», который гласил: «... от Курска до Малороссийского рубежа почту учредить и поставить на каждой станции почтовых по 3 подводы из Ямской канцелярии немедленно». Все указы и прочие пакеты из Санкт-Петербурга должны доставлять «с великим поспешением денно и ночью». [2, ст. 6332]

Отсутствие регулярного почтового сообщения между городами не лучшим образом сказывалось на решении многих дел государственной важности, поэтому 24 июля 1740 года был объявлен новый Указ «Об устройстве почт в губерниях и провинциях» [3, ст. 8182] с тем, чтобы «способы к пересылке писем всякому свободны были». С принятием этого указа не только казенные ведомства, но и частные лица могли обмениваться корреспонденцией.

При императоре Петре III на станциях стали устраивать почтовые дворы – своеобразные гостиницы с трактирами. А продавали на тех дворах «виноградные вина, полпиво, водку Гданскую и Французскую, кофе, чай и кушанье». [4, ст.11565] Существенные улучшения почтовой службы начались в годы царствования Екатерины II. Предпринятое ею в 1787г. путешествие из Санкт-Петербурга на юг России и обратно в немалой степени способствовало улучшению российских дорог. Именно в годы царствования Екатерины II были подписаны указы о составлении примерной почтовой карты всех дорог, об обязанностях лиц при отправлении почты и др.

А среди жителей слободы Ямской из уст в уста передавались рассказы о том, что когда в Ямскую слободу въехала Екатерина II, ямщики выпрягли лошадей и на себе везли императрицу по шляху верст 10. Довезли ее до конца леса Бугор. Екатерина II щедро наградила ямщиков: прислала им жалованную грамоту на землю и лес по обе стороны шляха до того места, куда ее довели. [5, с.23] Большое значение для губерний, и в частности для Курской, имел Указ от 1 марта 1781 года «Об учреждении почт для сообщения между городами уездными и губернскими». [6, ст. 15127] В указе говорилось, что генерал – губернаторы должны устроить почты «для сообщения между городами губернскими и уездными и между сими последними... во вверенных им наместничествах, следуя примеру, как таковые почты в Малой России и в Белоруссии заведены»... Следуя этому указу, в 1782 году по предложению Орловского и Курского генерал-губернатора Александра Александровича Прозоровского была учреждена в Курске губернская почта для связи с губернскими и уездными городами. [7, л.172 об.]

Через Курск и Обоянь пролегал в те времена Белгородский тракт, по которому переправлялась государственная или так называемая, генеральная почта. Из уездов к Курску почта доставлялась по трем дорогам через Обоянь: из Белгорода, Богатого, Нового Оскола; по двум дорогам через Льгов; из Суджи и из Путивля через Рыльск; через Щигры и Тим из Старого Оскола и, наконец, из Дмитриева, что на Свапе, через Фатеж. [7, л.172 об.]

Государственная почта переправлялась из Москвы по трем дорогам: по Белгородской – от Тулы к Харькову через города Мценск, Орел, Курск, Обоянь и Белгород; по Киевской дороге – от Калуги к Глухову через города Болхов, Карачев, Севск; и по Воронежской дороге – от Тулы к Воронежу через Елец. [7, л.172]

Почта доставлялась в определенные дни и часы, из Москвы в Курск, например, 2 раза в неделю по субботам и воскресеньям. Отправкой внутренней почты занимались почтмейстеры, там же, где их не было, эта обязанность возлагалась на городничих. Однако, по мнению Курского генерал-губернатора Беклешова это отвлекало последних от «настоящей их должности и дел прямого звания», поэтому он предлагал ввести в городах должность почтмейстеров или экспедиторов, или же, по крайней мере, писарей. Средства на их содержание должен был выделить Московский почтамт, в чьем ведении находился губернский почтмейстер. [7, л.175]

Для вновь учрежденных почтовых контор и экспедиций строились почтовые дома – деревянные или каменные, а зависело это во многом от того, насколько развиты были промыслы в той или иной местности и от количества людей, занимавшихся коммерцией, для которых «почта нужна была и которые взаимно и для почты более выгодны – были». Так, в Белгороде, Мценске надлежало построить «прочные каменные почтовые дома», а вот при строительстве почтовых домов в Севске, Брянске, Болхове, Ельце, Рильске, Старом Осколе необходимо было учитывать стоимость строительных материалов, рекомендовалось, впрочем, отдавать предпочтение каменным строениям. В Кромах, Ливнах, Тиме почтовые дома не предусматривались. [7, л.176] В этих городах отправка почты, как и сами лица, ею занимающиеся, находились под присмотром городничих.

Современная доставка почты во многом зависела от количества лошадей, поставляемых для её перевозки. По Московскому тракту, например, от Мценска до Курской границы на каждой станции содержалось по 12 лошадей, а по Курской губернии до Белгорода – по 16 лошадей на каждой станции. [7, л.180] В основном для перевозки почты использовались ямские лошади, за что ямщики освобождались от подушного оклада.

К началу XIX в. существовала четкая иерархическая подчиненность почтовых учреждений: высшими органами являлись почтамты, им были подчинены губернские почтмейстеры, губернским – уездные; низшей ступенью местного почтового управления были почтовые станции. К 1786 году в Курской губернии их насчитывалось 73. Император Павел I своим Указом от 27 января 1800 года [8, ст. 19255, 19399] закрепил подчиненность Курской губернии за Малороссийским почтамтом. Все дальнейшие изменения почтовой службы были связаны с проводимыми реформами начала XIX столетия.

Источники и литература

1. ПСЗ. Вып. 1. Т. 6
2. То же. Т. 9
3. То же. Т. 11
4. То же. Т. 15
5. Ефременко С.Н. Слобода Ямская г. Курска. Курск. 1928.
6. ПСЗ. Т. 21
7. Государственный архив Курской области. Ф. 26. Оп. 1. Д. 164
8. ПСЗ. Вып. 1. Т. 26

КУРСКИЕ СТРАНИЦЫ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА АКСАКОВА

Иван Сергеевич Аксаков – видный общественный деятель, один из лидеров, теоретиков и практиков славянофильского движения, русский публицист, поэт, оставивший заметный след в истории России. Он вышел из известной патриархальной и культурной семьи, в которой чтились традиции православия. Род Аксаковых был одним из самых древних аристократических родов России.

Иван Сергеевич являлся младшим сыном Сергея Тимофеевича Аксакова, замечательного русского писателя, автора небезызвестных диалогии «Семейная хроника», «Детские годы Багрова – внука», сказки «Аленький цветочек» и Ольги Семеновны Заплатиной, дочери суворовского генерал-майора Заплатина, представителя русского дворянского рода, рожденной от его брака с пленной турчанкой Игель-Сюмы из рода эмиров., не одно десятилетие владевшего землями в Курской губернии, в частности, в д. Яковлевка Обоянского уезда [8],

Родился Иван Сергеевич 26 сентября (8 октября) 1823 г. в с. Надеждино (Куроедово) Белебеевского уезда Уфимской (Оренбургской) губернии. Детские и отроческие годы он провел в Москве. Юность его прошла в Петербурге. В 1842 году Аксаков окончил Петербургское училище правоведения, после чего, не без колебаний с его стороны, поступил на службу в Московский сенат. Канцелярская служба не принесла его активной натуре, жаждущей деятельности живой, а главное, полезной, что в условиях той жизни было невозможно, никакого удовлетворения. И он, невзирая на связи отца, которые сулили ему блестящую карьеру, уезжает в провинцию.

В 1848 г. поступил на службу в Министерство внутренних дел, где много и самоотверженно служил, был назначен чиновником особых поручений, командирован в Бессарабию по делам раскольников, а затем в Ярославль для ревизии городского управления, введения единоверия и изучения секты «бегунов». К своим служебным обязанностям Аксаков относился добросовестно, много и самоотверженно работал, а донесения его начальству отличались, в первую очередь, правдивостью и грамотностью изложения.

В 1849 году был подвергнут аресту за смелое обсуждение в письмах к родным событий Французской революции и внутреннего положения России. Стихотворение «Бродяга», рассказывающее о трагической судьбе крепостного, послужило поводом к отставке И.С. Аксакова в 1852 г. Выйдя в отставку, он занялся публицистической деятельностью. В этом же году им был издан I том «Московского сборника», редактором которого являлся сам Аксаков. II том был уничтожен. Ивану Сергеевичу запретили, когда бы-то ни было, быть издателем или редактором журнала. За речь, произнесенную в Славянском комитете во время Берлинского конгресса, в которой он раскритиковал нашу дипломатию, Иван Сергеевич был выслан из Москвы и провел несколько месяцев в селе Варварино Юрьевского уезда Владимирской губернии.

В это тяжелое для него время, в 1853 г. по предложению Русского географического общества Аксаков отправился в командировку в Малороссию, где путешествовал по Украине с целью изучения и описания торговли на украинских ярмарках. Итогом этого путешествия, закончившегося в конце 1854 года, явился труд «Исследование о торговле на украинских ярмарках», который был издан географическим обществом в 1858 г., где дано описание Коренной ярмарки.

В 1855 году, в самый разгар Крымской войны, добровольно вступил в ополчение. Про- был в Бессарабии, командуя отрядом московского ополчения. Будучи казначеем дружины, представил командиру правдивый отчет, вскрывший многочисленные хищения и явив- шийся обвинительным актом всем другим - командующий не решился его подписать.

Аксаков пользовался огромным авторитетом как один из руководителей московского Славянского комитета. В годы русско-турецкой войны организовал кампанию в поддерж- ку южных славян за освобождение Болгарии от турецкого ига. С 1859 года и до самой смерти издавал целый ряд славянофильских газет и журналов: «Парус», «Пароход», «Рус- ская беседа», «День», «Москва», «Русь». В своих изданиях он бичевал ошибки внутренней и внешней политики правительства, отстаивал идеи самобытности России и славянско- го единства. Последовательно выступал против насаждения западных экономических форм.

Имя И.С. Аксакова связано и с историей нашего края. В 1854 г. он посетил Курскую губернию и оставил воспоминание об этом в своих письмах. Среди литературных произ- ведений о Курске «Письма к родным» занимают особое место. В них он описывает жизнь русской провинции. Путешествуя, Иван Сергеевич имел возможность познакомиться с жизнью многих губерний и, в частности, Курской. Все события, заинтересовавшие его эпи- зоды, впечатления, нашли свое отражение в его письмах членам семьи. В них он рассказы- вал, чем занимался, делился мыслями, обсуждал политические новости. Куда бы Аксаков ни приезжал, он всегда живо и со вниманием относился к происходящему, интересовался нравами людей, их жизнью, бытом, как веселятся, как одеваются. Именно эти характерные черты его писем дают нам возможность воссоздать картину жизни Курска того времени через его восприятие, восприятие человека весьма незаурядного. Язык Аксакова точен и ярк. Он мастерски владел словом, что позволило ему в письмах закрепить свои наблюдения. «Письма к родным» более похожи на дневниковые записи и они бесценны. Думаю, без преувеличения можно сказать, что письма его являются образцом эпистолярного творче- ства. В них мы, несомненно, чувствуем авторское отношение ко всему описываемому.

Письма к родным 1849-1856 гг. являются завершающими в семейной переписке И.С. Аксакова. Первая часть этих писем затрагивает период с 1844 по 1849 гг. Их, отпра- вленных из Курской губернии, немного, но как же они содержательны и интересны для нас, современных жителей Курска. Переписка курского периода имеет огромное значение и как краеведческий материал, включающий в себя много ценной информации.

Первые строки о Курской губернии находим в его письме от 2 июня 1854 г., написан- ном из Харькова. Собираясь в Курскую губернию, он пишет: «Курская губерния кажется отсюда уже севером, да и здесь везде называют ее Россией, и курчанина – русским, т.е. великороссом...» [6, с. 261]. Выехал он в Курск вечером 7 июня 1854 г. Первое его письмо, написанное из Коренной, датировано 14 июня 1854 г.: «Окна мои растворены; на улицах шум, гам, крики, песни, пьяные возгласы и топот пляски, словом, ярмарочный вечер в полном смысле...» [6, с.267].

Особого впечатления природа Курской губернии на него не произвела, зато поразило обилие фруктовых садов, что наблюдалось в Курской области и до последнего времени: «Растительность Курской губернии беднее харьковской: здесь не растет белая акация; но в Курской губернии она несравненно богаче московской; к тому же в Курской губернии фруктовых садов едва ли не больше, чем в Полтавской. Знаете ли вы, что лучшие фрукты

доставляются даже в Малороссию из Курской и что Курская губерния перетянула к себе всю торговлю фруктами? Я не проезжал прежде летом через Курскую губернию, и мне она понравилась. Меня приветствовали курские соловьи, знаменитые курские соловьи, хотя слава их уже начинает переходить к бердичевским...» [6, с.268].

На Курской земле, в родовом имении, в д. Яковлевка Обоянского уезда, проживала родственница Аксакова – София Алексеевна Самбурская [9, с.181; 10, с.92], племянница его матери Ольги Семеновны Аксаковой (Заплатиной) [7], ставшая женой известного живописца-жанриста Трутовского Константина Александровича, имение которого находилось в этой же деревне...» [9, с. 181; 10, с. 40, 92]. Зимой 1851 года он поселился в Яковлевке, подружился с Софьей Алексеевной, которая являлась его дальней родственницей, а вскоре и женился на ней. К Трутовским Иван Сергеевич приехал в 6 часов вечера, пробыв у них в гостях до 12 часов ночи. К утру Аксаков был уже в Курске.

Очень интересно описание Коренной ярмарки и крестного хода, предшествовавшего ей. Он был восхищен его размахом: «...Народу было столько, что голова процессии от хвоста отстояла верст на 5...» [6, с. 270]. Аксаков был не только свидетелем, но и участником крестного хода, пройдя с народом 12 верст до Каменки.

Провинциальный город понравился писателю: «Курск показался мне очень живописным...» [6, с. 269]. «...В первый раз купался в реке Сейме: очень тепла вода», – пишет он [6, с. 276].

От внимательного взгляда писателя ничего не ускользает, даже то, как одеты курские женщины. В итоге, описывая характерные черты женских нарядов и головных уборов, он делает вывод: «...Я должен признаться, что наряд Курского уезда гораздо красивее малороссийского...» [6, с.270]. Находим мы и оценку красоты курских дам и общества в целом: «...Замечательных красотой дамских лиц было очень мало. Но, впрочем, дамы еще туда и сюда и гораздо лучше кавалеров, которые – такие дурни! – щеголяли, несмотря на невыносимый жар, в суконных платях и в черных шляпах...вся эта...толпа не удостаивали меня никакого внимания или с презрением смотрела на мой пеньковый костюм...» [6, с.273].

Из этих строк можно сделать вывод, что курскому обществу были присущи высокомерие, чванство, пренебрежительное отношение к народу. Характерен для того времени эпизод с невежественной, хамовитой барыней, которая высказала вслух свое презрение к мужикам и мужичкам только за то, что ее случайно толкнули во время крестного хода.

Из писем видно, что сам Аксаков не чурался народа, стремился к общению с ним и находился в самой его гуще, он был ему интересен. Силу народа он видел в его единении, которое чувствовалось во время крестного хода: «...приятно было видеть, как чувствует себя народ дома в народном множестве...как постоянно сознает он свое братство... Когда потекла эта река народная по улицам, то, право, казалось мне, не устояла бы тут никакая французская или английская багарея...» [6, с.270].

Иван Сергеевич старался найти в народе драгоценные для славянофилов черты, но в отличие от них, идеализировавших его, Аксаков во время своих поездок не мог не видеть примеров поврежденности грехом русского духа. Вот выдержка из его письма, датированного 20 июня 1854 г.: «...Вы не можете себе и представить, как опротивели мне ярмарки! Каждая ярмарка-масленица, а масленицу я всегда терпеть не мог. Но Коренная в этом отношении хуже всех. На ярмарке русский человек считает себя как бы вне закона и гуляет напраполю... Всю ночь напралет крики и песни пьяных, пiski, визги, грубейшие шутки

и грубейший разврат со всем цинизмом, до которого русский человек охотник... Беспременно натыкаешься на безобразных пьяниц и мужского и женского пола; непрерывно раздаются в ушах ваших русские ругательства, как будто других слов и не существует для русского человека в праздник (надобно знать, что ведь это он все чувствует Богородичный праздник и на толки о переводе ярмарки в Курск отвечает, что владычица этого не потерпит!). А на улицу и ходить было страшно. Там происходил совершенный Содом! Развратнее ярмарки я не видал. Малороссы гораздо скромнее...» [6, с. 274]. А во время крестного хода он видел, как уставшим людям в одной деревне хозяйка колодца (сами крестьяне) не позволили напиться воды, если те не заплатят и людям пришлось искать ручей или лужу в поле.

В письмах находим мы и описание бытовой стороны Коренной ярмарки. Дома были деревянными и очень дороги, хотя сколочены из досок, кривые, косые и только два домика на всю Коренную каменные – для губернатора и жандармского полковника. И ни одного слово недовольства от Аксакова на отсутствие комфорта.

От своих родителей Иван Аксаков перенял ненависть к крепостничеству, ко всякому насилию, жалость, доброту и сочувствие в отношении к людям, чувство справедливости. Знакомясь с его письмами, понимаешь, насколько этот человек был лишен тщеславия, в своих поступках он руководствуется лишь благородным желанием помочь людям. Характерен эпизод, произошедший с ним во время ожидания крестного хода. Кричали кликуши, народ над ними смеялся, тыкал в них пальцами. Аксаков пишет: «...Особенно оскорбляли меня слова народа... «Вишь, как ее бес ломает! окаянная! окаянная!» [6, с.275]. Он не только помог несчастной, но и показал народу пример истинно христианского отношения к подобным людям. Гладил ее по голове, говорил ласковые слова, успокаивал как мог, пока та не затихла. Так он помог шести кликушам. Этот пример дает понять, что доброта, сострадание и любовь к людям являются отличительными чертами характера писателя.

Но, на мой взгляд, наиглавнейшей чертой его характера является равнодушие. Не равнодушие и сопричастность ко всему окружающему: жизни страны, людей. Он не боялся оставаться не равнодушным созерцателем, а борцом, смелым, открытым и честным по отношению к себе и другим человеком. Боролся со всей мерзостью, пошлостью и бессмысленностью существования. Побольше бы таких людей и жизнь давно бы приобрела другой смысл и цвет.

Удушливая, гнетущая, мерзкая атмосфера того времени чувствовалась повсеместно, в каждом уголке России, а тем более в провинции. В обществе зрело желание перемен. Аксаков видел всю пошлость и безысходность провинциального существования: «...Машенька (сестра Трутовской С.А.) теперь не скрывает, как прежде, своего глубочайшего отвращения к своему образу жизни и желания перемены...я внутри себя сознавал, что если б мне пришлось быть на их месте, то я или бы повесился или бы убежал. И это жизнь! Легче быть содержимым в темнице за железными решетками, нежели таким образом нравственно быть лишаему свободы!...» [6, с.279]. Как всякий просвещенный, умный человек, он испытывал постоянное чувство неудовлетворенности от той жизни, порядков, несвободы, которые царили в стране. «...Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело...жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, добрых малых мерзавцев, хлебосолов-взяточников, гостеприимных плутов - отцов и благодетелей взяточников!...на всей этой мерзости лежит собственно ей принадлежащий русский характер!...

Надо быть за панибрата со всяким плутом, вести кумовство со всяким негодяем, как делают все;...И негодяиэти как русские люди имеют еще то свойство, что если вы будете им платить деньги свысока, так они меньше для вас сделают, чем для другого, который их брат, дает меньше, зато им кум и приятель, одного с ними закала...» [6, с. 402]. «...Как заглянешь в нутро России, так душу обхватывает чувство безнадежности...» [6, с.284]. Эти строки позволяют нам сделать вывод об Аксакове как о человеке честном, благородном, смелом и независимом, имеющим свою точку зрения на все события, происходящие в России и мире и не боящемся ее высказывать.

Все письма Аксакова подвергались жесточайшей цензуре. Его имя было запрещено: «...Очень забавно, что в отчете Общества...все названы по фамилиям, а про меня сказано: особый исследователь отправлен для описания ярмарок и проч. Цензор не пропустил меня...Он и тогда говорил, что не пропустит без высшего разрешения...» [6, с. 263].

В Курской губернии у него, кроме официальных знакомств, знакомыми были лишь купцы, которых он весьма ценил за их трудолюбие и смекалку и считал наиболее близкими крестьянству. Губернатор Зарин Владимир Николаевич ограничился с Иваном Сергеевичем всего лишь одной официальной встречей, приняв учтиво, но сухо. Также общался он с Николаем Ивановичем Билевичем – деятельным членом статистического Комитета, товарищем Гоголя по лицу, который оставил о себе мнение как о человеке положительно умном.

24 июня он покидает Курск и уезжает в имение к Трутовским, где проводит 2 дня, 25 и 26 июня, а затем через Харьков – в Полтаву. На пути в Полтаву он посетил семейство Гоголь Марии Васильевны, в замужестве Трушковской, старшей сестры Николая Васильевича Гоголя, пообщался с ее сыном, Трушковским Николаем Павловичем, который оставил у Ивана Сергеевича хорошее мнение о себе; Григория Павловича Галагана, общественного деятеля, сторонника отмены крепостного права.

Цензура, гонения, а скоро и смерть отца, болезнь и смерть старшего брата Константина, не сумевшего пережить потерю отца - все это, несомненно, отразилось на его здоровье, подкосило его. Умер Аксаков 27 января 1886 г. от тяжелой болезни сердца и был похоронен под Москвой в Сергиевом Посаде, на территории Троице-Сергиевой Лавры, первый из мирских людей, удостоенных такой чести. Смерть его имела большой общественный резонанс не только в России, но и во всем мире, особенно в славянских странах.

После смерти Аксакова, его жена, Анна Федоровна, дочь поэта Федора Ивановича Тютчева, собрала и издала все печатное наследие, оставшееся от мужа, в том числе разобрала всю его обширную переписку, в числе которой находятся и письма к родным, подготовила ее к печати и издала. Мнений о творческом наследии Ивана Сергеевича Аксакова много и часто они резко полярны, но то, что этот человек заслуживает глубочайшего уважения и каждый, обращающийся к его творческому наследию, найдет что-то важное и злободневное для себя, думаю, не будет оспаривать никто.

Источники и литература

1. И.Н. Березин. Аксаков Иван Сергеевич // *Русский энциклопедический словарь. Т. 1, А-Аналем...СПб., [1875] С. 386-389*
2. Аксаков Иван Сергеевич // *Большая советская энциклопедия. В 30 томах.*

- Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 342.
3. Аксаковы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах. Т. 1. СПб., 1890. С. 303-306.
4. Заплатины // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах. Т. 23. СПб., 1894. С. 272.
5. Трутовский К.А. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах. Т. 67. СПб., 1902. С. 8-9.
6. И.С. Аксаков. Письма к родным (1849-1856). М.: Наука, 1994.
7. ГАКО. Ф. 68. Оп. 3. Д. 12.
8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 318. Л. 115-116, 277-278, 327-330, 525-526, 561-562, 732, 779, 819-821; Д. 434. Л. 54-60, 495-499, 501-504, 975-981; Д. 435. Л. 313-316, 491-493, 640-647, 648-652; Д. 562. Л. 197-210; Д. 810. Л. 142-150; Д. 998. Л. 106-112.
9. Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863.
10. Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду (Курской губернии). Москва, 1883-84.

МОРСКОЙ ОФИЦЕР И МЕМУАРИСТ В.И. БАРЯТИНСКИЙ

190 лет назад в семье князя Ивана Ивановича Барятинского и его супруги, графини, дочери министра иностранных дел Пруссии Марии Келлер, родился ребенок – мальчик Виктор (07.06.1823 г. - 21.05.1904 г.) [4, С. 53]. Виктор Иванович Барятинский... Чем интересен этот человек, чем запомнился он в истории России? Его детство прошло в родовом имении отца «Марьино», расположенном в с. Ивановском Льговского уезда Курской губернии. «...В наследство после смерти отца князь Иван Иванович Барятинский получил огромные земельные угодья и более тридцати тысяч крепостных в Курской, Харьковской, и Херсонской губерниях. Своей «столицей» князь определил село Ивановское Льговского уезда, где он решил построить усадьбу, названную в честь жены «Марьино»... Переселившись в имение (около 1820 г.) супруги Барятинские занялись благотворительностью: строили церкви, школы, аптеки, больницы, богадельни, учили крепостных искусствам и ремеслам...», – читаем мы в журнале «Курские епархиальные ведомости» [5, с.6].

На втором году жизни умирает отец, ребёнок остается на попечении своей матери и старшего брата – князя Александра, которые и занимаются его домашним образованием. Традиция, принятая в высшем обществе, заставила его пойти на военную службу. По окончании курса Санкт-Петербургского университета в 1841 году по собственному желанию Виктор ушел на морскую службу и вскоре мичманом поступил на Черноморский флот. Служба началась под командованием знаменитого адмирала черноморского флота Михаила Петровича Лазарева. Князь Виктор не проявляет служебного честолюбия, однако, сослуживцы видят в нем храброго и любознательного офицера.

Живя в Севастополе, а позже – в Греции, во время заграничного плавания, князь посвящал свободное от службы время археологическим поискам и первым стал производить раскопки Херсонеса Таврического в Крыму. В Афинах он определил в точности место, где должен был находиться у подножия Акрополя театр Дионисия. Только уход его судна из Греции помешал обнаружить тот культурный слой, где впоследствии известным археологом Шлиманом действительно и был найден этот театр. В настоящее время театр – достопримечательность Афин.

Во время своего путешествия по Египту Виктор Иванович делает множественные зарисовки, открывая тем самым незаурядный талант художника. Вернувшись из страны пирамид - Египта, построил яхту «Оливия» и отправился на ней в трехлетнее плавание вокруг Европы. Как человек любопытный интересовался достижениями промышленности, успехами сельского хозяйства, зная о том, что эти знания пригодятся в дальнейшем.

Закончится путешествие, и Виктор Иванович Барятинский будет назначен командиром брига «Эней». Адмирал Корнилов, один из талантливейших адмиралов Черноморского флота, укрепляя Черноморский флот, собрал в это время вокруг себя лучших офицеров, в число которых попал капитан Виктор Барятинский. А вскоре началась Крымская война. Барятинский служит флаг-офицером на пароходе «Одесса», участвуя в боях с турецкими судами «Таиф» и «Бахри» [8, с.25].

В ноябре 1853 г. одержана блистательная победа под Синопом. 12 турецких судов были разбиты силами нашей эскадры под командой одного из лучших командиров всего русского флота Павла Степановича Нахимова. Он поручил князю Барятинскому зарисовать картину жуткого боя: догорание турецкого флота с балкона флагманского корабля «Императрица Мария» [6, с.370-371]. Впоследствии знаменитый художник Айвазовский положит

эти зарисовки в основу картины о синапском сражении, находящейся в Зимнем Дворце. Об этом случае и некоторых других из эпохи Крымской войны князь рассказал в своей статье на страницах газеты «Крымский вестник» 3 декабря 1888 г. Надо сказать, что это не единственное попавшее в печать произведение, принадлежащее перу князя. Впоследствии он стал записывать свои воспоминания, которые были изданы в 1904 году.

За участие в Синопском сражении князь В.И. Барятинский был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», орденом св. Владимира 4-й степени и произведен в капитан-лейтенанты.

1854 г. англо-французско-турецкая коалиция вторглась в Крым и осадила Севастополь. В это тяжелое для страны время, Виктор Иванович находился в действующей армии под командованием вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова, вплоть до его гибели. Во время осады Севастополя он заболел тифом и был списан из армии в должности капитана 1 ранга.

Осенью 1855 г. женился на Марии Апполинарьевне Бутеновой, уехал в с. Нижние Деревеньки Льговского уезда, в одно из имений князей Барятинских, доставшееся ему по наследству. Здесь он и занялся его обустройством: возвел большой дом с оригинальной системой отопления, множество надворных построек, заложил большой парк и мн. другое. Интересно, что льговское имение Барятинского было представлено от России на Всемирной выставке в Париже и получило золотую медаль, как образцовое. Оказавшись во Льгове, В.И. Барятинский принял активное участие в жизни уезда.

В Рыльском уезде ему, как помещику принадлежали несколько сел: с. Любимовка, Обуховка и д. Успенская. В бухгалтерском расчете по выкупной сделке помещика отставного капитана 1 ранга кн. Виктора Ивановича Барятинского на 1862 г., по уставным грамотам в с. Любимовке значится 657 ревизских душ, получающих земельный надел, в с. Обуховке – 491 ревизских душ, в д. Успенской – 143 ревизские души. [1, лл.19-20]. В этих же документах находим не менее интересные сведения о выдаче разрешения на переселение крестьян князя В.И. Барятинского из д. Любимовка Рыльского уезда [2], а также деятельности старшего сына князя – Ивана в с. Нижние Деревеньки [3]. Стремясь к благополучию своих крестьян, князь Барятинский отличался качествами настоящего хозяйственника.

В 1870-1871 гг. по проекту итальянского архитектора Росси брат Владимир на территории имения построил декоративную трехъярусную башню с ведущей на смотровую площадку винтовой лестницей, получившей в народе название «Башня Шамиля». Она стала визитной карточкой г. Льгова: по легенде, здесь останавливался в качестве гостя пленный предводитель горцев Шамиль. Нельзя не сказать, что в настоящее время эта «одинокая» Башня Шамиля, оставшаяся на прежнем месте, только и напоминает нам, о тех событиях, происходивших почти полтора века назад.

В 1857 г. у князя Виктора Барятинского родился сын Иван, в 1861 г. – Виктор, затем дочери: Мария (1858 г.), Леонила (1862 г.), Ольга (1865 г.) [6, с. 371]. Передав подростку старшему сыну права на наследование имения в д. Нижние Деревеньки, Барятинский уедет в имение жены село Груновку Суджанского уезда, где ревностно займется общественными делами в качестве почетного мирового судьи и земского гласного.

Виктор Иванович Барятинский, «...будучи человеком широко образованным, любя-

щим живопись и море, книги и искусство, много путешествуя, к концу жизни собрал в своем родовом имении (в Курской губернии) весьма значительную коллекцию картин и хорошую библиотеку, вместившую 25 000 томов по истории русской армии», – напишет в биографическом очерке о Барятинском В.С. Шелехов. [7, с.372]

Последние 12 лет своей жизни, нуждаясь в теплом климате по состоянию здоровья, он провел за границей, преимущественно в Риме. Виктор Иванович Барятинский умер в Риме 21 мая 1904 г. после долголетней болезни на 81-м году жизни.

В памяти своих предков и для поколения сегодняшних дней князь, морской офицер, капитан 1 ранга Виктор Иванович Барятинский навсегда останется человеком с твердым характером и сильной волей, натурой творческой и свободолюбивой, благородные поступки которого оставили свой след в истории России навсегда. О нем словами К. Жуковского мы скажем: «Не говори с тоской: – их нет, а с благодарностию: – были!». [7, с.31]

Источники и литература

1. Госархив Курской области (далее ГАКО). Ф-68. Оп.1. Д. 472.
2. ГАКО. Ф.68. Оп.1. Д. 966.
3. ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 5058.
4. Лагутич М.С. Родословная потомков Ивана Сергеевича Барятинского. // *Курские мемуары*. Курск, 2007. № 1. С. 52–54.
5. *Курские епархиальные ведомости*. №9(28), 1992, сентябрь, 10 с.
6. Лагутич М.С. *Провинциальная хроника. Львов в истории Курского края*. Курск, 2007. 604 с.
7. *Севастополь и его славное прошлое*. С.-Петербург, 1904. 176 с.
8. Федоров С.И. *Марьино князей Барятинских*. Курск, 1994. 224 с.

УЧАСТИЕ КУРСКИХ МОНАСТЫРЕЙ В ПОИСКАХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Монастыри были не только центрами духовной жизни, но и хранителями культурных и исторических ценностей. В архивных документах сохранилось немало свидетельств о поисках подобных ценностей в хранилищах курских монастырей. Обычно поисками ценностей занимались настоятель с братией по указанию Курской духовной консистории, которая, в свою очередь, руководствовалась указами императора. До наших дней сохранилась переписка между консисторией и настоятелем Курского Коренного Рождество-Богородицкого монастыря иеромонахом Макарием по вопросу поиска в монастыре «икон древних иконописцев» [1, л.2].

По приказу императора, пожелавшего получить сведения об иконостасах и образах, имеющих историческую ценность и находящихся в монастырях без употребления, Курская духовная консистория разослала соответствующее распоряжение по курским монастырям. О результатах поисков мы можем судить по рапорту иеромонаха Макария в адрес консистории от 24 декабря 1800 г. В рапорте сообщается, что при основании монастыря и в последующие годы «царским иждивением... присланы были многие святые иконы, книги, церковная утварь и колокола» [1, л.3]. Однако, впоследствии, монастырь неоднократно подвергался разорению кочевниками, и все церковные ценности были разграблены, в связи с чем, к моменту составления рапорта, в 1800 г., в монастыре не нашлось икон, которые могли бы представлять историческую ценность.

В 1827 г., новый император – Николай I, издал указ «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные». Согласно названному указу, каждая губерния должна была предоставить сведения о наличии на ее территории древних зданий и крепостей и об их материальном состоянии. По приказу Курской духовной консистории поисками древних зданий на территории Курского Коренного Рождество-Богородицкого монастыря занялся настоятель обители архимандрит Израиль с монастырской братией. Согласно сведениям, представленным архимандритом в рапорте от 28 марта 1827 г., на территории монастыря находилось три здания, которые условно можно было отнести к категории древних зданий: 1-е – Соборная церковь во имя Рождества Богородицы, 2-е – церковь во имя Живоносного источника (на том месте, где была найдена икона Знамения Божьей Матери) и 3-е – корпус настоятельских и братских келий с двупрестольной церковью над воротами этого корпуса. [1, л.8] По признанию самого настоятеля, более древних зданий на территории монастыря обнаружено не было.

В 1829 г. по указу Курской духовной консистории, настоятель Коренной обители, архимандрит Израиль, вместе с монахами в очередной раз занимался ревизией ценностей монастыря с целью поиска «каких-либо древних знамен, оружия и доспехов». Но в этот раз поиски не увенчались успехом. В рапорте консистории архимандрит указал, что в монастыре «никаких древних знамен, оружия и доспехов не было и не имеется» [1, л.11]. Аналогичным был отчет настоятеля по поводу поисков в обители грамот, вещей, важных бумаг, которые могли бы остаться от умерших российских самодержцев и именитых вельмож.

По указу императорских особ в монастырях занимались поисками не только материальных ценностей, но и имеющих культурно-историческую ценность. Согласно документам, конца XVIII в. – первой половины XIX в. в библиотеках и архивах обителей производился розыск летописей и рукописей по истории России. Впервые монастыри Российской импе-

рии, в том числе и монастыри Курской земли, занялись поисками летописей и иных исторических документов в своих запасниках по указу императрицы Екатерины II, еще в 1791 г. По указу самодержицы руководство этими поисками было возложено на обер-прокурора, церемониймейстера императорского двора и кавалера Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, который должен был собрать сведения по всем российским монастырям об имеющихся у них летописях или других «сочинений», которые еще не были опубликованы, имеющих отношение к российской истории. Предписывалось искать подобные документы «... в лаврах и монастырях, в каждом месте». В случае нахождения указанных документов, их нужно было немедленно доставить в Синод, а затем – к императрице. Осуществлялись эти поиски для достижения благой цели – издания книг по российской истории «для пользы общества».[2, л.1]

Известно, что поиски эти имели успех. В Святейший Синод были доставлены летописи и рукописные повести по истории российской из Санкт-Петербургской, Московской, Киевской, Тобольской, Вятской, Архангельской и Костромской епархий. Однако поиски продолжались, 27 октября 1791 г. указ о поиске документов, представляющих историческую ценность, поступил в Курскую духовную консисторию. Отсюда указ был разослан в Курский Коренной монастырь - архимандриту Амвросию и строителю Авдию, вРыльский, Путивльский, Обоянский, Валуйский, Харьковский Покровский, Хотмыжский монастыри, Софрониеву и Глинскую пустынь, в семинарскую библиотеку – ректору архимандриту Василию [2, л.7].

Как свидетельствуют архивные документы, получив указ, настоятели монастырей немедленно приступили к его исполнению. Так, строитель Курского Коренного Рождество-Богородицкого монастыря иеромонах Авдий, в рапорте в Курскую духовную консисторию «О рассмотрении архива и библиотек» сообщает, что указ получен и «исполнение немедленно учинено» [2, л.8]. Но поиски оказались безуспешны, подобных документов в архивах и библиотеках Курских монастырей не оказалось.

Вскоре последовал новый указ императрицы от 11 мая 1792 г. № 953 о поисках в российских монастырях сведений и записей о знатных особах, особенно о представителях царской фамилии, «по случаю погребения их там или по другим обстоятельствам». Указ поступил в Курскую духовную консисторию и немедленно был разослан по курским монастырям. 26 июля 1792 г. из Коренного Рождество-Богородицкого монастыря пришел ответ. Иеромонах Авдий рапортовал, что во всех трех церквях обители и на кладбище были произведены поиски интересующих консисторию сведений, но «никаких надписей не отыскалось» [2, л.13].

Впоследствии по указу членов императорской фамилии Курская духовная консистория неоднократно поручала курским монастырям поиск исторических документов. Так, в 1804 г. вышел указ императора Александра I № 1712 о поиске в библиотеках русских оригинальных летописей и хронографов. В случае обнаружения названных документов, их предписывалось доставить в «Общество истории и древностей Российских», учрежденное при Московском университете. Общество было образовано для критического исследования и издания русских летописей. Поиском древностей занялся статский советник Бородин. Архивные документы сообщают, что по собственной инициативе он отправился в двухгодичную поездку по Российской империи «для изыскания и описания различных в пределах империи достопримечательностей в духовном и гражданском ведомстве имею-

щихся». В 1809 г. из г. Глухова Бороздин прибыл в Курск. Во исполнение императорского указа Курская духовная консистория 24 мая 1809 г. издала указ № 1232, которым статскому советнику Бороздину было разрешено беспрепятственно произвести поиск исторических ценностей в курских монастырях. Проведя некоторое время в Курске, Бороздин вскоре отправился в Орел. Известно, что указы консистории о розыске в обителях исторических документов были разосланы по курским монастырям. Игумен Курского Коренного Рождество-Богородицкого монастыря Макарий получил подобный указ 12 июня 1809 г. [2, л.20] Однако сведения о результатах поисков в монастыре не сохранились.

Поиски древних рукописей по истории российской интересовали многих русских императоров. Руководствуясь указом императора Николая I № 3766 от 25 июля 1838 г., Курская духовная консистория издала указ о проведении очередных поисков документов, имеющих историческую ценность в запасниках курских монастырей. На это раз предписывалось искать древние рукописи, грамоты и столбцы. Этот указ был получен архимандритом Курской Коренной Рождество-Богородицкой пустыни Паисием. По итогам поисков архимандрит направил в консисторию рапорт, в котором сообщил, что никаких рукописей, грамот и столбцов в монастыре не имеется.[2, л.21]

Подводя итог вышесказанному необходимо отметить, что монастыри Курской епархии, главным образом, Курский Коренной Рождество-Богородицкий монастырь, руководствуясь указами Курской духовной консистории и указами императорских особ, неоднократно принимали участие в поисках культурных и исторических ценностей. К сожалению, далеко не всегда поиски заканчивались успешно. Наверное, виной тому было многовековое пограничное положение Курской земли, города, сёла и обители которой не раз подвергались набегам врагов и разорению. Вероятно, именно эти обстоятельства не позволили курским обителям сохранить древние здания, древние книги, летописи и многие другие вещественные ценности, представляющие интерес для российской истории.

Источники и литература

1. Государственный архив курской области. Ф. 20. Оп. 2. Д. 23.
2. ГАКО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 50.

ЕПАРХИАЛЬНЫЙ УЧИЛИЩНЫЙ СОВЕТ И ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XXВВ.

На рубеже XIX-XX столетий Русская Православная церковь заметно активизирует свою деятельность в образовательной сфере: так, во всех 15-ти уездах Курской губернии Епархиальный училищный совет имел свои территориальные подразделения – уездные отделения. Их деятельность должна была способствовать более четкой организации системы просвещения на местах, повышению эффективности работы церковных школ региона. Уездные отделения Совета так же должны были оказывать содействие в открытии церковных школ в различных частях уезда, контролировать качество учебно-воспитательного процесса, принимать необходимые меры к материальному обеспечению школ «во всех отношениях» [4, с.435].

Как свидетельствуют многочисленные отчеты, документальные материалы, структурные подразделения Епархиального училищного совета – уездные отделения «по мере возможности исполняли свои обязательства, хотя и с неодинаковым вниманием относились к ним». Так, деятельность очень многих уездных отделений была разнообразной и многоплановой, но особенно плодотворной и успешной работой на просветительской почве в Курской губернии отличались Старооскольское и Рыльское уездные отделения Училищного совета.

Старооскольское отделение руководствовалось в своей просветительской деятельности христианскими принципами, что способствовало реальному улучшению положения церковно-приходских школ уезда, повышению их материального благосостояния, что оказывало позитивное влияние на качество учебно-воспитательного процесса в школах. Отмечая конкретные положительные результаты в деятельности отделения, его вклад в развитие народного просвещения стоит отметить, что оно за свой счет выписало из Училищного совета по относительно дешевой цене 1 000 экземпляров книг для чтения (автор – Д. Попов), тем самым решив проблему, причем, непрерывного и стабильного снабжения ими и другими учебными пособиями учащихся церковных школ, а также письменными принадлежностями уже существующие и новые школы.

Стремясь реально улучшить материальное обеспечение школ духовного ведомства уезда, Старооскольское отделение в сентябре 1891 г. вышло на уровень земского собрания с особым докладом, где был дан анализ состояния школ уезда в учебно-воспитательном и материальном отношении, а также отделение ходатайствовало перед земским собранием об ассигновании денежных средств церковным школам, в результате чего им была оказана финансовая помощь земством в размере 1 500 руб. Активная социальная деятельность Старооскольского отделения нашла яркое воплощение и в деле благотворительности, например, оказании продовольственной помощи школам по случаю неурожая [4, с.467].

Члены Старооскольского отделения принимали активное участие в местном благотворительном комитете и при содействии земского начальника А. Неверова все воспитанники церковных школ, нуждающиеся в питании, были с начала 1892 г. наравне с учащимися земских школ приняты по непосредственному покровительству благотворительного комитета: они получали горячую пищу и печеный хлеб во время учебных занятий.

Примером истинного христианского служения служит многогранная деятельность Рыльского уездного отделения Епархиального Училищного совета, направленная на развитие народного просвещения. Его образовательные усилия были связаны с повышением

эффективности в работе школ духовного ведомства. Председатель Рыльского отделения священник К. Бокадоров и другие его члены прилагали все свои усилия в этом деле, очень ответственно относились к своей работе.

Важным моментом просветительной деятельности Рыльского отделения стало открытие в Рыльске при Покровской церкви образцовой двухклассной приходской школы. Для улучшения благосостояния этого нового учебного заведения здесь была организована свечная лавка. Часто вырученных средств от реализации свечей была направлена на развитие церковно-приходских школ, функционирующих на территории уезда.

На поддержание школьной сети духовного ведомства по традиции прошлых лет отделением была ассигнована значительная сумма – 1 000 руб., а на содержание Рыльской образцовой школы – 200 руб. Благодаря плодотворной деятельности Рыльского уездного отделения к началу 1892/1893 учебного года при ней был открыт книжный склад для своевременного снабжения учебными пособиями всей церковно-школьной сети уезда; здесь же организовали продажу книг и брошюр церковно-просветительского содержания, полученных с книжного склада Епархиального Братства Преподобного Феодосия Печерского.

Рыльское отделение стремилось решить и такую непростую проблему, как обеспечение учительскими кадрами церковно-приходских школ уезда, ведь от этого фактора во многом зависело качество учебно-воспитательного процесса. Члены отделения подбирали «хороших учителей» в школы.

Как видно, деятельность уездных отделений Епархиального училищного совета носила многоплановый характер и они на практике способствовали улучшению положения церковных школ в учебно-воспитательном и материальном аспектах. В свою очередь, успешное функционирование церковно-приходской школы как структурного элемента просветительской системы Русской Православной церкви являлось важным этапом на пути к повышению уровня общей культуры и грамотности в народе, воспитание его в духе православной идеологии.

Приходское духовенство Курской епархии активно включилось в процесс создания школьной сети начального образования духовного ведомства. На территории региона, по данным за 1891/92 уч. год во многих приходах не было школ и среди причин в отношении городских приходов называлась главная – это значительное разнообразие учебных заведений для горожан, у которых была возможность выбора, а что касается сельских приходов, а именно там должны были повсеместно открываться церковно-приходские школы, то здесь ситуация была намного сложнее в социальном плане, и именно бедность крестьянского населения часто служила тормозом к открытию школы, а так же малочисленность приходов, постоянные смены священников, а ведь именно их авторитет, личная инициатива в сфере просвещения имела большое значение. Неблагоприятным фактором служило и то обстоятельство, что крестьяне не понимали важности образования, знания как непреходящей ценности для их социального благополучия и духовного развития, а так же неверный, устойчивый стереотип, будто духовенство само обязано организовывать школы, приобретать за свой счет учебные пособия, отсутствие в составе церковных причтов достаточно образованных людей.

Иногда для уже имеющихся церковных школ крестьянские общества не желали выделять финансовые средства; так, в Обоянском уезде Курской губернии деньги не отпускались даже на ремонт школ [3, с.25]. Это свидетельствует о неблагоприятном социальном

положении крестьянского населения, непонимании им необходимости развития просвещения.

Епархиальные власти постоянно проявляли заботу и контролировали все процессы, связанные с функционированием церковно-приходских школ на всем пространстве региона, принимали необходимые меры по повышению в них эффективности учебного и воспитательного процесса, и особую роль в этом важном деле отводили приходскому духовенству, обращая особое внимание на его деятельность по развитию и совершенствованию начального народного образования, где церковно-приходским школам отводилась немалая роль. Так, епископ Курский и Белгородский Иустин, обращаясь к православным пастырям Курской епархии в одном из своих выступлений, справедливо отмечал, что они должны принимать «живое участие в деле народного просвещения».

Епархиальное руководство не просто контролировало состояние учебно-воспитательного процесса в школах духовного ведомства, но и предпринимало реальные действия к его совершенствованию и качественным преобразованиям в этом направлении. Например, на основании отчета епархиального наблюдателя церковных школ за 1904/05 уч. год, епархиальные власти, обращаясь к заведующим церковно-приходских школ (это были приходские священники), указывали им на необходимость заботы об удобных помещениях для школ, а так же, и это особенно ценно, – улучшить качество учебно-воспитательной работы там, «где оно поставлено не вполне удовлетворительно», учитывая при этом огромную социальную значимость духовно-просветительного аспекта деятельности Русской Православной церкви, а также отмечалась необходимость организовывать при церковных школах религиозно-нравственные чтения, делался акцент на регулярное посещение храмов Божьих воспитанниками школ, причем не только в учебное, но и в каникулярное время; ставился вопрос о привлечении учащихся в участие в чтении и пении во время совершения церковной службы и, наконец, содействие обучению воспитанниц церковных школ рукоделию [1, л.37].

Контроль за качеством учебного и воспитательного процесса в церковных школах епархии, деятельностью учителей, духовно-нравственным состоянием воспитанников был постоянным, причем на всех уровнях, в том числе и в уездах. Особая ответственность в этом важном деле лежала непосредственно на заведующих церковно-приходскими школами, - приходских священниках. В этой связи особый интерес для нас представляет документ, хранящийся в ГАКО – письмо уездного наблюдателя священника П. Пузанова от 15 сентября 1897 г., которое было адресовано заведующему Михельпольской приходской школы (Тимский уезд), а также ее учительскому составу [2, л.32].

Здесь затрагивается довольно широкий спектр проблем, связанных с функционированием школы и деятельностью ее учителей. Наиболее сложным вопросом, достойным особого внимания, называется «учебно-воспитательное дело», которое должно быть поставлено на высоком уровне, соответствующим тем важным целям и задачам, которые ставит перед собою церковно-приходская школа как особый тип начального учебного заведения – воспитание детей в духе православной идеологии и ее духовно-нравственных принципов обучение их определенным знаниям и навыкам. Способствовать расширению общего кругозора учащихся были призваны книги для внеклассного чтения. Библиотечный фонд должен был также включать Библию на славянском языке, несколько экземпляров Евангелий, часословов и псалтырей, а также Житие святых и все выпуски «Приходской

библиотеки». Все вышеперечисленные требования, а главное – готовность и желание обеспечивать школу всем необходимым для ее полноценного функционирования, в том числе организацию в них библиотек, усиливали позиции и авторитет церковно-приходской школы как культурного центра прихода и что немаловажно, способствовало удовлетворению образовательных потребностей ее воспитанников.

Источники и литература

1. ГАКО. Ф. 792. Оп. 1. Д. 329.
2. ГАКО. Ф. 792. Оп. 1. Д. 327.
3. *Комиссия по народному образованию при Курском губернском земстве за 1901 год.* Курск, 1903.
4. *Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1891/92 уч. г.*
// Курские епархиальные ведомости. 1893. № 28. С. 435-467.

**СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В АРХИВНОЙ ЕДИНИЦЕ ХРАНЕНИЯ
(О ДЕЛЕ УЧИТЕЛЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПОЛЯКОВА)**

Фонды государственных архивов содержат большое количество материалов о деятельности государственных и местных органов власти, органов финансов и полиции, культуры и образования. Вместе с тем в архивных делах можно встретить и данные о жизни простых обывателей. Вызывает интерес дело об увольнении и восстановлении в должности учителя Головчанского училища Петра Ивановича Полякова.

В августе 1891 г. в либеральной газете «Русская жизнь» была опубликована статья о каком-то земском начальнике, отказавшему писарю в получение жалования. Как следовало из рапорта Грайворонского уездного исправника в газете «речь идет об учителе Почаевского сельского училища, бывшего прежде писарем в Солохинском волостном правлении Петре Дмитриевне Волоткине, которым действительно было заведено дело в бывшем Присутствии по крестьянским делам о неудовлетворении его жалованием по должности бывшего писаря. Автором статьи, и это можно положительно сказать, есть никто другой как учитель Петр Иванович Поляков.

Подозрение мое основано на следующих данных: Поляков единственный в уезде человек, занимающийся изданием книг для чтения в народе с разрешением цензуры; выписывает газету «Русская жизнь», и часто помещает в ней статьи, кроме него никто из жителей этой газеты через Грайворонскую почтовую контору не получает. В Головчанском училище младшим учителем состоял родной брат учителя Волоткина, более того он квартировался в одном доме с Поляковым, которому и стало хорошо известно дело об неудовлетворенном жаловании. Кроме того, пристав первого стана Русов, встретившись случайно с учителем П. Волоткиным спросил его: «Читали ли вы статейку в газете «Русская жизнь», где упоминается как будто о вашем деле?» Волоткин отвечал: «Если эта статья написана в мою пользу, то спасибо автору». На вопрос пристава об авторе он ответил, что полагает, что это Поляков, «которому известно мое дело – я ему давал копию с журнального постановления присутствия и он сильно возмущался этим делом» [1, л.1].

Вследствие такого неподобающего поведения учителя П.И. Полякова, губернатор дал распоряжение Грайворонскому уездному училищному совету о немедленном увольнении Полякова от занимаемой им должности [1, л.2], что и было безотлагательно сделано.

Однако такое положение дел было полной неожиданностью и потрясением для самого учителя П.И. Полякова, который написал письмо губернатору, которым указывает, что увольнение «как громом поразило меня и мое семейство». Поляков подчеркивает, что за все время своей службы ни словом, ни делом не сделал ничего предосудительного: «... мое направление – отдать всю жизнь на пользу Церкви, Царю и Отечеству, деятельность моя – строгое исполнение возложенных на меня начальством и обществом обязанностей: воспитывать детей в духе Православной веры, любви и преданности своему государю и Отечеству с его ныне существующими законами порядками, в этом я клялся перед Алтарем Всевышнего и могу по надобности повторить эту клятву» [1, л.13].

Учитель подчеркивает, что всей своей деятельностью старался привить в детях любовь к Родине, Царю и Православию. В качестве фактов это подтверждающих П.И. Поляков указывает: «1. Вышли из печати 15 книг и брошюр под моим авторством. Содержание этих произведений без исключений ни единой буквою не могут обличить автора не только вредное, но и бесполезное направление для церкви, царя, Отечества и властей (были положительные отзывы на них).

2. В журнале «Русский начальный учитель» за 1888-1891 гг. помещен ряд статей, обративших также на себя внимание истинно русских патриотов и в этих статьях, кроме полезного, ничего никто найти не может, т.к. в них я горячо ратую в пользу истинного патриотизма, основанного на бескорыстном и самоотверженном служении Богу, Царю, Отечеству.

3. В том же журнале за 1889 г. было напечатано письмо по поводу чудесного избавления их Императорских Величеств и Высочеств отгрозивших их драгоценным жизням опасности при крушении поезда 17 октября. Там было высказано предложение для учителей и учительниц преподнести образ святого благоверного князя Александра Невского царю, за что получил благодарность от царя, императрицы и министра народного просвещения.

4. Министерство просвещения давало премию за полезную деятельность – 30 руб.

5. В 1889 и 1890 гг. Грайворонские земские очередные собрания единогласно благодарили за энергичную деятельность в пользу просвещения народа.

6. В 1891 г. получал письменную благодарность от Грайворонской уездной земской управы за успешные занятия в школе.

7. В 1885, 1888, 1890, 1891 гг. крестьяне слободы Головчино на сельских сходах заявляли мне свою благодарность за воспитание их детей в духе православной нравственности и государственности.

8. Письменная благодарность от Грайворонского председателя дворянства за безукоризнительную деятельность.

9. Неоднократные благодарности от членов земской управы, начальства училища.

10. Никто из знающих меня ничего худого неодобрительного сказать не может». [1, л.16-17]

Такая аргументация подействовала на губернатора, который издал распоряжение о проверке дела Полякова чиновнику особых поручений Павлову.

Павлов провел специальное расследование с опросом свидетелей, в специальном отчете губернатору, в частности указывает:

1. Обиженный П.Д. Волоткин указывал, что его дело разбиралось несколько раз публично и о нем знали многие лица в Грайвороне и слободе Борисовке.

2. У Полякова есть письменное свидетельство редакции газеты «Русская жизнь», что автор статьи не он.

3. О личности Полякова даны только положительные отзывы о его поведении и педагогической деятельности от:

- члена Грайворонского уездного училищного совета А.Н. Булгакова, который характеризует его как преподавателя энергичного и любящего свое дело;

- священника Я.П. Рождественского («ничего, кроме хорошего, о его деятельности сказать не могу»);

- члена земства И.В. Попова;

- Грайворонского исправника Колочевского «учитель Поляков поведения исправного, качеств хороших, в политическом отношении ничего дурного не замечено» [1, л. 6-8 об.].

После изучения представленных материалов П.И. Поляков был восстановлен в должности.

Источники и литература

1. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3711.

КУРСКИЙ ГОРОДСКОЙ САД (СКВЕР)
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рубеж веков на первых порах не внес кардинальных изменений в существование городского сквера на Красной площади. В последние годы XIX века городским властям не удавалось найти достаточно состоятельного предпринимателя, способного организовать эффективную работу садового предприятия, сделать его прибыльной статьей дохода.

Конечно, в некоторой степени неудача определялась сильной конкуренцией Лазаретного сада, находившегося в долгосрочной аренде Общественного клуба. Крупной организации было легче нести бремя затрат по благоустройству и строительству, а так же оплате ежегодного взноса, который кстати был значительно меньше, чем аналогичный платеж за городской сквер, для нее менее чувствителен был фактор ненастной погоды, зачастую сводивший на нет все усилия арендаторов привлечь публику.

Но помимо этого городские власти вводили значительные ограничения для арендатора по взиманию входной платы. По крайней мере, с 1890 г. в контракт вносилось условие об устройстве восьми платных гуляний в сезон, сбор от которых направлялся городом на призрение бедных [1, л.189]. Эта мера, служившая, в общем-то, благим целям из-за отсутствия точной регламентации обязанностей со стороны города и прав со стороны предпринимателя приводила к тому, что сквер становился менее привлекательным объектом для потенциальных арендаторов.

Все эти обстоятельства так и не были учтены в дальнейшем, что предопределило неудачу сотрудничества, возникшего в 1901 г. в результате подписания шестилетнего договора с купцами Арутюном Ирезаевичем Ованесьянцем и Борисом Ивановичем Градовым. Смета доходов и расходов Курска на 1902 г. дает некоторое представление об условиях аренды. Ежегодная плата составляла 3 000 рублей, сохранялся пункт о восьми платных гуляниях в сезон в пользу города. Арендаторам предстояли весьма значительные затраты так как помимо взноса в городскую казну необходимо было нанимать оркестр музыки, приглашать артистов для выступлений на открытой сцене и драматическую труппу в летний театр.

Интересные сведения о работе сквера сохранились в документах курского полицмейстера. Перед открытием летнего сезона в его приказе по полиции от 30 апреля 1903 г. читаем: «В наряд в Городской сквер будут назначаться в дни, когда нет спектаклей по 2 помощника пристава; в дни же спектаклей пристав с помощником специально в театр и по окончании спектакля свободны. <...> наружный наряд у сада должен следить, чтобы по тротуару не ходили и не собирались проститутки; <...>, находящиеся в наряде обязаны отнюдь не допускать сидения публики на барьере фонтана, а также, по возможности, не допускать остановки публики по середине круга; не допускать входа в сад проституток, грязно и неопрятно одетой публики» [2, л.53].

Далее полицмейстер продолжал: «Городовые, стоящие внутри сада, по углам, должны следить, чтобы через забор сада никто не перелезал и таковых доставлять дежурным чиновникам, следить, чтобы опьяневшей публике не подавалось более спиртных напитков, пьяных же удалять из сада; следить, чтобы учащиеся не посещали буфета им не отпускались бы спиртные напитки. <...>» [2, л.53]. Поскольку вышеприведенный документ относится уже к 1903 г., то можно с уверенностью говорить, что рекомендации давались исходя из опыта предыдущего сезона.

Помимо сугубо прикладной информации о схеме поддержания общественного порядка, приказ повествует нам и о том, что не последнюю роль в популярности сквера играла широкая продажа спиртных напитков. Поэтому вполне очевидна причина распоряжения курского полицмейстера от 12 мая, сделанного по просьбам директоров Реального училища и гимназии, о запрещении входа в городской сквер во время вечерних гуляний учащихся этих учебных заведений [2, л. 6]. О том, что она была действительно необходима, свидетельствует приказ, относящийся уже к июлю: «<...> в сад допускаются пьяные и даже проститутки среднего полета, часто происходят споры пьяных доходящие иногда до драки. На фонтане снова кругом сидит публика и стоит толпами в кругу, мешая проходу, а по боковым аллеям под музыку танцуют подозрительные дамы» [2, л.121].

Не отличались высоким художественным качеством и предлагаемые публике развлечения, за что администрацию сада впоследствии не раз упрекали курские журналисты. Сезон 1903 г. оказался убыточным, о чем арендаторы и сообщали городским властям, ходатайствуя об уменьшении ежегодной платы [3, л.157]. Возможно, что это прошение было вызвано не столько понесенными потерями, сколько тем, что заложенный в смету на 1904 г. арендный платеж был увеличен на 1 200 рублей и составил в сумме 4 200 рублей [4, л. 96-97].

12 августа 1903 года доклад городской управы, излагавший просьбу А.И. Ованесьянца и наследников умершего Б.И. Градова был рассмотрен на заседании Думы. Не принимая во внимание доводы арендаторов о сильной конкуренции Общественного клуба, обосновавшегося в этом году в Пушкинском саду, Управа в своем сообщении подчеркивала тот факт, что просители умалчивают о своих значительных доходах от субаренды [3, л.157]. Фактически обвинив предпринимателей в неумении вести дела и поставив под сомнение утверждение об убыточности окончившегося сезона, управа высказалась против уменьшения арендной платы [3, л.157]. На основании доводов последней было принято постановление оставить арендную плату в прежнем размере [3, л.141].

Перед началом следующего летнего сезона, в марте 1904 г. арендаторами вновь была предпринята попытка снизить сумму платежа хотя бы до прежней – 3 000 рублей. Но городские власти были непреклонны и оставили ходатайство без внимания [3, л.141]. Вероятно, чтобы компенсировать увеличение платежей в городскую казну в 1904 г. А.И. Ованесьянец и его компаньон, имя которого в смете доходов города Курска обозначено как Градов Далуев Мухдеси Бадал [4, л.179.], сдали по субарендному договору летний театр купцу Аксенову [5, л.29]. В рапорте курского полицмейстера значит, что помещение снято на четыре года, но в действительности, уже в следующем сезоне тот же источник сообщает, что театр вновь на два года оказался в ведении основных арендаторов [6, л.2-3]. А это значит, что дела содержателей не только не улучшались, а становились все плачевней. Смета городских доходов и расходов на 1905 г. подтверждает, что суммы платежей и некоторые условия арендного договора оставались без изменений [7, л.84, 86, 130, 133].

В 1908 г. новым арендатором стал Захар Арутюнович Ованесьянец – сын одного из прежних компаньонов. Поскольку везде упоминается только это имя, очевидно второй предприниматель – наследник Градова вышел из дела. Сквер был сдан сроком на пять лет с ежегодной платой по 4 350 рублей. Из условий договора так же известно, что арендатор имел право устраивать платные гуляния только два раза в неделю, по вторникам и четвергам, а в остальные дни недели с 6 часов вечера до часа ночи сад должен быть предоставлен для бесплатных посещений публики [8, л.122].

В статье-анонсе, опубликованной 16 марта 1908 г. в Курских губернских ведомостях, сообщалось, что городской сад и театр предполагается сделать более приличными и чисто семейными. Для осуществления этого намерения будут затрачены большие средства и, прежде всего, на упорядочение постановки дела. Для ежедневных спектаклей будет приглашена большая труппа драматических и опереточных артистов [9, л.18.]

Но, несмотря на оптимистические заявления, городской сквер и в 1908 г. не стал более популярным у уважаемой публики. 20 июля, в рецензии на спектакль труппы, гастролировавших в театре сквера малороссов, критик, скрывавшийся под псевдонимом *Вопамі*, называя сад «скверным местом» писал: «...если бы г. Ованесьянц совершенно отказался от кафешантаных развлечений, даваемых уже на открытой сцене, что особенно не соответствует назначению городского сада, как такового, то театр последнего приобрел бы, без сомнения, симпатии к себе публики. Не приходится доказывать, что те летние театры, при которых хозяин-кабатчик не держит открытой сцены, лучше посещаются как среднюю, так и высшую публикой. В театр, устроенный в саду, где есть открытая сцена, на которой культивируется кафешантанный жанр развлечений, порядочная семья не пойдет. Это есть протест семьи против таких зрелищ и следовало бы уважать такой протест, прекратив всякие мало нравственные развлечения и зрелища» [10, л.123-124]. В следующей рецензии на выступление тех же артистов, *Вопамі* от нападок на арендатора перешел к критике городских властей, требующих непомерную арендную плату и тем самым тормозящих повышение уровня культуры развлечений в сквере [11, л.25].

В мае 1909 г. на чрезвычайном заседании городской думы обсуждалось заявление Захара Арутюновича о разрешении ему взимать входную плату, мотивировавшего просьбу желанием уменьшить случаи нарушения общественного порядка [8, л.122]. В докладе управы было высказано мнение о возможности, в качестве опыта ввести входную плату в размере не свыше десяти копеек, при оставлении бесплатного входа для малолетних, входящих в сад в сопровождении взрослых. Но, несмотря на, в общем, положительную для арендатора тональность сообщения управы, дума в разрешении взимать входную плату отказала [8, л.108].

Не дожидаясь окончания сезона, 20 августа 1909 г. З.А. Ованесьянц вновь обратился в городское управление с прошением о расторжении арендного договора. Описывая все долголетние перипетии аренды сквера его отцом и им самим, предприниматель писал: «Благодаря бесплатному входу в сад-сквер, он является местом сбора самых низких общественных слоев, которые, не принося саду никакого дохода, в то же время своим поведением вытесняют наиболее состоятельные классы населения, так как последние направляются в другие сады. Я обращался в Городскую Думу с ходатайством о назначении платы за вход в сад-сквер, но в ходатайстве мне было отказано, а других способов сделать сад-сквер приятным местом вечернего отдыха для средних классов населения горожан, у меня нет» [8, л.190].

Из текста прошения известно, что городская управа подала на неудачливого арендатора иск в окружной суд за срыв очередных срочных платежей [8, л. 190]. На заседании 18 марта 1910 г. при обсуждении вопроса о сдаче в аренду городского сквера стала известна и дальнейшая судьба З.А. Ованесьянца. Судебный процесс по взысканию с него долгов, не был прекращен [12, л.29-32]. На основании полученного исполнительного листа Ованесьянц был немедленно выдворен из сквера, а на его движимое имущество было наложено взыскание [12, л.29-32].

Тем временем были получены новые предложения о заключении арендного договора на сквер. Желая не упустить наиболее выгодные из них, управа поместила объявления в газетах о предполагающихся торгах. В ответ на публикации откликнулось пять претендентов, но, на назначенные 15 марта торги, явились лишь представители курского Купеческого собрания. Они заявили, что готовы заключить договор об аренде только при пересмотре предложенных городскими властями кондиций, оставшихся неизменными с 1902 года [12, л. 29-32].

Поскольку появилась реальная возможность получить весьма выгодного арендатора, уже на следующий день 16 марта управа совместно с финансовой комиссией приступила к выработке новых условий договора, которые были представлены на обсуждение заседания думы 18 марта и в тот же день утверждены ее гласными [12, лл. 22, 29-32]. По проекту договора, состоявшего из 14 пунктов, сад сдавался на шесть лет с 1 января 1910 г. по 1 января 1916 г. Пункты I-III соглашения регламентировали обязательства сторон в вопросах благоустройства сквера и обслуживания, находящихся на его территории помещений. Мелкий ежегодный косметический ремонт, весенняя уборка и поддержание чистоты в течение всего сезона должны были производиться за счет арендатора, а капитальный ремонт, подсадка деревьев и чистка посадок от сухостоя – за счет управы.

Впервые был разработан механизм воздействия на арендатора, не выполнявшего обязательства по поддержанию чистоты и порядка. Управа могла в письменном виде потребовать выполнения обязательств. В случае дальнейшего уклонения от выполнения предписания арендатор подвергался штрафу в размере 25 рублей за каждый раз, причем все нарушения порядка устранялись управой за счет суммы залога. Арендатор же в трехдневный срок обязан был пополнить потраченную сумму. При нарушении обязательств по пункту III более трех раз, согласно XIII пункту договор расторгался. Пункты IV-VII оговаривали организационные моменты: найм и режим работы оркестра (пункт IV) и сторожей (пункт VII); устройство освещения (пункт V), содержания мест общего пользования, ледника и печей (пункт VI). Пункт VIII имел особенное значение для арендаторов, так как определял круг их основных прав. Разрешалось устройство буфетов и ресторана с продажей спиртных напитков при согласовании с акцизным ведомством. Допускалась субаренда всех помещений, находившихся на территории сквера исключительно для торговли водами, фруктами, молоком, цветами, газетами и книгами и для устройства тира, кегельбана [12, л. 29-32].

По согласованию с городской управой арендатор за свой счет мог расчищать часть сада для увеличения площадок и дорожек; в существующих постройках осуществлять поправки и переделки, а также устраивать вновь киоски и павильоны, которые по окончании срока аренды должны поступить без всякой компенсации в собственность города. При необходимости можно было отгородить нижнюю часть сада, но не более половины его с правом взимания платы за вход в нее, размер которой арендатор устанавливал на свое усмотрение. Остальная часть сквера должна быть открыта для бесплатного входа публики ежедневно с семи часов утра до часа ночи. Причем музыка должна быть устроена в общедоступной части сквера. В летнее время арендатор организует театральные и другие представления, а зимой обеспечивает работу катка [12, л. 29-32].

Следующий пункт декларировал обязанность арендатора не более восьми раз в течение летнего сезона предоставлять платную часть сквера с полным освещением в распоряжение городской управы бесплатно, для устройства в нем публичных гуляний с благотвори-

рительную целью, с взиманием входной платы в пользу благотворительных учреждений, в дни, назначенные по усмотрению управы. О назначении гулянья последняя обязалась уведомлять арендатора каждый раз за пять дней до дня гулянья (пункт IX). Пункты X-XII упорядочивали финансовую сторону договора: сроки очередных платежей, сумму и сроки внесения залогов. При систематическом нарушении какого-либо пункта контракта, XIII пункт предусматривал возможность аннулирования соглашения. А в XIV пункте оговаривалось нотариальное подтверждение контракта [12, л.29-32].

Судя по докладу управы на следующем заседании думы, 20 марта были проведены вторые торги, которые были признаны не состоявшимися, так как на них вновь явились только представители Купеческого собрания [12, л.29-32].

27 марта от Совета Старшин этой организации поступило предложение о заключении договора на шестилетний срок с ежегодным арендным платежом в сумме 4 500 рублей [12, л.62]. Выработанный совместными усилиями проект договора был утвержден 29 марта, на чрезвычайном заседании думы после внесения следующих изменений: «а) вносимый арендатором залог определить вместо 1 000 руб. в размере 1 500 руб., б) в пун. 2 после слов: «также по описи» добавить: «в исправном виде» [12, л.62]. По сравнению с проектом, обсуждавшимся 18 марта, конкретный договор увеличился до шестнадцати пунктов, дополнения, в которых уточняли ряд принципиальных вопросов.

Например, пункт 11 разрешал Собранию помимо устройства необходимых ему помещений, право переноса на другие места всех существующих в сквере построек, кроме здания театра, перепланировку дорожек и изменение формы центрального круга [12, л.48]. Собрание получало льготный тариф на изготовление рекламных афиш. К обязательствам Управы добавилась постройка ворот и железной решетки в верхней общедоступной части сада [12, л.64-67]. Количество гуляний в пользу города было сокращено до четырех в летний сезон, с предварительным со стороны управы оповещением за пять дней до даты устройства мероприятия. Это уравнивало стороны договора по этому пункту не только в правах, но и в обязанностях, исключая возможность произвола [12, л. 64-67].

Получив сквер в свое распоряжение, Купеческое собрание, занялось приведением его в порядок. Под руководством садовника Брауна территория была очищена от излишней поросли желтой акации. Были переустроены и утрамбованы щебнем дорожки, посажены хвойные растения и разбиты цветники. Весь сад был выровнен и засеян газоном, старые деревья почищены. Из находившихся в саду построек заменены новыми: железобетонная кухня, открытая сцена, эстрада для музыки, павильоны для тира у входных ворот, биоскоп и помещение собственно для членов Купеческого собрания, остальные же, в том числе и театр внутри были заново отремонтированы, переделан фонтан. Одновременно с этими работами, по распоряжению городской управы были построены железная решетка и деревянный забор, разделившие сад на две части, а также входные ворота со стороны Московской улицы в верхнюю часть сада. За счет городских средств были окрашены наружные стороны театра и железных решеток [12, л.64-67].

26 июля пожаром были уничтожены летний театр и павильон для членов Купеческого собрания, но благодаря энергичным действиям сквер был вновь открыт для гуляний уже через несколько дней. Тем не менее, отсутствие летнего театра ощутимо повлияло на качество отдыха, поэтому по окончании сезона вопрос о его возобновлении был поднят членами городской управы на заседании думы. В докладе, представленном вниманию гласных, сообщалось предложение и описание проекта театра представителя фирмы «Шпис

и Прен» в Москве по возведению железобетонных построек инженера Ф.Ф. Троссет. Так же на обсуждение выносилось предложение Совета Старшин Купеческого собрания. Оно обязалось взять на себя финансирование строительства железобетонного театра стоимостью 42 800 руб., выдвигая ряд условий. Во-первых, Городское общественное управление в счет этой же суммы из своих средств внесет 14 000 руб. Во-вторых, срок аренды будет увеличен до двенадцати лет. В третьих, арендная плата уменьшится на 500 руб. Совет Старшин поддержал мнение управы о том, что театр и помещение Собрания нужно поменять местами [12, лл.248-250].

Однако гласные думы не спешили принимать доклад. В процессе обсуждения вопроса было высказано немало претензий к деятельности арендаторов в сквере. Отмечалось плохое состояние общедоступной части сада. Что же касается собственно поступившего в их адрес предложения, то гласные посчитали его несостоятельным без специального постановления общего собрания купечества. Целый ряд вопросов вызвала и деятельность самой управы, в частности по финансированию построек в сквере. Поэтому постановление думы было сформулировано следующим образом: «1) Оставить доложенное заявление Совета Старшин Курского Купеческого Собрания без рассмотрения, впредь до представления необходимых данных от имени Общего Собрания его членов, 2) просить финансово-сметную комиссию обревизовать отчетность Городской Управы по ремонту и переустройствам в городском сквере и доложить об этом Думе и 3) предложить Городской Управе представить объяснение относительно неисполнения приговора Городской Думы от 30 марта 1910 г. по вопросу о производстве ремонта построек сквера» [12, Л.248-250, 242-243].

К сожалению, последующих приговоров городской думы пока не обнаружено, но театр в стиле модерн, ставший первым железобетонным зданием в Курске, все-таки был построен. Рекламные объявления в курских газетах за 1912-1916 гг. и сведения смет за 1914- 1915 гг. убедительно свидетельствуют, что сквер оставался в арендном содержании Купеческого собрания до самой революции. После 1917 г. он был объединен с Пушкинским садом в Сад Профсоюзов, а после войны потеряв часть своей территории из-за расширения проезжей и пешеходной зон, существует и поныне в составе городского Первомайского парка.

Источники и литература

1. ГАКО. Ф. 33. Оп. 31. Д. 539.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7363.
3. ГАКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9892.
5. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7511.
6. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7738.
7. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 12183.
8. ГАКО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 7.
9. ГАКО. Ф. 33. Оп. 31. Д. 1320.
10. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 828.
11. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 815.
12. ГАКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 5.

ИСТОРИЯ ДОМА-МУЗЕЯ Г.В. СВИРИДОВА

После присвоения Фатежу городского статуса и принятия нового плана генерального межевания старинного населенного пункта, были приняты несколько указов, призванных кардинально изменить имеющийся облик новообразованного окружного центра. Расчищались места под новые городские кварталы, сносились старые здания и сооружения, переносились на новые места административные учреждения. Старая фатежская крепость с ее гарнизонными учреждениями была уничтожена, а муниципальные организации перенесены в район новосформированной церковной Никольской (Базарной) площади.

В центре Фатежа, на улице Екатерининской (ныне Урицкого) распоряжением курского губернатора, фатежского помещика Степана Даниловича Бурнашева было отведено место для строительства здания «присутственных мест». Указом Курского наместнического правления от 6 марта 1798 г. курскому губернскому архитектору Алексееву было предписано принять решение «...об употреблении Ольховатского путевого дворца на постройку в городе Фатеже присутственных мест». [1. л.39]. Кроме административных помещений, в подвалах предполагаемого помещения городского самоуправления планировалось разместить еще винный магазин (подвалы) и денежную кладовую.

По плану 1812 г., утвержденному указом Курского губернатора Аркадия Ивановича Нелидова, справа от новопостроенных зданий на Екатерининской предполагалась постройка нового почтового двора [2. л.1]. Сами здания земской и городской администраций решено было перенести на «старинное место» в район нынешнего районного дома культуры. Каменный ансамбль из трех зданий на улице Екатерининской выкупили представители династии Харичковых. Одним из первых владельцев был купец I гильдии, коммерции советник, потомственный почетный гражданин Андрей Иванович Харичков (1788-1845). После его кончины вдова Елизавета Стефановна (1795 г.р.) в память о муже на его капиталы возвела Тихвинский храм в городе Фатеже. Все имущество Андрея Ивановича досталось его детям: Николаю, Ивану Старшему, Стефану, Ивану Младшему, Гавриилу, Андрею, Александру, Александре, Елизавете, Марии и Прасковье. Старший сын Николай принял управление отцовским домом и торговыми предприятиями.

5 августа 1861 г. Император Александр II, следуя на отдых в Крым, на несколько часов задержался в городе Фатеже. Царь с супругой Марией Александровной выказали желание отдохнуть в доме коммерции советника, купца I гильдии Николая Андреевича Харичкова. Чтобы сохранить память о пребывании царственной династии на фатежской земле, Николай Андреевич Харичков уже в августе 1861 г. обратился с письмом в адрес курского губернатора Владимира Ивановича Дена, заявив о готовности пожертвовать дом по улице Екатерининской «в котором Ея Величество изволила остановиться для обеда». Выделяемую сумму Харичков предложил поместить в банк под 5% годовых. На ренту (500 рублей в год) планировалось содержать учреждаемое женское училище. Губернатор В.И. Ден уже 26 августа того же года своим распоряжением утвердил факт передачи каменного дома в Фатеже для открытия в нем женской гимназии «для девиц без различия звания и состояний». Он же сообщал, что «Ея Императорское Величество имеет соизволение на принятие открываемой женской гимназии в ведомство учреждений Императрицы Марии» [3. л.1-3].

Николай Андреевич Харичков (1813-1881) в 1861 г. с женой Прасковьей Ивановой и сыном Андреем были зачислены в число купцов Санкт-Петербургской гильдии, его братья

Иван Андреевич и Яков Андреевич стали попечителями Мариинской гимназии в городе Фатеже. Николай Андреевич Харичков не смог пережить убийства Императора Александра II и скончался 28 апреля 1881 г.

Фатежская Мариинская прогимназия была учреждена за три года до официального вступления в силу Устава гимназий и прогимназий 19 ноября 1864 г. В 1870 г. Фатежская женская гимназия была преобразована в классическую Александровскую. Лица, окончившие семь классов гимназии, получали право преподавания в школах Фатежского уезда. В стенах Александровской гимназии обучались мать Г.В. Свиридова – Елизавета Ивановна Чаплыгина, преподаватели фатежских школ – Мария Васильевна Яньшина, Лидия Андреевна Сударикова, Наталья Алексеевна Выскребенцева, Екатерина Константиновна Белова, Елена Семеновна Амелина, Мария Павловна Ассорьева и другие.

В 1908 г. Александровская гимназия была переведена в новое здание по улице Северной (ныне К. Маркса), а в «доме Харичкова» были размещены несколько уездных заведений, в том числе и телеграфно-почтовая контора, в которой служили отец композитора – Василий Григорьевич Свиридов и будущий министр связи СССР, Герой Социалистического Труда Николай Демьянович Псурцев. В мезонине дома Харичковых в декабре 1915 г. родился величайший композитор современности, наш выдающийся земляк Георгий Васильевич Свиридов. [4. л.132].

В советское время двухэтажный дом с мезонином по улице Урицкого использовался под государственные учреждения: РОНО, райисполком, РАЙЗО, гособеспечение, СОБЕС, земельный отдел и другие. В 1959 г. на здании надстраивается третий этаж. Ныне два нижних этажа занимает школа искусств, на пристроенном третьем этаже находится квартира-музей Г.В. Свиридова.

Угловой дом Харичковых, по улице Екатерининской № 50 (на месте нынешнего здания магазина «Фатежанка») принадлежал сестре Николая Андреевича – Вере Андреевне Харичковой – по мужу дворянке Канищевой. По фасаду на втором этаже дом имел шесть окон, выходивших на Базарную площадь. Во всю ширину дома находился балкон. Нижние этажи здания сдавались под торговые заведения. В 1895 г. трактир на Екатерининской арендовал купец В.П. Абрамов (приказчик крестьянин Миленинской волости Иван Петрович Кретушев). В начале XX века трактир в доме А.А. Харичкова на Северной улице содержал Иван Васильевич Кондратов, магазин А.А. Харичкова на Екатерининской улице (в «Доме Свиридова») снимал крестьянин Николай Тихонович Амелин. Дом был разрушен во время Гражданской войны и восстановлен за два года до Великой Отечественной войны. Во время Отечественной войны был разрушен и больше не восстанавливался. Ныне на этом месте здание универсама, построенного в 1950-х годах.

Двухэтажный дом, в котором долгое время располагалось управление сельского хозяйства, а ныне находится РОНО, до 1917 года находился в одной архитектурной связи с домом купцов Харичковых. Между ними находится магазин, до 1917 года являвшийся лавкой купцов Харичковых. С 1932 года имел статус «закрытого»: в нем выдавали продуктовые пайки ответственным партийным работникам. Затем здесь был промтоварный, продовольственный, книжный, молочный магазин. Ныне магазин ритуальных услуг. Слева от «дома Харичковых» одноэтажный кирпичный дом в пять окон по улице. Построен как торговая лавка купцов Харичковых. В 1930-х годах в здании проживали преподаватели педучилища. Дом до настоящего времени не сохранился [5. л.1].

Источники и литература

1. ГАКО. Ф.325. Оп.1. Д.5. «Наряд указов Курского губернского правления и Курской казенной палаты. 1798 г.».
2. ЦГИАЛ. Ф.1293. Оп.168, Д.37.
3. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.283. «Дело о пожаловании коммерции советником Харичковым 25 тысяч рублей на устройство в Фатеже училища для девиц».
4. ГАКО. Ф.217. Оп.3. Д.1611 «Метрическая книга Богоявленского храма г. Фатежа за 1910, 1915 годы».
5. По воспоминаниям ветерана педагогического труда Раисы Николаевны Глебовой. 2010 год. Авторская запись.

ИСТОРИЯ ФАТЕЖСКОЙ НАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ-ЧИТАЛЬНИ В 1899-1913 ГОДАХ

27 июня 1899 г. Фатежским уездным земством было принято решение об открытии в г. Фатеже народной, бесплатной библиотеки-читальни.[1. с.34] Для заведования библиотекой было избрано и утверждено правление. Непременным условием открытия стало согласие земского начальника, городского главы Г.И. Прокопова быть наблюдателем библиотеки-читальни. Она предназначалась для различных слоев населения: дворян, купцов, учителей, учащихся Фатежской женской прогимназии, церковно-приходских и народных школ, земледельцев, ремесленников, домохозяек. Первоначально здание ее находилось в одноэтажном здании на улице Веселой, в сдаваемом в аренду помещении мещанина города Фатежа Тимофея Федоровича Казенкова. [2. с.17] Открытие библиотеки стало значимым событием в культурной жизни города Фатежа.

При библиотеке было два попечителя, один из которых – Фатежский уездный комитет попечительства о народной трезвости, открытый в 1900 г. В его функции входили: надзор за ходом питейной торговли, распространение знаний о вреде потребления спиртных напитков, организация народных читален, хоров, народных домов, воскресных школ и вечерних классов. В состав комитета были включены: предводитель дворянства, представитель духовенства, инспектор народных училищ, полицмейстер, местный воинский начальник, представитель жандармского управления, земской начальник и врач.

В Фатежской бесплатной библиотеке имелся «Каталог книг и периодических изданий для бесплатных народных читален», изданный Министерством Народного Просвещения. Позже было выпущено «Дополнение к каталогам для бесплатных библиотек», включающее все издания, одобренных для публичных чтений. Соблюдался Примерный устав библиотеки, действовали Правила о публичных библиотеках и книжных магазинах. Книжный фонд пополнялся за счет пожертвований граждан, благотворительных мероприятий и любительских спектаклей. Ежегодно Курское губернское земство выделяло по 25 рублей на приобретение книг. [3. с.3-4]

В 1900 г. Фатежский уездный комитет попечительства о народной трезвости выделил Фатежской народной библиотеке - читальне 150 руб., позже, в 1907 г. – 400 руб. [4. л.12об.]. В 1902 году популярными были газеты и журналы: «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Свет», «Родина». Журнал «Нива» за 1901 г. публиковал приложения и «благодаря этому журналу проложили себе дорогу в наши медвежьи уголки такие писатели, как Тургенев, Достоевский, Гончаров». [5. с.11]

Фатежская библиотека-читальня в своей работе начала использовать новый способ выдачи книг – «летучие библиотечки», которые состояли из 30-40 книг и были подобраны учитывая требования читателей. Книги рассылались в села Фатежского уезда, например, на имя учителя, который выдавал книги для чтения односельчанам. Приблизительно через месяц книги возвращались и взамен им посылались новые. Такие ящики с «летучими библиотечками» постоянно получали девять сел Фатежского уезда.

В 1903 г. фатежская народная читальня выписывала газеты: «Свет», «Сельский вестник»; журналы: «Воскресный день», «Кормчий», «Читальня народной школы». Читатели охотно брали на дом книги религиозного содержания, из произведений русских писателей больше читали И.С. Аксакова, Д.В. Григоровича, Г.П. Данилевского, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, из иностранных писателей: Майн Рида, Э.Л. Войнич.

К маю 1903 г. число выданных книг составило 4 095 экземпляров, из них духовно-нравственных – 384. Кроме того было выдано 85 журналов. Читателями библиотеки были дворяне, купцы, учителя, священники города Фатежа: Абрамов А.В., Ассорьев Е.П., Гончаров А.Ф., Бантыш Н.В. Но больше всего посещали библиотеку крестьяне и мещане. [б. с.б]

В 1904 г. на содержание библиотеки поступили денежные средства от Фатежского уездного земства – 150 руб., и через полгода еще 130 руб.; от управы города Фатежа – 225 руб.; членских взносов 54 руб. 75 коп.; от Фатежского комитета попечительства о народной трезвости – 400 руб.; пожертвования, кружечный сбор и спектакли – 165 руб. 16 коп. Правлением библиотеки был открыт сберегательный вклад, проценты от которого шли на приобретение книг. Фатежская народная библиотека-читальня стала членом Общества содействия народному образованию в Курской губернии, проценты от взносов поступали на приобретение книг и выписку журналов. В это время в городе был поставлен спектакль в пользу библиотеки-читальни. Половина доходов от спектаклей и концертов правлением библиотеки зачислялась в запасной капитал, другая половина использовалась на выписку книг.

На подписку книг и периодических изданий в 1903 г. было выделено фатежским уездным земством 452 рубля. В 1903 и 1904 гг. были выписаны газеты: «Новое время», «Южный край», «Курские губернские ведомости», «Свет» и 18 журналов: «Русский паломник», «Природа и люди», «Деревня», «Крестьянское хозяйство», «Новый мир», «Миссионерское обозрение», «Малютка», «Детское чтение», «Путеводный огонек», «Светлячок», «Ручной труд», «Задушевное слово» и другие.

Библиотека работала ежедневно, кроме четвергов и больших годовых праздников, с 10.00 до 22.00 часов. Утром по воскресениям и по понедельникам накануне главных церковных праздников выдача книг не велась. Волостным правлением было предложено в разгар полевых работ с утра до обеда библиотеку закрывать. В июле 1904 г. библиотека стала популярным местом посещения фатежан, в котором можно было почерпнуть свежие новости о ходе Русско-японской войне во время читки газет, выписываемых библиотекой. За 1904 г. библиотеку посетили 14 915 человек, в среднем 51 человек в день. Наибольшее число посещений пришлось на январь, февраль и июнь 1904 г.

Дети и подростки приходили в библиотеку почитать детский журнал, взять на дом книги по географии, естествознанию, истории и любимые сказки. Библиотекарь выдавала книги с помощью дежурных, которые приходили вечерами и помогали ей в работе с читателями: М.А. Вороновой, Е.М. Гнездиловой, А.В. Котельниковой, Э.А. Пунко, В.А. Петровской, М.А. Перевезенцевой, Н.Ф. Селиховой, Л.М. Федоровой и Я.А. Цыбульской. При возврате книг библиотекарь или дежурный просили детей рассказать содержание книги, а если они не могли рассказать, то книгу возвращали для повторного прочтения и давали рекомендацию, как правильно ее читать.

К июлю 1904 г. в библиотеке насчитывалось 4 956 томов. Больше всего популярностью пользовалась художественная литература и книги по словесности. Наиболее популярными изданиями были произведения Л.Н. Толстого, В.И. Немировича-Данченко, И.Н. Потапенко, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, Е. Марлит, М. Рида, В. Скотта. Дети читали «Приключения барона Мюнхгаузена» Д. Дефо, сказки братьев Гримм, И.Х. Андерсена, былины и детские журналы «Родные картинки», «Юный читатель». В библиотеку записывались целыми семьями, читатели охотно дарили книг, полоняя общественный

фонд. Среди жителей города и уезда, сделавших взносы (пожертвования) в 1907 г. в пользу Фатежской народной библиотеки были: хирург Фатежской земской больницы В.Ф. Войно-Ясенецкий (Святитель Лука); дворяне: Н.К. Ассорьев, А.Н. Полторацкий, А.Ф. Баркова; купцы Г.М. Солнцев, В.И. Прокопов, А.А. Орлов; священник о. Григорий Иваницкий.

8 августа 1907 г. состоялось собрание членов библиотеки-читальни. После молебна был прочитан отчет заведующего правлением библиотеки Э.Загорского и приняты решения: о выборе книг, газет и журналов, о прибавке жалованья домовладельцу Т.Ф. Казенкову за аренду помещения для библиотеки; о прибавке жалованья библиотекарю А. Коклиной до 250 руб.; о предоставлении ей месячного отпуска. Наблюдателем читальни в 1907 г. был священник о. А.Молотков, заведующим хозяйственной частью М.Оптовцев, казначеем В.Прокопов, секретарем К. Раппопорт. В правление избрали несколько дополнительных членов, среди которых И.В. Долгих, М.М. Печенкин, Н.Ф. Вангенгейм, П.А. Мясоедов и М.М. Коровин. [7. с.18-19]

В 1913 г., к празднованию 300-летия Дома Романовых, фатежский комитет попечительства для библиотеки-читальни выписал журнал «Знание для всех» и подарил две книги – «В царстве дня и ночи» и «Первый царь из дома Романовых». [8. л.133]. Курский комитет попечительства определил в Фатеж книгу С. Обухова «Воцарение дома Романовых (1613-1913)», которая позже была передана в фонд фатежской бесплатной библиотеки-читальни. [9. л.12]

Согласно сведениям «Текущей школьной статистики Курского губернского земства» видно, что: «Просматривая отзывы заведующих [школ], мы не нашли ни одного случая отрицательного отношения [к библиотеке]. Все в один голос говорят, что отношение населения к библиотекам очень хорошее, «сочувственное», и «симпатичное». Читатели любят потолковать о прочитанном. Только серьезные причины заставляют оставлять библиотеку и прекращать чтение, это неотложные сельские работы летом и уход на заработки зимою». [1. с.94]

Источники и литература

1. *Текущая школьная статистика Курского губернского земства. Год четвертый. Курск, 1900.*
2. *Журналы заседаний XL очередного Фатежского уездного собрания. Курск, 1904.*
3. *Журналы комиссии Курского губернского земства по народному образованию за 17 и 18 февраля, 27 мая, 27 июня, 26 и 27 августа 1901 г. Курск, 1901.*
4. ГАКО. Ф.171. Оп.1. Д.114.
5. *Журналы комиссии Курского губернского земства по народному образованию за 17 и 18 февраля, 27 мая, 27 июня, 26 и 27 августа 1901 г. Курск, 1901.*
6. *Журналы заседаний XL очередного Фатежского уездного собрания. Курск, 1904.*
7. *Журналы заседаний XLIII очередного Фатежского уездного собрания за 1907 г. и экстренного 14 февраля 1908г. Курск, 1908.*
8. ГАКО.Ф.171. Оп.1.Д.115.
9. ГАКО.Ф.171. Оп.1.Д.124.
10. *Текущая школьная статистика Курского губернского земства. Год седьмой. Курск, 1904.*

АКАДЕМИК Н.М. ДРУЖИНИН И КУРСКИЙ КРАЙ
(К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ)

Одним из направлений сохранения культурно-исторического наследия Курского края является формирование документальной базы источников по истории науки. Собрать их, сосредоточить в архивах, музеях, заботиться об их сохранности – главная задача архивистов, музейных работников, историков, краеведов. Немаловажную роль при этом играют материалы семейных архивов, содержащих зачастую ценные исторические документы.

Настоящая публикация посвящена анализу некоторых материалов, сосредоточенных в личном архиве известного курского историка, кандидата исторических наук, доцента Л.А. Медведской. Эти документы, в частности переписка академика Н.М. Дружинина и Л.А. Медведской, относящаяся к 60-м годам XX в., отражает, прежде всего, круг вопросов, решаемых в тот период исторической наукой.

С другой стороны, они являются документальными свидетельствами той эпохи, частью нашего культурно-исторического наследия. Вместе с тем переписка двух ученых позволяет также глубже изучить саму историю Курского края, показать роль личности в историко-культурном процессе, ее влияние на формирование духовно-нравственных ценностей в обществе.

Сохранившиеся письма Н.М. Дружинина и Л.А. Медведской можно рассматривать также в контексте такой темы как «Академик Н.М. Дружинин и Курский край». В них, в частности, представлена история написания Николаем Михайловичем воспоминаний о Курске второй половины XIX в. Выдающийся ученый с мировым именем академик Н.М. Дружинин горячо любил свою малую родину и сразу же откликнулся на предложение Лидии Алексеевны написать воспоминания о родном городе. Так, в одном из писем (1 апреля 1965 г.) он писал: «Несколько лет назад я побывал в Курске, посетил родные места, побывал в архиве и художественном музее, но не успел осмотреть краеведческий музей. У меня есть книжки о Курске, и, может быть, когда-нибудь я удосужусь и продиктую воспоминания о городе, каким он был в годы моего детства в конце XIX в.» [5, л.2]

И уже в следующем письме (от 9 мая 1965 г.) Николай Михайлович сообщает: «Мне было приятно узнать, что курские товарищи знают меня и помнят обо мне. Я постараюсь выполнить Ваше предложение и прислать Вам свои воспоминания о родном городе и о покойных историках-курянах Е.А. Мороховце и К.В. Сивкове». [6, л.1]

В своем письме от 24 августа 1965 г. Николай Михайлович сообщил Лидии Алексеевне, что его воспоминания о Курске написаны и отправлены бандеролью в Курск совместно с воспоминаниями о Курске его уроженца, профессора математики МГУ И.И. Чистякова (отца жены Н.М. Дружинина – Е.И. Дружининой). Те и другие, по его словам, написаны в разном стиле, но взаимно дополняют друг друга. В письме от 19 сентября 1965 г. Н.М. Дружинин писал Л.А. Медведской, что он и его жена очень рады, что воспоминания И.И. Чистякова и его «ответили Вашим ожиданиям и могут быть помещены в Ваши “Исторических записках”». [7, л.2]

Листая страницы воспоминаний Н.М. Дружинина о Курске, понимаешь, как бережно хранил Николай Михайлович в своей памяти все, что связано с родным городом. Об этом же свидетельствуют и цитируемые нами письма ученого. «Воспоминания о Курске»

являются интересным историческим документом, в котором воспроизведены некоторые стороны жизни дореволюционного губернского центра. «На городской жизни, – писал Н.М. Дружинин, – лежал отпечаток патриархальности и застоя. В курских семьях царили культ родственных связей, традиционная вера, вылившаяся в форму православной обрядности и привычная преданность царской власти...» [1, с.23]

В письмах Н.М. Дружинина к Л.А. Медведской содержатся и интересные мысли ученого об основных направлениях изучения истории Курского края: «Вы пишете, что история Курска в XIX веке мало исследована. Вы, конечно, правы. Книга по истории Курска, изданная в 50-х годах, отличается схематизмом, ей не достает и фактов, и местного колорита. Хорошо если бы молодые историки, выходящие из стен педагогического института, занялись этой темой. Еще интереснее история Курска в 20 веке – не только революционное движение, но и земство, и сдвиги в деревне, и возникновение новых культурных учреждений, в частности, педагогического института». [7, л.3] Здесь же ученый проявлял заботу о привлечении к научно-исследовательской работе молодежи, выпускников исторического факультета педагогического института. Он считал, что одна из задач преподавателя Курского пединститута – широко пропагандировать среди студентов идею развития краеведческой работы, собирание и распространение краеведческих исторических знаний, воспитание патриотизма и чувства гражданственности. Думается, что и в наши дни эти идеи выдающегося ученого Н.М. Дружинина остаются важными и актуальными. Изучение и сохранение культурно-исторического наследия Курского края по-прежнему остается приоритетной задачей.

Общественная научная жизнь Курска интересовала академика Н.М. Дружинина. «История нашего города» – так называлась его статья, опубликованная в «Курской правде» в апреле 1969 г. [3, с.3] В ней дана высокая оценка книге «Курск. Очерки истории города» (отв. ред. Л.А. Медведская), выдержавшей несколько изданий. С большой теплотой писал Николай Михайлович о Курске, о его многовековой истории, получившей всестороннее освещение на страницах книги в различных ее разделах, авторами которых являлись курские историки П.И. Иванов, Ю.А. Липкин, Ф.И. Лаппо, Л.А. Медведская, Ю.А. Райский, И.И. Френкель и др. Подробно проанализировал Н.М. Дружинин все разделы книги, отметив при этом широкую источниковую базу исследования, большую цельность, доходчивость и живость изложения. «Перед нами, – писал Николай Михайлович, – ценный, вполне удавшийся опыт изложения истории советского города...»

Многие года Н.М. Дружинин поддерживал творческие связи с курскими историками. С удивительной щедростью делился он с молодыми коллегами своим богатейшим научным, педагогическим опытом. Примером такого многолетнего творческого содружества являлись связи Н.М. Дружинина с курским исследователем Л.А. Медведской. Не без влияния Н.М. Дружинина определились ее научные интересы в области изучения движения декабристов. В сборнике «Очерки из истории движения декабристов», вышедшем в 1955 г. в Москве под редакцией Н.М. Дружинина и Б.Е. Сыроечковского, была помещена статья Л.А. Медведской «Южное общество декабристов и польское патриотическое общество». Николай Михайлович принимал дружеское участие и в дальнейшей творческой судьбе Л.А. Медведской. Он всячески содействовал углубленной разработке проблем декабристоведения. Н.М. Дружинин тепло отзывался о книгах Л.А. Медведской «П.И. Пестель»

и «С.И. Муравьев-Апостол», написанных для юношества и вышедших в Москве в издательстве «Просвещение» [9]. В рецензии на книгу «П.И. Пестель» академик Н.М. Дружинин отмечал, что «столь удачные биографии» из задуманной серии книг о пяти казненных декабристах сочетают «строгую научность содержания с умной и занимательной формой изложения» [12, с.3].

В письме Л.А. Медведской он также писал: «Сердечное Вам спасибо за прекрасную книгу о Пестеле! Она соединяет в себе превосходное знание источников, творческую разработку темы, живую литературную форму и доступность для широкого круга читателей. Поздравляю Вас с этим несомненным успехом! Знаю, что она быстро расходуется в магазинах. Заказал ее в «Книге почтой», чтобы послать ее в Италию Ф. Вентури (он выражал сожаление, что до сих пор нет биографии Пестеля) и в нескольких своих «подшефных школах». Это письмо – яркое свидетельство бережного, внимательного отношения академика Н.М. Дружинина к своим младшим коллегам-исследователям, к их творческим успехам и удачам.

Вместе с тем в письмах Н.М. Дружинина содержится много полезных и ценных советов, замечаний, наблюдений. Так, например, в письме Л.А. Медведской от 24 марта 1966 г. он писал: «С большим интересом прочел Вашу исследовательскую статью о роли С.М. Семёнова в расследовании злодеяний помещицы Брискорн: «Статья яркая и наводит на научные размышления. Ее очень важно было бы напечатать или у Вас, в Курске, или в Москве (например, в «Исторических записках», хотя они выходят не очень часто). Мне кажется, что было бы хорошо расширить фон – с одной стороны, охарактеризовать усиление эксплуатации крепостных крестьян по окончании войн с Наполеоном, с другой – привести важнейшие высказывания декабристов (Пестеля, Никиты Муравьева) о привлечении на свою сторону народа» [5, с.3]. Интересные высказывания Н.М. Дружинина содержатся в письмах и по другим проблемам декабристоведения. Он всегда умел поддержать добрым словом, советом своих коллег, их творческие планы и начинания. Внимание к людям – одна из характернейших черт ученого.

В связи с 80-летием академика Н.М. Дружинина в Курске был выпущен сборник, посвященный его юбилею и открывавшийся статьей Л.А. Медведской «Николай Михайлович Дружинин». В связи с этим Николай Михайлович писал: «Дорогая Лидия Алексеевна! Крепко жму Вашу руку и еще раз благодарю за Ваши хлопоты – и за дружескую статью, и за выставку, и за работу по сборнику... Товарищи и друзья широко откликнулись на мою круглую дату: я получил много адресов, телеграмм и писем с разных концов нашей страны и из-за рубежа; в них много сердечной теплоты, которая особенно ценна в моем возрасте при подведении скромных итогов моей работы» [7].

Рассказанное нами о творческих контактах академика Н.М. Дружинина с курскими учеными лишь один, но яркий пример его многосторонней научной и педагогической деятельности. Широко отмечала курская общественность и все последующие юбилеи своего земляка. На страницах областных газет «Курская правда», «Молодая гвардия» были помещены статьи о жизненном и творческом пути Н.М. Дружинина. Они были приурочены к 85-летию, 90-летию, 100-летию со дня его рождения. В Курском краеведческом музее имеется большая экспозиция, посвященная земляку-ученому. В создании ее большое участие принимала верный друг и помощник Николая Михайловича, его жена, Елена Иоасафовна

Дружинина, передавая музею некоторые рукописные материалы, фотографии, личные вещи ученого. В этом зале музея всегда бывает молодежь, студенты курских вузов, проявляющие интерес к яркой и содержательной жизни Н.М. Дружинина, его научной деятельности. В последние годы жизни Николай Михайлович поддерживал связь со студентами Курского медицинского института, участниками научного исторического кружка, являвшимися инициаторами проведения в городе цикла лекций для молодежи «Курыне – лауреаты Ленинской премии», научных выставок и конференций, посвященных Н.М. Дружинину. В ответ на поздравление кружковцев с юбилеем Николай Михайлович написал в их адрес такое теплое письмо: «Студенческому историческому кружку Курского медицинского института. Дорогие товарищи! Горячо благодарю Вас за поздравление с моим 95-летием. Меня очень трогает и радует Ваш интерес к моим работам. Желаю Вам новых успехов в Вашей учебе и работе. Академик Н. Дружинин» [8, л.1].

В связи со 100-летним юбилеем ученого по курскому областному радио была организована специальная передача, посвященная Лауреату Государственной, Ленинской премии Н.М. Дружинину, а в областной библиотеке имени Н. Асеева организована большая выставка его научных трудов. Материал об академике Н.М. Дружинине включен в Энциклопедический Словарь-справочник «Курск», в «Большую курскую энциклопедию». В курской периодической печати также публикуются материалы о нашем выдающемся земляке, внесшим огромный вклад в историческую науку, культуру и образование России.

Источники и литература.

1. Дружинин Н.М. Воспоминания о Курске // *Исторические записки. Курский государственный педагогический институт. Вып. XXVI. Курск, 1966, С. 10-25*
2. Курск. Очерки истории города. Воронеж, 1968
3. Дружинин Н.М. История нашего города // *Курская правда. 1969. 27 апреля.*
4. Личный архив Л.А. Медведской. Письма Н.М. Дружинина от 21 января и от 24 марта 1965 г.
5. Личный архив Л.А. Медведской. Письмо Н.М. Дружинина Л.А. Медведской от 1 апреля 1965 г.
6. Личный архив Л.А. Медведской. Письмо Н.М. Дружинина Л.А. Медведской от 9 мая 1965 г.
7. Личный архив Л.А. Медведской. Письма Н.М. Дружинина Л.А. Медведской от 19 сентября 1965 г., от 21 января 1966 г.
8. Личный архив А.Ю. Друговской. Письмо Н.М. Дружинина А.Ю. Друговской и членам научного студенческого кружка от 17 января 1981 г.
9. Медведская Л.А. Павел Иванович Пестель. М., 1967; Она же. Сергей Иванович Муравьев. М., 1970.
10. Медведская Л.А. Некоторые странички из истории Курского края второй половины XIX в. // *Ученые записки. Вопросы истории и краеведения. Т.47. Ч. II. Курск, 1968, С. 69-80.*
11. Перечень публикаций см.: Николай Михайлович Дружинин (1886-1986). М., 1987, С. 29, 31.
12. Учительская газета. 1967. 3 октября. 1904.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Атреева Елена Григорьевна – ст. науч. сотрудник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области»

Бирюков Анатолий Юрьевич – зав. Фатежским краеведческим музеем

Данильченко Александра Геннадьевна – соискатель кафедры истории России КГУ – danilchenko.ag@mail.ru

Дмитриева Виктория Владиславовна – учитель истории МБОУ «Полянская средняя общеобразовательная школа» Курского района Курской области.

Друговская Александра Юрьевна – доктор ист. наук, профессор кафедры теологии и религиоведения КГУ, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник науки и образования Курской области

Емельянов Гергей Николаевич – доцент кафедры гуманитарных дисциплин НОУ ВПО «РОСИ»

Епишева Людмила Михайловна – начальник архивного отдела Администрации Коньшевского района Курской области – arhiv.konyshevka@mail.ru

Жигулин Евгений Павлович – студент IV курса исторического факультета КГУ

Каменева Валентина Геннадьевна – библиограф Фатежской межпоселенческой библиотеки

Кононов Николай Григорьевич – кандидат ист. наук, доцент социальной работы и социальной экологии Курского института социального образования (филиала) ФГБОУ ВПО РГСУ.

Кравцова Елена Сергеевна – доктор ист. наук, профессор Курского государственного медицинского университета

Купреева Людмила Ивановна – научный сотрудник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области»

Курцев Александр Николаевич – кандидат ист. наук, профессор кафедры истории России КГУ – kur-ist@mail.ru

Ласочко Людмила Сергеевна – зам. начальника отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области»

Левина Елена Валерьевна – начальник архивного отдела Администрации Глушковского района Курской области – arhiv307450@mail.ru

Озеров Юрий Владимирович – кандидат ист. наук, доцент кафедры философии и социальных дисциплин Курского института менеджмента, экономики и бизнеса

Палий Любовь Валерьевна – кандидат ист. наук, начальник отдела магистратуры, ст. преподаватель кафедры истории России КГУ – lyubov-palii@mail.ru

Петраков Юрий Сергеевич – студент IV курса исторического факультета КГУ

Пишишвили Георгий Джунглович – кандидат ист. наук, доцент кафедры социологии и политологии КГУ – pilishvili.georg@yandex.ru

Пинаева Ирина Владимировна – соискатель кафедры истории России КГУ

Потаскаева Татьяна Николаевна – главный архивист отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области»

Раков Виктор Владимирович – кандидат ист. наук, зам. директора-начальник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области» – vrakov@inbox.ru

Рянский Леонид Михайлович – доктор ист. наук, профессор кафедры истории России КГУ – rianskij@mail.ru

Рянский Роман Леонидович – кандидат ист. наук, соискатель кафедры истории Отечества КГУ – juilar1300@gmail.com

Салтык Галина Александровна – доктор ист. наук, профессор, зав. кафедрой культурологии КГУ

Симоненков Алексей Владимирович – аспирант кафедры истории России КГУ

Терещенко Анатолий Андреевич – доктор ист. наук, профессор кафедры истории России КГУ – terecshenkoaa@mail.ru

Токарева Светлана Николаевна – кандидат ист. наук, доцент кафедры истории Отечества КГУ – tokareva_sn@mail.ru

Чубаров Алексей Игоревич – студент V курса исторического факультета КГУ – chubar1991@mail.ru

Шишлова Маргарита Витальевна – кандидат ист. наук, ведущий консультант отдела методического руководства за работой государственных, муниципальных и отраслевых архивов архивного управления Курской области.

Шуклина Лилия Алексеевна – кандидат ист. наук, ассистент кафедры философии КГМУ

Щавелёв Сергей Павлович – доктор философских наук, доктор ист. наук, профессор, зав. кафедрой философии Курского государственного медицинского университета – sergei-shhavelev@yandex.ru

Сборник статей

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ КУРСКИХ АРХИВОВ.
110-ЛЕТИЮ
АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Выпуск XI

Сдано в набор 21.05.2013 г. Подписано в печать 29.05.2013 г.
Формат 60 x 84. Бумага офсетная 80 г/м2. Объем 11,25 усл. печ. л.
Гарнитура Таймс. Тираж 100 экз. Заказ №2706

Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лоцман»
г. Курск, ул. Садовая, 13